

ЮРИЙ БЕРЕЗКИН

ИМПЕРИЯ ИНКОВ

Annotation

Книга рассказывает об одной из величайших мировых имперских моделей – «Империи инков». Из всех индейских племен, проживавших на территории Южной Америки, достичь наибольших успехов и реально сформировать настоящую империю, подобную европейским, получилось только у перуанских племен кечуа, создавших могущественную империю инков.

Она унаследовала многовековые традиции более ранних цивилизаций, но возникла из конгломерата сражающихся племен, чьи вожди набивали чучела врагов золой и соломой и пили пиво из человеческих черепов.

Основой этой империи стала продуманная социально-экономическая и административная система. С помощью этой системы инкам удалось в невиданных прежде масштабах мобилизовать трудовые ресурсы огромной страны.

- [Юрий Березкин](#)
  - [Введение](#)
  - [Глава I](#)
    - [Природные условия центральных Анд](#)
    - [Этноязыковая ситуация накануне инкского завоевания](#)
    - [Предшественники инков по данным археологии](#)
    - [Распространение языков кечуа и хаки](#)
    - [Происхождение и язык собственно инков](#)
    - [Обстоятельства, благоприятствовавшие возвышению куско](#)
  - [Глава II](#)
    - [«Энергия и структура» Ричарда Адамса](#)
    - [Становление хозяйственных основ перуанской цивилизации](#)
    - [Центральные Анды в сравнении с Мезоамерикой](#)
    - [Хранение продуктов и пути сообщения](#)
    - [Хранение и передача информации](#)
    - [Оценка величины древних коллективов](#)
    - [Функции монументальной архитектуры](#)
    - [Стадии политической интеграции древнего перу](#)
  - [Глава III](#)
    - [Завоевательные походы инков](#)
    - [Области в Чили и Аргентине](#)

- [Восточная граница](#)
- [Тауантинсуйю – мировое государство](#)
- [Привилегированный слой Тауантинсуйю](#)
- [Административная система](#)
- [Общинный сектор экономики](#)
- [Государственный и корпоративный секторы](#)
- [Храмовый сектор](#)
- [Янакона и акля](#)
- [Камайок](#)
- [Митмак](#)
- [Деревня и город](#)
- [Последствия государственного вмешательства в сельскохозяйственное производство](#)
- [Социальная структура Тауантинсуйю](#)
- [Торговцы](#)
- [Истоки системы централизованного распределения](#)
- [Обслуживание ремесленниками потребностей знати](#)
- [«Финансы» империи. Циркулирование предметов роскоши](#)
- [Склады. накопление продуктов жизнеобеспечения](#)
- [Методы эксплуатации. Ритуализация трудового процесса](#)
- [Глава IV](#)
  - [Источники по религии древнего Перу](#)
  - [Проблема культового искусства инков](#)
  - [Тенденции к монотеизму в инкской религии](#)
  - [Храм Виракочи в Ракчи](#)
  - [Панперуанский политеистический пантеон](#)
  - [Ритуал великого жертвоприношения](#)
  - [Вертикальные связи в имперских структурах](#)
  - [Имперская идеология](#)
  - [Астрономия индейцев центральных Анд](#)
- [Глава V](#)
  - [Экономическая неконкурентоспособность индейских культур как причина их исчезновения](#)
  - [Уникальное положение андских индейцев в послеколумбовой Америке](#)
  - [Кризисные культы](#)
  - [Индейцы перу в колониальный период](#)
  - [Индейское милленаристское движение в XX веке](#)
  - [Инки и «социализм»](#)

- [Тоталитарное государство как новая ступень в развитии имперского деспотизма](#)
  - [Глава VI](#)
-

Юрий Березкин
Империя инков

Введение

Более половины тысячелетия миновало с тех пор, как в 1492 году каравеллы Колумба пересекли Атлантику. В 1513 году, преодолев Панамский перешеек, испанцы впервые вышли к Тихому океану. В 1521 году пала столица ацтеков Теночтитлан. В 1531 году Франсиско Писарро отплыл из Панамы в Перу завоевывать государство Инков, слухи о богатстве которого доходили до Центральной Америки. Конкистадоры высадились где-то в районе экватора и затем много месяцев добирались сушей до Тумбеса – самого северного инкского порта близ современной эквадорско-перуанской границы. Еще три месяца Писарро провел в окрестностях этого города, собирая сведения о стране, которую желал покорить. Новости оказались благоприятны: в Перу едва закончилась война между Атауальпой и Уаскаром – двумя претендентами на инкский престол. Атауальпа одержал победу и располагался с армией около Кахамарки, примерно в 500 км на юго-юго-восток от Тумбеса, в горах. С 62 всадниками и 102 пехотинцами Писарро в ноябре 1532 года достиг ставки Атауальпы и, заманив его в ловушку, захватил в плен. При этом погибли две тысячи индейцев, испанцы же потерь не понесли. Согласно легенде, лишь сам Писарро был легко ранен. Взяв с Атауальпы огромный выкуп золотом, испанцы затем казнили его. Одним из поводов для приговора стало обвинение в убийстве Уаскара. Почти без боев достигнув инкской столицы Куско, конкистадоры со всеми подобающими церемониями возвели на трон младшего брата Уаскара Манко Капака. Тот вскоре поднял восстание, но не смог отвоевать Куско и увел своих сторонников на запад-северо-запад от столицы, где в труднодоступном горном районе создал так называемое Новоинкское царство. Последний его правитель был казнен испанцами в 1572 году. К этому времени население страны сократилось на несколько миллионов человек – в основном из-за гибели коренных обитателей от занесенных европейцами болезней. Большинство испанцев, возглавивших завоевание Перу, умерло насильственной смертью в междоусобных схватках.

Конкиста со всеми ее жестокостями и преступлениями явилась прямым следствием открытия Америки. И все же историки не смешивают эти два события, рассматривая их под разным углом зрения и оценивая неодинаково. Нарушение многотысячелетней изоляции Нового Света, установление глобальных международных связей рано или поздно должно

было произойти. Для Западной Европы начало плаваний за океан означало выход из опасного кризиса. Встретившись с угрозой османского нашествия, Европа нуждалась в золоте, утекавшем в те времена на Восток, в обмен на пряности. Но без золота нельзя было ни собрать армию, ни построить мощный флот. Кто знает: опоздай Кортес и Писарро на пятьдесят лет – и западная цивилизация, быть может, вовсе не достигла бы того расцвета, который ожидал ее в последующие века. Что же касается индейцев, то им встреча цивилизаций принесла, конечно, мало хорошего. Но раз уж считать конкисту неизбежной, то следует подумать о том, что пятьюдесятью годами раньше последствия испанского завоевания для Мексики и Перу были бы еще более трагичны. Ведь в XV – начале XVI века народы этих стран переживали самый напряженный и отмеченный блестящими достижениями период своего развития. И хотя вслед за этим история аборигенов Америки оказалась оборвана, произошло это все же не на полуслове, а скорее, в конце очередной главы.

Центральных Анд, как именуют область высоких перуано-боливийских культур археологи, сказанное касается прежде всего. С позиции сегодняшнего дня история древнего Перу выглядит поразительно стройной, прямо-таки образцово иллюстрирующей закономерный ход общественной эволюции. Пять-шесть тысяч лет назад местные индейцы вышли на магистральный путь, приведший их к вершинам цивилизации. Племена стали реже менять места обитания, охотники и собиратели, уделявшие выращиванию растений лишь незначительную часть своего времени, превращались в настоящих земледельцев. На побережье Тихого океана становлению оседлой культуры содействовало освоение богатейших рыбных ресурсов, в горах – одомашнивание альпаки и ламы. В конце IV – начале III тыс. до н.э. в некоторых районах северного Перу уже появились высокие платформы из щебня и глины, наглядно свидетельствуя о росте общественного богатства и умении строителей действовать сообща. В середине II тыс. до н.э. эти сооружения достигли гигантских размеров – в то время лишь древние египтяне могли похвастаться большими достижениями. Все более многочисленные и сложные коллективы людей требовали все более профессионального руководства. В первых веках нашей эры в Центральных Андах возникают настоящие государства или, чтобы быть осторожнее, общества уровня государств. Могущество их правителей крепнет. Одни культуры впоследствии гибнут, другие приходят им на смену, порой обширные области переживают упадок. Однако при всех зигзагах развития перуанская цивилизация эволюционирует в том же направлении, что и другие древние общества, например, ближневосточное

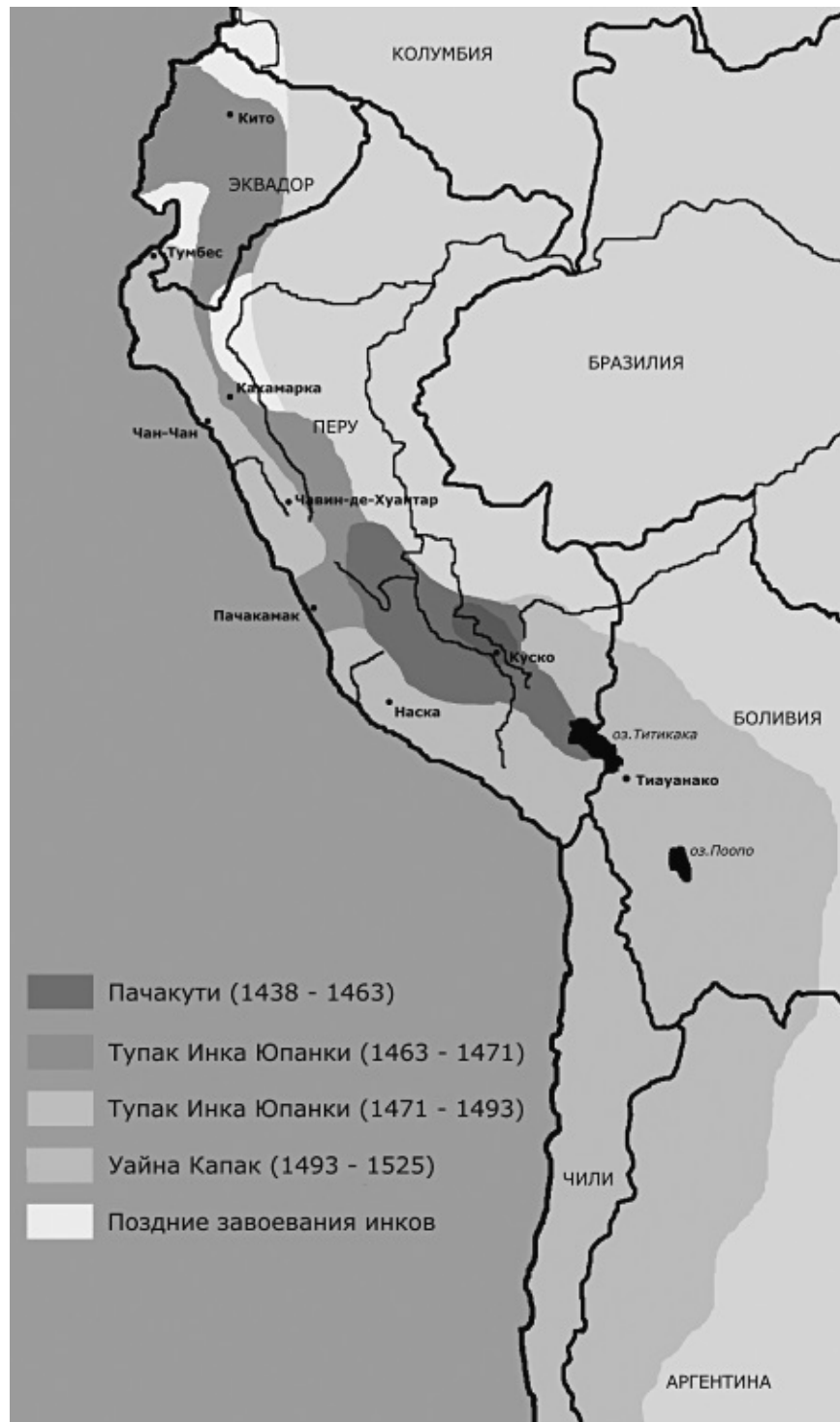
или китайское: борьба народов и государств завершается объединением всех земель с определенными природно-ландшафтными условиями в границах одного гигантского политического организма – империи.

Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби много писал о том, сколь притягательна бывает идея империи – сверхгосударства, концентрирующего огромные ресурсы, осуществляющего грандиозные проекты и устанавливающего единообразие и порядок. Любая империя обречена на исчезновение, но и после распада и гибели остается ее идеализированный образ. Воодушевленные им люди не жалеют усилий для возрождения сверхгосударства, и порой это им удается. Поэтому от империи непросто избавиться: пережив свою смерть, она оживает в новом обличье. Иногда новая империя возникает непосредственно на руинах старой, но бывает и так, что их разделяют века, если не тысячелетия. Последний иранский шах уподоблял свою страну державе Ахеменидов, а его гонитель и преемник пытался вернуть весь исламский мир в эпоху халифатов. Что же касается китайцев, то название древней империи Хань даже стало самоназванием народа.

Империя инков не составляет исключения. Во второй половине прошлого века в Латинской Америке было достаточно много людей, которые связывали с ней не прошлое, а будущее. Возможность возрождения андской державы не выглядит сейчас вероятной. И все же история непредсказуема – хотя бы уже потому, что представления о ее «законах» слишком сильно меняются в зависимости от накопленного нами опыта.

Итак, инки. Слово это употребляется в разных значениях. Для большинства читателей, лишь понаслышке знающих о культурах аборигенов Америки, инки есть чаще всего то же самое, что и древние перуанцы. Специалисты порой имеют в виду под инками всю совокупность подданных инкского государства, но инками неверно называть создателей более древних индейских культур. Еще недавно считалось, что в отличие от майя и даже ацтеков инки вышли на арену истории очень поздно, всего лишь за сто лет до появления испанцев. Сейчас эта точка зрения пересмотрена: в XIII в. н.э. инкское государство уже сформировалось. Тем не менее границы инкской империи установились как раз накануне первого путешествия Колумба, а ее социально-экономическая структура окончательно выкристаллизовалась уже в те годы, когда конкистадоры уничтожали гаитянских араваков и покоряли Мексику.

Рост империи Инков

Под инками в точном значении слова надо понимать лишь столичную аристократию государства – потомков маленькой этнической группы (условно говоря, «племени»), жившей на юге Перу и лет за 400 или 500 до прихода испанцев установившей контроль над долиной Куско. Позже в

категорию так называемых «инков по привилегии» вошло иноплеменное население окрестностей Куско, близкое настоящим инкам по культуре и издавна связанное с ними родственными отношениями. Само слово «инка» некогда означало, по-видимому, примерно то же, что и кечуанское «синчи», т. е. «воин», «военачальник», «доблестный и родовитый муж». Отсюда логичен переход к последнему важному значению слова «инка» – «предводитель», «царь». «Инка» входит поэтому в довольно длинный ряд эпитетов, из которых складывались имена верховных властителей андской империи (в литературе эти имена обычно даются в упрощенной форме). Таким образом, если «инки» есть название народа либо правящей социальной группы, то «Инка» (в единственном числе) обозначает главу государства инков. При необходимости подчеркнуть именно это значение пишут о Сапа Инке, т. е. Великом Инке (императоре).

Об инках написано много, но тема эта неисчерпаема. Древнеперуанская цивилизация – явление мирового класса. От того, какой образ инкской империи создадут в своих реконструкциях ученые, быть может, зависит в определенной мере наше общее представление об истории человечества, а тем самым – в какой-то мере и о возможном и желательном направлении будущего развития. Так инки до сих пор оказывают на нас влияние. Но верно и обратное утверждение: мы сами влияем на инков. Каждое поколение по-новому смотрит на события прошлого. Вольно или невольно люди различают в истории лишь отражение тех идей, которые помогают им в данный момент ориентироваться в окружающем мире. Неудивительно поэтому, что в Новейшее Время одни видели в инках граждан социалистической утопии, другие – деспотов-рабовладельцев, третьи – создателей сравнительно примитивного раннего государства, причем в обоснование своей позиции приводили зачастую одни и те же факты. И если сейчас мы способны посмотреть на историю народов Центральных Анд иначе, чем 30, 50 или 100 лет назад, то не только из-за возросшего объема знаний об инках и их предшественниках, но еще и потому, что изменилось общество, в котором мы сами живем.

Эта книга была закончена четверть века назад. На переиздание я согласился с условием, что смогу сделать исправления в тексте. По совести говоря, следовало бы не ограничиться исправлениями, а переписать текст от начала и до конца. За последние годы в науке о древних обществах произошла революция, а объем наших знаний о Древнем Перу возрос многократно. Российский читатель обо всем этом знает мало. И дело не в том, что информацию трудно найти – она открыта для всех в интернете, по

крайней мере англоязычном. Проблема в утрате ориентиров. Господствовавшие в советское время представления о древней истории в основном сложились еще в XIX в. и к концу XX в. безнадежно устарели. Крах советской системы привел не столько к обновлению, сколько к кризису нашей науки – она лишилась поддержки общества, перестала быть ему интересной. Подавляющее большинство россиян не верит уже ни в какие теории и концепции и даже не пытается отличать доказанные факты от заведомой чуши и домыслов.

Надеюсь, что читатели этой книги составляют исключение. Тех, кто хотел бы познакомиться с Древним Перу подробнее, прошу зайти на сайт Музея Антропологии и Этнографии (Кунсткамера), где среди электронных ресурсов доступна и моя недавняя монография «Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике» (СПб, 2013). В Кунсткамере можно приобрести и печатный экземпляр. В книгу же, которую читатель держит перед собой, были внесены лишь минимальные поправки и добавления.

Особого комментария требуют последние главы книги, в которых говорится не столько об инках, сколько об империях вообще и прежде всего о той, в которой автор прожил больше половины своей жизни. Лет 15 назад могло показаться, что подобная проблематика в России раз и навсегда утратила актуальность – но ведь нет же! Так что большую часть соответствующего текста я оставил без изменений.

Теперь объясню кратко, в чем именно наши представления об инках и их предшественниках отличаются от господствовавших в 1980-х годах.

До середины XX века основным источником сведений об инках оставались так называемые хроники – труды, написанные в XVI—XVII веках и рассказывающие об истории, хозяйстве, обычаях, верованиях обитателей Перу. Их авторами были как испанцы, так и потомки индейской знати. Значение перуанских хроник невозможно переоценить и сейчас. Вместе с тем хроники не содержат ответ на все возникающие вопросы и в целом дают несколько более искаженную картину жизни инков, чем аналогичные работы по истории и культуре ацтеков. Традиции древнемексиканского общества начала XVI века оказались понятнее европейцам, чем андские. Религиозные и календарно-астрономические представления, государственные и политические институты, экономическая организация, а главное, распространенный в Мексике способ накопления и передачи информации, т. е. письменность, не отличались принципиально от известных европейцам либо по

собственному опыту, либо благодаря общению с другими народами Старого Света или сведениям, дошедшим от античности. Представители прежней ацтекской знати в свою очередь сравнительно легко перешли на латиницу и рассказали в своих сочинениях о жизни и истории разрушенного конкистадорами государства.

Инки хранили информацию с помощью кипу – связок разноцветных шнурков с узелками. Подобная знаковая система была не менее емкой, чем ацтекское полупиктографическое письмо, но она несопоставима с европейской. Кипу не были случайным изобретением. Они появились до инков, а принципы мышления, лежащие в основе «узелкового письма», тесно связаны с присущими индейцам Анд календарно-астрономическими представлениями, с особенностями их социальной организации. В Андах пропасть между европейской и местной культурами была столь глубокой, что после конкисты образованные индейцы и метисы оказались способны изложить свои взгляды в доступной завоевателям форме лишь в тех случаях, когда их собственное мышление в определенной мере европеизировалось. У некоторых авторов, таких как очень популярный в свое время Инка Гарсиласо де ла Вега, европеизация была более, у других – менее полной, но в совсем нетронутом виде древнее индейское мировоззрение вряд ли кто-нибудь сумел передать. К тому же из-за вспыхнувшей между конкистадорами распри сбор сведений о культуре и прошлом Перу начался лишь через полтора десятилетия после похода Писарро, когда память о реальном государстве инков уже стала вытесняться его легендарным образом. Большинство же «хроник» написано не участниками событий 1530-х годов, а их потомками во втором и третьем поколениях.

Увидеть за текстами хроник те грани, те стороны реальности, которые они отразили лишь мимоходом и неосознанно, помогло введение в научный оборот новых категорий источников. Чрезвычайно полезными оказались, например, этнографические исследования среди индейцев Боливии и Перу – особенно проведенные до разразившихся в 1970-е гг. социально-хозяйственных потрясений. Эти наблюдения позволили проникнуть в основы присущего обитателям Анд миропонимания, заложив краеугольный камень в реконструкцию древних общественных структур. Кроме того, в перуанских архивах были обнаружены не предназначавшиеся к публикации документы середины и второй половины XVI века, прежде всего так называемые *visitas* – отчеты испанских чиновников о положении дел в провинциях вице-королевства. Они включают частные, нередко отрывочные, но зато подробные и, по-видимому, объективные сведения о

демографии, социальной организации, отношениях собственности в последние годы существования инкского государства. Например, в отчетах, поступивших в 1549 и 1562 годах из районов расселения индейцев чупачу к востоку от крупного центра Уануко на севере горного Перу, приводятся уникальные числовые данные о распределении рабочей силы согласно последней переписи, которая проводилась при инках. Здесь же перечисляются производимые чупачу изделия и продукты, указывается, куда они должны быть отправлены. Значение этих документов для восстановления социально-экономической обстановки в Андах к началу 1530-х годов можно, пожалуй, сравнить со значением Смоленского архива для реконструкции нашего собственного недавнего прошлого (попавший в 1945 году в США, этот архив, как известно, являлся единственным собранием советских материалов 1930-х годов, которое сохранилось в первоначальном виде и было общедоступно).

Архивные материалы позволили оценить достоверность известной по хроникам панорамы инкского общества. Стало ясно, что она была излишне обобщена. Формы землепользования и управления, степень зависимости населения от центральной власти, соотношение доинкских традиций с навязанными из Куско новшествами были неодинаковы в отдельных районах. В то же время описания некоторых имперских хозяйственных и организационно-политических институтов оказались на удивление близко соответствующими подлинному положению вещей. Оказалось, что инки в самом деле централизованно контролировали продуктообмен, отчуждали в свою пользу не результаты труда, а лишь рабочую силу производителей, создали регулярную административную систему.

Однако никакие документы XVI в. не могут сравниться по важности с другим источником для изучения древнеперуанской культуры – археологией. В отличие от письменных документов, этот источник неисчерпаем. Археологи не только исследуют все новые поселения и могильники, но и придумывают все более изощренные способы анализа информации, используют все более совершенные методы изучения ботанических и костных остатков, состава металлов, способов изготовления тканей и т.п.

Многим знакомы фотографии Мачу-Пикчу – развалин инкского города в ныне малонаселенной местности на северо-западе от Куско. Создатель империи Пачакути основал здесь одну из своих резиденций, нечто вроде загородного дворца. После прихода испанцев город был заброшен, а его живописные руины открыты в начале нашего века. Не менее сильное впечатление на любителей экзотики производят детские захоронения на

вершинах высоких гор. Видимо, они связаны с ритуалом «великого жертвоприношения», о котором еще пойдет речь. Подобные сенсационные открытия, однако, не всегда самые существенные для реконструкции прошлого. Раскопки велись и ведутся на многих больших и малых памятниках. Именно благодаря исследованиям археологов удалось существенно удревнить время появления инкского государства. Что же до предшественников инков, то почти все исследования, проведенные ранее 1990 года, выглядят сейчас как всего лишь первые шаги на пути познания. Самым же важным результатом исследований как в Андах, так и в других районах мира, стал отказ от представления об истории как о наборе кубиков, из которых строятся отдельные общества, и ступенек, по которым человечество поднимается все выше и выше. Историки не отказались от использования общих понятий, например, понятия раннего государства. Однако стало ясно, что границы между простыми и сложными, догосударственными и государственными обществами можно провести лишь условно. Именно благодаря археологам стало ясно, что для любых исторических тенденций и закономерностей всегда найдутся исключения. Английский социальный антрополог Эдмунд Лич был прав, когда еще в начале 1960-х годов написал: общество есть собрание не вещей, а переменных.

Разумеется, у археологов немало проблем. Археология – сравнительно дорогая наука, так что средств на раскопки никогда не бывает достаточно. Нередко поэтому проводится лишь поверхностное обследование руин с выборочными зачистками и закладкой шурфов. При такой методике хорошо идентифицируются некоторые виды ремесленной деятельности, поддаются отождествлению хранилища, комплексы общественно-культового характера. Труднее бывает определить, в каких помещениях работали и сколь многочисленны были надзиратели и счетоводы со своими «кипу» или временно собранные неквалифицированные рабочие. Отсутствие «очевидных» данных легко принять за доказательство их отсутствия и прийти к ошибочным выводам.

Я уже сказал, что археологические методы исследований постоянно совершенствуются. Однако это не значит, что с раскопками следует подождать, пока способы получения информации станут надежнее. Во всем мире происходит быстрое уничтожение археологических памятников. Их разрушают в процессе хозяйственного освоения территории и военных действий, их грабят «черные копатели» (которых в Андах зовут уакеро), некоторые виды памятников уязвимы и для природных воздействий – цунами и катастрофических ливней. Современные археологи часто

следуют по стопам тех, кто разрушал памятники: стараются проследить то немногое, что еще сохранилось, зачищают стенки грабительских ходов, изучают черепки от разбитых сосудов и обрывки тканей. И лишь крайне редко в соревновании ученых и разрушителей первые побеждают. Так случилось в 1987 году в деревне Сипан на севере побережья Перу, где полиция остановила людей, только что набивших мешок драгоценностями, извлеченными из древней гробницы. Последовавшие затем раскопки захоронений культуры мочика, относящихся к III в. н.э., стали мировой сенсацией и придали мощный импульс археологическим исследованиям в Центральном Андах. На протяжении последних 25 лет здесь работали десятки хорошо оснащенных экспедиций – как местных, так и организованных учеными из США, Европы и Японии. Пожалуй, нигде в мире археология не развивалась в последнее время столь быстрыми темпами, как в Перу.

В небольшой книге нет возможности рассказать о всех сторонах жизни обитателей инкского государства. Наша цель – заострить внимание не на этнографических или событийных подробностях, а на том главном, что выделяет инков среди остальных индейцев Америки и ставит в один ряд с создателями величайших империй древности. Инки не оставили после себя такого обилия великолепных произведений искусства, как их предшественники. Широко внедряя уже известные технические изобретения, завоеватели из Куско не сделали, по-видимому, ни одного из них сами. Но зато инки – это творцы продуманной социально-экономической и административной системы, с помощью которой им удалось в невиданных прежде масштабах мобилизовать и целенаправленно использовать трудовые ресурсы своей страны. Обладая многими важнейшими признаками всех империй, с одной стороны, и всех древних обществ – с другой, инкское государство отличается вместе с тем и рядом неповторимых особенностей. Возникает желание назвать его самым развитым из архаических и самым архаическим из развитых. Это государство унаследовало многовековые традиции более ранних цивилизаций, но возникло из конгломерата сражающихся племен, чьи вожди набивали чучела врагов золой и соломой и пили пиво из человеческих черепов. Десятичная административная структура инкского государства оставляет впечатление унылой стандартизации, но за кажущейся простотой скрывается сложный баланс политических и хозяйственных интересов, противостояние столицы и провинций, побережья и гор, юга и севера, приверженцев нового царя и потомков старого и т. п. Короче говоря, инки, осуществив свой исторический

эксперимент, продемонстрировали достаточно своеобразный вариант организации коллектива из нескольких миллионов людей. Читатель, разделяющий гуманистическую систему ценностей, может быть, не сочтет подобный вариант особенно привлекательным, однако историки и философы весьма заинтересованы в его изучении. К тому же по сравнению со многими его предшественниками, инкское общество можно назвать почти гуманным – казни и пытки пленников перестали быть рутинной ритуальной практикой.

Каждая из допустимых форм общественного устройства, включая и наименее удачные, позволяет нам лучше определить свои возможности и увереннее ориентироваться в окружающем мире. С этой точки зрения реализация «инкской модели» имела глубокий смысл. Речь, разумеется, не идет об оправдании попыток превратить общество в экспериментальную лабораторию. Любая «социальная инженерия» (излюбленный термин английского историка и журналиста Пола Джонсона) всегда влекла катастрофические последствия и для экономики, и для судеб отдельных людей. Однако есть основания подозревать, что в своих действиях древние и современные экспериментаторы бывали не столь уж свободны. Даже самые неожиданные исторические катаклизмы в немалой степени обусловлены многовековыми тенденциями общественного развития. Будучи следствием случайных, по видимости, обстоятельств, они все же оказываются частью естественного хода вещей. Тем более это относится к таким грандиозным, по любой мерке, событиям, как рождение и гибель целых цивилизаций.

Церемониальная ваза с изображением бога Наймлапа. Наследие культуры Ламбаеке.

Хранится в Музее Золота, Перу

Народы и цивилизации вносят вклад в мировую культуру уже благодаря самому факту своего существования. Это справедливо и в отношении обитателей Анд. Древние перуанцы научились выращивать множество видов и сортов полезных растений. Их изобразительное искусство и фольклорные традиции оказывают серьезное влияние на современных художников, писателей, композиторов. Приток золота и серебра, награбленного в перуанских гробницах и храмах, влил в свое время, как уже говорилось, свежие силы в экономику Европы. Однако более всего ценен социальный опыт индейцев, обогативший историческую

память человечества.

Глава I

Предыстория инков

Природные условия центральных Анд

Веда рассказ о народах, населявших Перу и Боливию в прошлом, некоторые потомки которых живут там и поныне, нельзя не предварить его кратким описанием природы Центральных Анд. Экзотические для нас особенности древнеперуанской культуры могли возникнуть только в тех совершенно необычных ландшафтно-климатических условиях, которые характерны для западных областей южноамериканского континента.

Анды – высочайшая после Гималаев горная система мира. Поскольку она пересекает тропический пояс, хозяйственная деятельность человека возможна здесь вплоть до высоты 4,5 км, то есть на 2 км выше, чем в Альпах или на Кавказе. Своеобразная, нигде больше не имеющая точных аналогов тундро-степь андских плоскогорий называется пуна. Она тянется от северного Чили до центральных районов Перу. Дальше по направлению к Эквадору ее сменяют альпийские луга, именуемые в Южной Америке парамо. Пуна и парамо различаются рельефом, климатом, флорой и фауной, поэтому эти зоны осваивали в древности разные группы людей. Пуна делится на нижнюю, где сажают картофель и другие горные клубнеплоды, сеют каньиуа и киноа (богатые белками растения из семейства маревых), и верхнюю, пригодную лишь для выпаса скота. Чем дальше к югу, тем пуна засушливее, так что на боливийско-чилийской границе это местами уже настоящая солончаковая пустыня. Лучшие, хотя сравнительно небольшие по площади, пастбища пуны находятся в центральном Перу близ оз. Хуниин.

Ниже пуны располагаются более теплые долины и котловины. Центр самой обширной из них и выше других расположенной занимает крупнейшее озеро Южной Америки – Титикака. На дне глубоких долин картофельные поля уступают место посевам кукурузы. В основном долины засушливы, и поля приходится орошать, но на обращенных к востоку склонах гор на высоте 2.5-3.5 км местами выпадает очень много осадков. Эти холодные дождливые районы с бедными почвами покрыты низкорослыми зарослями и ныне почти безлюдны. Называют их «сеха де сельва» – «бровь лесов». Ниже по восточной окраине Анд растет уже настоящий горный лес, постепенно переходящий в тропический. В зону распространения центральноандской цивилизации лесные районы не входили, но их население порой проникало на запад, сыграв известную роль в истории древнего Перу.

Нижний пояс гор, обращенных к Тихому океану, засушлив и рассечен крутыми ущельями. Населения здесь почти нет. Далее начинается прибрежная равнина, которая на севере Перу достигает ширины 50 км. К югу она сужается, так что горы местами вплотную подступают к воде. Холодное течение Гумбольдта определяет особенности климата побережья. Несмотря на близость к экватору, здесь не жарко, лето и зима слабо различаются по температуре. Воздух с океана, оказавшись над сушей, нагревается, и дожди идут только высоко в горах. Жизнь на побережье сосредоточена там, где на равнину выходят горные речки или имеются источники подземных вод. Оазисы отделены друг от друга участками пустыни шириной 20-40 км. Эти оазисы плодородны и густо заселены.

В некотором отношении тянувшаяся вдоль западных отрогов Анд пустыня (прямое продолжение чилийской пустыни Атакама) напоминает подгорные полосы, окаймляющие засушливые равнины Азии от Ирана до Восточного Туркестана. Возникшие здесь и там на основе орошаемого земледелия древние цивилизации тоже имеют кое-что общее, например, в технике домостроения: те же массивные сооружения из сырцового кирпича, те же прямоугольные в плане жилища с плоскими крышами. Однако различий, конечно, больше, чем сходства. Если азиатские речки теряются в песках, то перуанские несут свои воды к морю. Близ берега в океане действуют восходящие потоки воды, которые выносят из глубин соединения азота и фосфора. Благодаря поступлению питательных веществ у берегов Перу, особенно на участке от Лимы до северного города Трухильо (долина Моче), сложилась одна из самых богатых в мире биосистем морских организмов. Рыбы здесь было так много, что ею удобряли поля.

Распределение природных ресурсов обусловило пространственную структуру центральноандской цивилизации. В ней с самого начала наметились два относительно независимых центра. В горах наилучшие возможности для развития производящего хозяйства существовали на юге области в бассейне оз. Титикака. Здесь расположены самые обширные пастбища и поля, немалое значение имел и сам пресноводный водоем – крупнейший в Южной Америке. На побережье центр развития был, напротив, смещен к северу, где оазисы наиболее обширны, а море богаче всего. Крайний юг побережья Перу – не более чем хозяйственный придаток бассейна Титикаки. В свою очередь горные районы на севере находились под влиянием мощных прибрежных культур. В центральном Перу соотношение горных долин и прибрежных оазисов более уравновешено и культурные взаимодействия носили здесь наиболее сложный характер.

Благодаря тому, что участки плодородных земель разделены в Андах

пустынями и горными хребтами, а преимущественно земледельческие районы перемежаются с преимущественно скотоводческими, культурное разнообразие в древности здесь было очень велико. Центральноандская цивилизация представляла собой исключительно сложную и динамичную систему, в которой взаимодействовали коллективы людей с весьма неодинаковыми формами социальной и хозяйственной организации. Если ранние цивилизации Старого Света были окружены варварской периферией, то в Андах периферийные общества глубоко вклинивались в зону высоких культур.

С востока Центральные Анды ограничены лесами бассейна Амазонки, с запада – океаном. Северная и южная границы менее четкие, во всяком случае двухступенчатые. Первый рубеж на севере проходит чуть южнее современной границы между Перу и Эквадором. Горные хребты здесь настолько сужаются и понижаются, что сельва почти пересекает их, приближаясь к небольшим участкам тропического леса на западных склонах Анд. На побережье близ эквадорской границы пустыню сменяет саванна. В районе порта Тумбес воды океана резко теплеют и становятся беднее рыбой. В годы глобального климатического дисбаланса (явление «эль-ниньо») теплые воды распространяются дальше к югу, что не раз приводило в Перу к страшным стихийным бедствиям – дождевые потоки разрушали оросительные каналы, в море гибла рыба.

Своеобразие природной среды на крайнем севере Перу по сравнению с более южными районами значительно повлияло на ход этнических и хозяйственных процессов. Ни одна из предшествовавших инкам перуанских культур не смогла распространиться на эквадорскую территорию. Неодолимым препятствием оказался данный участок для одомашненной на плоскогорьях Боливии и Перу холодолюбивой альпаки, которая, возможно, прижилась бы в горах Эквадора. Пять тысяч лет назад по североперуанскому коридору с востока на запад, видимо, проникли окультуренные в южноамериканских низменностях теплолюбивые клубнеплодные растения типа маниока и батата. Иногда здесь продвигались в горы из Амазонии лесные племена.

Все же индейцы Эквадора, особенно жители побережья, не были полностью отрезаны от населения Центральных Анд. Обработка плодородных земель и посредническая торговля позволили эквадорским прибрежным обществам еще в I тыс. н. э. достичь предгосударственного уровня социально-политической организации. Горные районы этой страны приобрели важное значение позже – в основном уже при инках.

В целом Эквадор образует северную периферию Центральных Анд,

тогда как Колумбия в культурном отношении отличалась от Перу гораздо сильнее. На ее границе с Эквадором расположен труднопроходимый горный узел, где сходятся западные и восточные хребты Кордильер. Тихоокеанское побережье покрыто густыми влажными лесами, и лишь на его крайний юго-запад с середины I тыс. до н. э. проникали высокие культуры эквадорского типа.

На юге Перу и в Боливии область древних цивилизаций простиралась примерно до 17° ю. ш. Южнее даже в горах осадков выпадает мало, и крохотные оазисы здесь отделены друг от друга многими десятками километров пустыни. Но в остальном аридная область Южных Анд в Боливии, Чили и Аргентине прямо продолжает центральноандскую, так что местные культуры земледельцев, скотоводов и рыбаков были достаточно сходны с культурами Перу. С начала I тыс. до н. э. Южные Анды прочно входят в орбиту того культурного центра, который сложился вокруг оз. Титикака. Лишь в центральном Чили и на восточных склонах аргентинских Анд ландшафтно-климатические условия уже принципиально отличаются от центральноандских. В этих субтропических долинах и пролегли последние рубежи инкского государства.

Природные условия в Центральных Андах не только разнообразны – они неоднократно менялись. Так, до середины II тыс. до н.э. в бассейне оз. Титикака было так сухо, что о развитии земледелия и появлении сложных обществ не могло быть и речи. Затем дождей стало больше, и к концу I тыс. до н.э. культуры Боливийского плоскогорья вышли на тот же уровень, что и североперуанские. Упадок и возвышение отдельных культурных центров во многом были обусловлены изменением природных условий. Но засухи, землетрясения и цунами не были единственными факторами, вызывавшими кризисы. Самые крупномасштабные кризисы, приводившие к кардинальной перестройке культуры, были вызваны социальными факторами. Последняя по времени культурная перестройка, имевшая место на рубеже I и II тыс. н.э., и привела в конечном итоге к возвышению инков.

Этноязыковая ситуация накануне инкского завоевания

К концу 40-х годов нашего века археологи открыли главные предшествовавшие инкам перуано-болливийские культуры. Однако исследователи плохо представляли, где проходили и как менялись во времени границы этих культур, чем существенным одни общества отличались от других. И уж совсем темным оставался вопрос о том, какие народы жили в Центральных Андах до инков и на каких языках говорили. Сейчас положение существенно изменилось как благодаря продолжающимся раскопкам, так и работе лингвистов, о которой мы пока еще ничего не сказали. Сопоставляя результаты языковой реконструкции с археологическими фактами и сведениями письменных источников, удастся получить представление о тех этнических процессах, которые предшествовали возникновению инкской империи и способствовали ему.

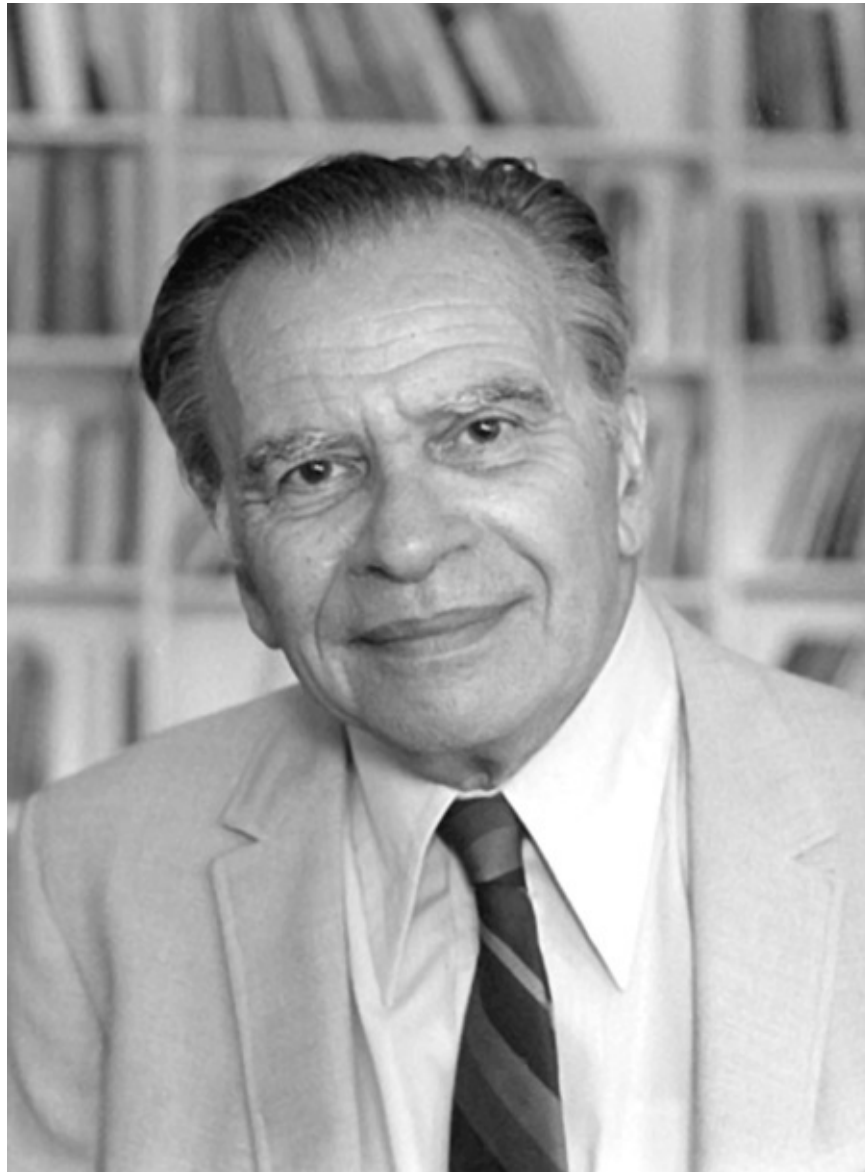
Хорошо известно, какой огромный вклад внесло сравнительное языкознание в изучение дописьменного прошлого Евразии. К сожалению, индейские языки вообще, а южноамериканские в особенности, изучены пока слишком поверхностно, чтобы служить основой для столь же надежных исторических реконструкций.

В наших этнографических и демографических справочниках, приводящих сведения о народах Америки, до сих пор нередко используется классификация индейских языков, предложенная в 1956 году Дж. Гринбергом. Этот выдающийся исследователь объединил все подобные языки (кроме нескольких северо-американских, так называемых надене) в девять семей и признал их потомками единственного праязыка, на котором говорила группа переселенцев из Сибири. По его мнению, именно эти люди прошли 15 тысяч лет назад через Берингию – сухопутный мост, соединявший в период великих оледенений Чукотку с Аляской. Сейчас сторонников Гринберга практически не осталось. Даже если интуитивно Гринберг был прав, доказать его построения пока практически невозможно.

Не менее половины южноамериканских языков Гринберг первоначально объединил в одну макросемью – андо-экваториальную. Именно эта, не признаваемая сейчас никем таксономическая единица и фигурирует, увы, в русскоязычных справочниках. Поскольку древнейшие культуры, обнаруженные на востоке и на западе Южной Америки и

датируемые временем ранее 10 тысяч лет назад, различаются капитально, маловероятно, чтобы между обитателями Восточной Бразилии и Анд могло существовать языковое родство. Весьма вероятно, что в период от 15 до 10 тысяч лет назад через Анды прошло несколько групп мигрантов, расселявшихся из Северной Америки на юг вплоть до Патагонии и Огненной Земли. Что же касается Бразилии, то заселение внутренних районов этой страны, вероятно, шло со стороны ныне затопленного атлантического континентального шельфа. Туда люди тоже попали из Северной Америки и в конечном счете из Сибири, но поскольку их стоянки находятся сейчас на дне океана, конкретные предположения делать трудно.

Джозеф Гринберг – американский лингвист, профессор Стэнфордского университета, один из основателей современной лингвистической типологии

Среди индейских языков притихоокеанского пояса Южной Америки наиболее распространены сейчас кечуа (не менее 13 млн. человек) и аймара (более 2 млн. человек). В обоих случаях, впрочем, правильнее говорить о целых языковых семьях, состоящих каждая по меньшей мере из двух взаимонепонимаемых языков, не считая диалектов. Большинство кечуанских диалектов от южной Колумбии до северо-западной Аргентины относится к группе А, а диалекты северо-центральной части горного Перу (департаменты Анкаш, Уануко, Паско, Лима, Хуни) – к группе Б. По другой номенклатуре группа А обозначается цифрой II, а Б – цифрой I. Такая путаница возникла потому, что данная классификация была создана двумя независимо работавшими исследователями – американцем Дж. Паркером и перуанцем А. Тореро. Что касается языка аймара, то это основной представитель семьи хаки (или ару). На нем говорят индейцы Боливийского плоскогорья, живущие вокруг оз. Титикака, а также на юг и юго-восток от него на территории современных Перу, Боливии и Чили. В эпоху конкисты зона распространения аймара простиралась дальше на северо-запад, охватывая горные районы нынешних перуанских департаментов Пуно, Мокегуа, Арекипа и часть департамента Куско. В нескольких горных деревнях к юго-востоку от Лимы до самых недавних пор сохранялись диалекты языка хакару, чье расхождение с языком аймара началось примерно полторы тысячи лет назад.

Точный ареал распространения хакару к началу инкской экспансии не установлен, но, вероятно, он простирался от северо-западной границы расселения аймара до района оз. Хуни в центральном Перу, т. е. до северной границы распространения пуны. Совокупный ареал хаки (т. е. аймара и хакару) весьма точно вписывается в пределы того участка андской горной системы, для высокогорных районов которого характерна тундростепная растительность.

Семьи кечуа и хаки в прошлом признавались родственными. Ныне общие черты в них считаются скорее следствием долгих контактов, чем единого происхождения. Даже Дж. Гринберг, на совести которого немало рискованных объединений, полагал, что в пределах андской семьи аймара стоит несколько особняком.

Язык кечуа А/II считался в государстве инков официальным и назывался «языком народа», или руна сими. Инки содействовали его

распространению на завоеванных территориях, хотя окончательная кечуанизация Центральных Анд произошла лишь в колониальный период. Тогда же кечуа А проник в районы, никогда инкам не подчинявшиеся, такие как южная Колумбия, восточный Эквадор, некоторые области Аргентины и восточного Перу.

Наряду с кечуа и хаки к началу конкисты в Центральных Андах были представлены десятки других языков, о многих из которых мы в лучшем случае располагаем данными топонимики. Намечаются три их территориальные группы.

Обитатели северного побережья Перу говорили на двух основных языках – кингнам и мучик. Первый был языком завоеванного в XV веке инками царства Чимор. Область распространения кингнам простиралась на юг от города Трухильо (долина Моче) – по некоторым сведениям почти до самой Лимы. Мучик – язык культуры (и, видимо, государства) сикан. Он был распространен от нынешнего Трухильо на север до пустыни Сечура. В южной части этого ареала кингнам успел его несколько потеснить – вероятно, с тех пор, как в XI-XII веках н.э. территория Сикан вошла в состав царства Чимор. В долинах между пустыней Сечура и Эквадором говорили на языках сечура (вдоль побережья) и тальян (ближе к горам). Все перечисленные четыре языка считаются изолированными. Правда, для мучик предполагались северные связи (вплоть до майя), но эти гипотезы не признаны. Индейцы, говорившие на кингнам, мучик, сечура и тальян, в течение XVII-XVIII веков перешли на испанский, хотя и в XIX, и даже в XX веках встречались люди, помнившие из них отдельные слова.

Языки второй территориальной группы представлены на севере горного Перу. Это чолон и ряд других, частью исчезнувших уже ко времени испанского завоевания. Дж. Гринберг объединял все эти языки в одну семью с кечуа, а А. Тореро не возражал, по-видимому, категорически против такого предположения. Скудость конкретных фактов исключает здесь возможность уверенных суждений.

Третью группу составляют реликтовые языки бассейна оз. Титикака, отмеченные на той же или несколько более широкой территории, что и язык аймара. Несмотря на сравнительно обильный лексический материал, вопрос об их взаимном родстве также не решен. Не исключено, что речь идет о двух совершенно независимых семьях.

Одна из этих семей представлена довольно сильно различающимися между собой диалектами языка пукина. Совокупные данные разных источников свидетельствуют о преимущественном распространении пукина к юго-западу, северу и востоку от Титикаки. Другой язык, урукилья,

был представлен от южного берега Титикаки до южной оконечности Боливийского плоскогорья.

Между языком и хозяйственно-культурными особенностями отдельных групп населения южного Перу и западной Боливии однозначного соответствия в XVI веке не наблюдалось. Большинство тех, кто говорил на пукина, в остальных отношениях мало отличались от аймара. Исключение составляют индейцы кольяуайя, живущие не на самом плоскогорье, а в долинах на его северо-восточной окраине. Сейчас они перешли на кечуа, но знахари кольяуайя употребляют пукина в качестве особого, «тайного», языка. Кольяуайя в целом могут быть противопоставлены аймара как земледельцы – скотоводам. На урукилья до недавних пор говорили водные собиратели и рыбаки уру, жившие по берегам озер Титикака и Поопо, но этим же языком пользовалась и скотоводческая община Чипайя, а некоторые уру в XVI веке были аймара – или «пукинаязычны».

Независимо от того, как решится вопрос о взаимном родстве пукина и урукилья, оба эти языка имеют по крайней мере одно общее: на протяжении всего периода, отраженного в исторических источниках, они сдавали свои позиции кечуа и аймара. К приходу инков на западной и северо-западной стороне Титикаки господствовали два основных племенных объединения – лупака и колья. А. Тореро полагал, что первые были чистыми аймара, тогда как вторые включали сильный субстрат пукина.

Предшественники инков по данным археологии

В горных районах Центральных Анд империя инков не была первым, древнейшим государственным образованием. Инкам предшествовали цивилизации уари и тиауанако, расцвет которых приходится на третью четверть I тыс. н. э., а корни уходят в середину II тыс. до н. э. Территория тиауанако довольно близко совпадает с областью расселения аймара в XVI веке, а уари – с зоной распространения языков кечуа, если принимать во внимание только перуанские диалекты, без отдаленных анклавов в Эквадоре, Аргентине и в тропических низменностях. Центр культуры уари находился в 240 км на запад от Куско, близ нынешнего города Аякучо. Ее влияние прослеживается от Куско на юго-востоке до Кахамарки на севере, а также на южном и центральном побережье Перу, в меньшей мере и на северном побережье. Главные памятники культуры тиауанако, в том числе одноименное столичное городище, расположены на равнине, прилегающей с юга к оз. Титикака. Изобразительное искусство уари и тиауанако отличается сходный парадный художественный стиль, восходящий к какому-то более древнему источнику в бассейне Титикаки.

Некоторые археологи полагают, что прямые предки аймара были создателями культуры тиауанако, тогда как жители государства Уари говорили на кечуа. Пример древней Мексики показывает, насколько шаткими оказываются предположения подобного рода, основанные лишь на корреляции ареалов археологических культур и языков. В XVI веке по-ацтекски говорили примерно на той же территории, на какой в начале и середине I тыс. н. э. существовала великая цивилизация Теотиуакана. Лингвисты, однако, доказывают, что ацтекский язык очень близок языкам земледельческих народов северо-западной Мексики и более отдаленно родственен языкам охотников-собираателей на западе США. Степень расхождения всех этих языков позволяет уверенно утверждать, что ацтеки пришли на берега озера Тескоко лишь за несколько веков до конкисты. Они лишь унаследовали (причем, опосредованно) достижения культуры Теотиуакана, но не имели к ее создателям прямого отношения. Правда, еще до ацтеков в центральную Мексику могли проникать родственные им группы науа, но почти невероятно, чтобы науа был основным языком создателей Теотиуакана.

В Центральных Андах могло случиться нечто подобное. Хотя в инкской культуре есть восходящие к уари и тиауанако черты, в таких

показательных сферах, как производство керамики и архитектура, преемственность не слишком заметна. Еще меньше связей с цивилизациями I тыс. н.э. обнаруживает культура аймара.

Уже было сказано, что самый конец I – начало II тыс. н.э. ознаменовались в Андах бурными и не вполне понятными событиями. Просуществовавшая на протяжении многих веков система культурных взаимодействий распадается. Столичные города Уари и Тиауанако, в которых жили десятки тысяч людей, равно как и провинциальные центры, пустеют. На большинстве поселений следов намеренных разрушений пока не найдено, хотя некоторые могли подвергнуться разгрому. Сгоревшие здания и разбросанные среди руин останки убитых обнаружены, в частности, на городище Асангаро в 15 км от Уари. Многие сельские поселения в долинах и на плоскогорье также были оставлены. Исчезает изысканный художественный стиль, отличавший искусство этих древних цивилизаций. Пропадает расписная керамика с сюжетными изображениями, а на поселениях и в могильниках «позднего промежуточного периода» (как принято именовать отрезок времени, разделяющий уари и инков времен империи) археологи находят покрытую геометрическим орнаментом или вовсе неорнаментированную довольно грубую посуду. На юге горного Перу и в нынешней северо-западной Боливии появляются погребальные сооружения неизвестного раньше типа – высокие башнеобразные склепы, так называемые чульпы. По историческим данным известно, что в подобных башнях аймара хоронили своих вождей и старейшин. Чульпы встречаются вплоть до севера горного Перу, откуда они, скорее всего, и распространились. В районе Лимы чульпы, видимо, были связаны с теми племенами хаки, которые относятся к группе хакару. В башнях хоронили покойников и смертельные враги инков – чанка, жившие в современном департаменте Апуримак, к западу от Куско.

Культуры эпохи чульп в Боливии и Перу настолько отличаются от культур уари и тиауанако, что предполагать, что создатели тех и других говорили на близкородственных языках (хаки или аймара) чрезвычайно рискованно.

Кем же были строители Тиауанако? Скорее всего, они говорили на пукина или урукилья. Помимо прочих соображений, об этом свидетельствует мелкий, но красноречивый факт. Прическа статуи женского божества в Тиауанако (множество косичек) в точности соответствует характерной для современных индейцев из общины Чипайя, но не имеет ничего общего с той манерой укладывать волосы, которая

типична для женщин кечуа и аймара.

Относительно языка создателей культуры уари сказать что-либо трудно, но если это и был кечуа, то уж во всяком случае не тот его вариант, на котором позже говорили в Куско. Об этом свидетельствуют как лингвистические, так и археологические материалы.

За несколько веков до сложения инкского государства в маленькой долине Куско, а также во всей прилегающей к ней с севера гораздо более протяженной долине Урубамбы появляется новая культура. Она была открыта в начале 1940-х годов американской экспедицией под руководством Дж. Роу и названа кильке. Кильке пришла на смену короткому периоду владычества в данном районе уари, чьи создатели воздвигли в находящейся в 30 км от Куско долине Лукре свой крупнейший провинциальный форпост Пикильякту.

Культура кильке истолковывалась по-разному. Интерес в свое время вызвала гипотеза перуанской исследовательницы М. Ростворовски де Диес Кансеко. По ее мнению, кильке – это культура народа айярмака, жившего в Куско до прихода собственно инков. Свой город они называли Акомана. Айярмака и позже сохранили известную самобытность.

Отождествлять упоминаемый в хрониках небольшой этнос с широко распространенной археологической культурой было, однако, неправомерно.

В конце 1990-х годов американские археологи провели обследование прилегающих к Куско районов. Им удалось сопоставить культурную принадлежность и время существования древних памятников с данными испанских хроник, в которых говорится о войнах первых правителей Куско с соседями и о браках, которые они заключали. В результате удалось реконструировать следующую картину.

Пикильякта, то есть форпост государства Уари в районе Куско, была покинута около 900 н.э., после чего долина Лукре надолго обезлюдела. Долина Куско находилась вне прямого контроля Уари и именно поэтому оказалась после краха Уари в выигрышном положении. В X в. н.э. это был еще малонаселенный район, где отдельные деревни сохраняли полную самостоятельность. Однако на протяжении последующих веков вожди Куско постепенно усиливались и к началу XIII в. установили контроль над территорией поперечником несколько десятков километров. Культура кильке соответствует этому политическому образованию, которое с некоторыми оговорками можно назвать ранним инкским государством. Куско стал его столицей и центром в силу исторической случайности. Однако, утвердившись в роли столицы, он уже не сдавал позиций и шаг за

шагом расширял пределы контролируемой области.

Судя по данным письменных источников, вплоть до начала XV века в Куско и поблизости от него жило множество этнических групп, говоривших, скорее всего, и на кечуа, и на аймара, и на пукина. Тем не менее оставленные этими группами археологические памятники очень похожи и все объединяются понятием культуры кильке. Керамикой кильке наверняка пользовались и предки собственно инков. Что же касается имперской инкской культуры, то она не была принесена новым населением, хотя и не выросла из кильке путем постепенной эволюции. Археологи считают, что имперский стиль в керамике и архитектуре инков сложился в течение очень короткого времени как прямое следствие социальных процессов, связанных с образованием крупного государства. После того как ремесленников объединили для работы в больших мастерских, им пришлось отказаться от некоторых старых традиций и ориентироваться на отобранные образцы.

Так или иначе, но общая преемственность, идущая от кильке к инкам, несомненна. А вот генетических связей между уари и кильке нет. Происхождение культуры кильке и соответственно инкской культуры остается неясным. Среди самых типичных инкских керамических сосудов – так называемый арибалл (узкогорлый сосуд с приостренным дном, отогнутым венчиком и ручками-ушками по сторонам) и небольшая расписная мисочка. Обе эти формы не имеют предшественников в Андах, но зато обнаруживают несомненные аналогии к востоку от Анд – в низменностях Боливии и Парагвая. Еще в XIX в. парагвайские индейцы тоба делали сосуды, по форме похожие на инкские арибаллы, а роспись на мисочках воспроизводит орнамент на керамике из области Мохо в восточной Боливии, который в свою очередь копирует орнаментацию плетеных изделий, использовавшихся при обработке маниока.

О чем свидетельствуют подобные факты, трудно сказать. Вряд ли инки пришли в Анды из низменностей Амазонии, но нет сомнений, что они поддерживали с Амазонией гораздо более тесные связи, чем их предшественники.

Распространение языков кечуа и хаки

На многих примерах известно, что для создателей земледельческих структур характерна языковая раздробленность. Обитатели каждой долины или оазиса живут на одном месте на протяжении многих веков, в результате их язык становится все менее понятным соседям. То же касается и оседлых рыболовов. Иное дело – подвижные племена скотоводов или охотников. Легко перемещаясь на огромные расстояния, эти люди часто вступают в контакты с соседями, что препятствует языковой обособленности. Если же скотоводы мигрируют между земледельческими оазисами, они нередко берут на себя роль посредников между ними. Их язык сперва превращается в средство межэтнического общения, а затем и вовсе вытесняет древние говоры.

Скульптурный портрет в форме бутылки. Культура мочика. Национальный музей археологии и антропологии в Лиме. Перу

Именно это, по-видимому, произошло и в Перу. Распространение языков кечуа и аймара наиболее правдоподобно связывать не с расцветом цивилизаций уари и тиауанако, а с их гибелью. Хаки-аймара явно были преимущественно скотоводами и отчасти сохранили подобную хозяйственную ориентацию до сих пор. С кечуа дело сложнее. Те из них, которые говорили на диалектах группы А/П (напомним, что к ней относится и официальный инкский «язык народа»), жили преимущественно в долинах. Сам этноним, «кечуа» произошел от

обозначения одноименной высотно-климатической зоны, противопоставляемой холодной пуне. В совсем иных условиях обитали носители диалектов группы В/1. Подобно аймара, это преимущественно горцы с той разницей, что основная область их расселения лежит в зоне парамо, а не пуны.

Диалекты группы А/П более «молодые». Они распространялись в эпоху инков и непосредственно перед ней. Что же касается диалектов В/1, то они на занятой ими сейчас территории были локализованы с глубокой древности. Весьма вероятно, что впервые кечуа заявили о себе как о важной самостоятельной силе в конце I тыс. до н.э. В то время в северо-центральных районах Перу начались крупные передвижения племен. Скотоводство распространилось в районы, где ранее оно было неизвестно. Появились культуры, создатели которых изготавливали керамику с геометрической росписью, нанесенной белой краской по красному фону. В эпоху уари эти горные племена утратили часть своего могущества и даже, может быть, попали в зависимость от обитателей долин. Однако в конце I тыс. н. э. хозяйственный баланс снова сместился в пользу горцев. Гибель цивилизаций в горах Боливии и Перу повсюду сопровождалась переносом мест обитания вверх, в зону выращивания картофеля и разведения лам и альпак.

В связи с только что упомянутыми боливийско-парагвайскими параллелями для инкской керамики, можно упомянуть гипотезу о происхождении языков кечуа, почти полвека назад предложенную американским лингвистом Л. Старк. Изучая диалекты кечуа, распространенные в горах Эквадора и в большинстве своем близкие к классическому руна сими (языку Куско), Старк заметила среди них группу архаических говоров, отражающих, по ее мнению, еще более древнее состояние языка, чем даже кечуа В/1. Сопоставляя лингвистические и археологические карты, Старк пришла к выводу, что племена прото-кечуа обитали на восточных склонах эквадорских Анд, после чего в середине I тыс. н.э. проникли в район Кито, где сохранились до самого прихода инков. Часть же кечуа мигрировала дальше на юг, именно от них произошли все перуанские диалекты.

Прародину кечуа на обращенных к тропическим низменностям склонах Анд видел и археолог Д. Латрап, известный своими исследованиями в Амазонии. Он, однако, не уточнял ее широтную локализацию. Латрап был известен как человек, способный увидеть то, что другие не замечали, и предложить оригинальные и нестандартные гипотезы. Большинство их не подтвердилось, но некоторые сохраняют

свою актуальность. Тема восточных связей ранней инкской культуры сейчас отложена, поскольку разобраться с этой проблемой можно, лишь развернув крупномасштабные археологические работы на восточных склонах Анд и в прилегающих низменностях, а это очень непросто. Пока же более обоснована гипотеза раннего распространения языка кечуа не в восточном, а в западном направлении. Она была предложена А. Тореро и поддержана многими лингвистами. Согласно этой гипотезе, язык кечуа в Перу очень рано проник на побережье в районе Лимы. Исходя из археологических данных, это могло произойти либо в конце I тыс. до н.э. (распространение керамики с белой росписью), либо вскоре после гибели уари. В середине I тыс. н.э. неподалеку от сегодняшней перуанской столицы возникает святилище божества, которого инки впоследствии стали называть Пачака-маком. А. Тореро доказывал, что обслуживавшие храм жрецы в XV веке говорили на кечуа. Храму Пачакамака, чье влияние непрерывно росло, суждено было сыграть выдающуюся роль в истории древнего Перу.

Происхождение и язык собственно инков

Вернемся непосредственно к инкам – на каком языке они говорили? Последний вопрос вызван тем, что у инков, как и у современных кольяуайя, был, по сообщениям хроник, свой особый язык, отличавшийся от «языка народа». Ряд исследователей полагает, что таким языком являлся (опять же как и у кольяуайя) пукина или, во всяком случае, один из тех языков, на которых обитатели Боливийского плоскогорья говорили до распространения аймара. Не исключено даже, что «племя» инков пришло в долину Куско из самого Тиауанако.

Основанием для такого предположения служат прежде всего генеалогические и мифологические предания инков. Упоминаемые в них пункты и местности лежат исключительно на юг и юго-восток от Куско, а вовсе не на северо-запад, чего следовало бы ожидать, если бы инки являлись одним из кечуанских племен.

В хрониках отражены две версии мифа о происхождении инков. Одна начинается с описания космогонических событий в Тиауанако, центре индейской вселенной. Далее первопредки направляются в Куско. Подробно их путь не описывается, но если соединить оба пункта прямой линией, она пересечет несколько важнейших инкских святыщ. Если же продлить ее еще дальше, прямая достигнет моря где-то в Эквадоре. Подобный длинный (до Эквадора) вариант пути в мифе тоже отражен: по нему следуют воплощения верховного божества после завершения трудов по сотворению мира в Тиауанако.

Согласно другой инкской этногонической версии, первопредки вышли из горной пещеры Пакаритампу, или (в более испанизированной огласовке) Пакаритамбо. Селение с подобным названием, впервые упоминаемое, правда, лишь в 70-х годах XVI века, расположено в горах в 26 км к югу от Куско. На данном маршруте также расположены важнейшие святыща, соответствующие остановкам на пути в Куско. Через эти же святыща проходят расходящиеся из Куско лучевые линии (их называют «секе»), каждая из которых соответствовала одному из родовых подразделений кусканской общины. Есть мнение, что линии разграничивали прилегающие к городу земли этих общин. Таким образом, путь первопредков из Пакаритампу как бы фиксирует на местности ориентиры, на которые направлены секе.

Приводились доводы в пользу того, что лишь версия с Пакаритампу

оригинальна, народна, тогда как легенду о приходе предков из Тиауанако сочинили жрецы уже в имперский период, дабы связать происхождение аристократии Куско с древним городом и тем подвести правовую основу под захват земель в бассейне Титикаки. Исключать возможность подобной «подделки» нельзя, но в то же время надо принять во внимание, что мифы о Пакаритампу и о Тиауанако не столько дублируют, сколько дополняют друг друга. Хотя в XVI веке многие полуразрушенные памятники предшествующих эпох служили в Андах объектами религиозного культа, между инками и Тиауанако существовали какие-то особые связи. Так, наблюдениями солнца на широте Тиауанако можно объяснить ряд особенностей инкского календаря. Реконструированный по изображениям пантеон Тиауанако вполне соответствует инкскому. Гончары инков копировали ритуальные тиауанацкие кубки.

Но если «тайным» языком инков и был пукина, это вовсе не значит, что в период гибели Тиауанако в XI-XII веках этот язык еще оставался на Боливийском плоскогорье господствующим. Состав населения северо-западной Боливии и юга Перу начал меняться с IX-X веков н.э., о чем косвенно свидетельствуют процессы, протекавшие в самой культуре тиауанако. Заключительный этап в ее развитии археологи обозначают как период V. Ему предшествовал период IV, который синхронен времени существования культуры уари и ознаменовался наивысшим расцветом тиауанацкой цивилизации. Раньше считалось, что в период V (т. е. после гибели соседней культуры уари) политическое объединение с центром в Тиауанако достигло максимальных размеров, но одновременно с этим изобразительный стиль деградировал, а строительство монументальных сооружений прекратилось. Даже знаменитые Ворота Солнца так и остались не закончены. После многолетних археологических исследований картина стала иной. Примерно в X в. н.э. Тиауанако утратил все свои отдаленные форпосты (колонии или религиозные и торговые центры – вопрос особый) в Боливии, Чили и Перу и сохранял контроль только над территорией у южного берега Титикаки. Гончары продолжали делать поражающие своим величием расписные и скульптурные керамические сосуды, но использовались они только по случаю особых религиозных обрядов. Город Тиауанако был окончательно покинут в то время, когда Куско уже набирал силу, поэтому возможность переселения какой-то элитарной группы из Тиауанако в Куско нельзя категорически исключать. К этому времени Боливийское плоскогорье уже заселили скотоводы аймара, отчасти вытеснившие местное население, отчасти

ассимилировавшие с ним. В бассейне Титикаки после периода ожесточенных столкновений между племенами возникли крупные объединения колья и лупака, а также несколько менее значительных. Как уже говорилось, некоторые из них могли быть созданы потомками людей, живших на плоскогорье в I тыс. н.э. и говорившими на пукина или других местных языках.

Такова была этноязыковая ситуация в Центральных Андах к началу инкской экспансии. И здесь важно указать на своеобразное положение, которое занял в ней Куско. Город оказался на границе нескольких языковых ареалов. К югу и, видимо, к западу шла зона распространения языков хаки, в том числе аймара. На юго-востоке, где жили кольяуайя, продолжал господствовать пукина. Кроме того, островки пукина сохранялись почти повсюду в зоне преобладания аймара. На северо-запад от Куско жили племена кечуа группы А/П, занявшие ту часть бывшей территории уари, которая не досталась горцам, говорившим на хакару. В самой долине Куско, скорее всего, царило многоязычие.

Почему же именно кечуа, а не пукина (родной язык инков?) и не аймара (шире, чем кечуа, распространенный в то время на юге Перу) получил статус «языка народа»? Наиболее вероятно, конечно, что инки учитывали соотношение отдельных языков непосредственно в долине Куско. Однако могли быть и другие соображения, на одно из которых указала М. Хардманн. По ее мнению, правители Куско должны были знать, что на кечуа говорит население центрального побережья, в том числе жрецы Пачакамака. Выдающееся значение этого святилища в прединкский период подтверждают как сообщения хроник, так и находки в Пачакамаке погребений, инвентарь которых выдает их неместное происхождение. Похоже, что вблизи храма хоронили паломников из отдаленных мест. Любым вождям в Андах, претендовавшим на власть за пределами собственной деревни, было выгодно опереться на поддержку Пачакамака. Союз с этим храмовым центром стал и оставался краеугольным камнем инкской политики, особенно в годы правления второго по счету императора, Тупака Юпанки.

Обстоятельства, благоприятствовавшие возвышению куско

Реконструкция этноязыковой истории Центральных Анд накануне инкского завоевания помогает лучше понять, почему правители Куско смогли выступить в роли создателей империи. Опыт показывает, что узко национальная идеология – ненадежная основа для наднациональных объединений, здесь нужны политические символы, приемлемые для разных народов. Еще до начала великих завоеваний инки вступили на путь создания особой элитарной субкультуры. Для этого они своим вполне рядовым этническим традициям придали новые статус и форму. Из независимой племенной группы инки превратились в совокупность аристократических родов, господствующих над разноязычным населением долины Куско и до определенной степени представляющих его интересы. Признавая власть Куско, индейцы Центральных Анд подчинялись некоторой качественно новой, этнически почти нейтральной силе, без предубеждения относившейся к противникам и сравнительно безразличной к их культурным особенностям. В этом, видимо, и состояла пресловутая справедливость инков, подчеркиваемая отдельными хронистами. Привыкшие издавна жить в обстановке своего рода «этнического плюрализма», инки прилежно оберегали замкнутый мир собственной общины и в то же время умели достичь соглашения с самыми разными противниками. Выгоды, которые сулило местной знати сотрудничество с инками, неоднократно склоняли ее к добровольному подчинению.

Наиболее ожесточенной оказалась схватка инков с вторгнувшимися с запада чанка. Враг был отброшен, а затем частью истреблен, частью вытеснен со своей земли. Хроники относят эти события к 1438 году, но скорее всего они произошли раньше. Согласно хроникам, победа над чанка положила начало эпохе завоеваний, а археология свидетельствует о том, что экспансия инков в область вокруг Титикаки началась уже в середине XIV в. – по крайней мере с этого времени в этом районе появляется инкская парадная керамика. Если бы инки действовали только такими методами, которые они использовали в отношении чанка, их ожидала бы, скорее всего, неудача. Однако следующие походы велись с целью не столько полностью сокрушить, сколько подчинить противника и ознаменовались переходом от грабежа к упорядоченной эксплуатации

покоренных земель.

Судя по хроникам, в частности, по словам одного из самых ранних, авторитетных и добросовестных авторов Педро де Сьеса де Леона, инки вполне сознательно играли на стремлении уставших от войн обитателей Анд к миру и порядку. Индейские информанты Сьеса де Леона всячески подчеркивали, в каком безобразном положении находилась их страна столетием раньше. Нравы были жестоки, пороки цвели пышным цветом, шла война всех против всех. В этой картине несомненно сгущены краски, однако в главном она подтверждается материалами археологии. Поселения «позднего промежуточного периода» теснятся к вершинам гор, что имело единственное преимущество – удобство обороны. В истории древнего Перу периоды усиления военной активности случались и раньше. Один из них приходится на последние века до нашей эры, когда жизнь также стала беспокойной. Археология свидетельствует, однако, что на протяжении нескольких веков, предшествовавших возвышению Куско, строительство крепостей и бегство населения в горные убежища достигли небывалого прежде размаха. Страна явно устала от нескончаемых войн и готова была подчиниться любой силе, способной установить мир. Для образования империи созрели, таким образом, подходящие условия.

Однако всех благоприятных политических обстоятельств оказалось бы недостаточно, если бы к началу инкской экспансии не сложилась хозяйственная база огромного государства. Нет ничего столь дорогостоящего, как империя, поэтому в Центральных Андах она смогла возникнуть лишь на основе блестящих достижений предшествующих эпох, при редкостном сочетании природных богатств, ставших доступными здесь людям бронзового века.

Страница из книги «Хроника Перу» 1553 года. Автор – Педро Съеса де Леон

Глава II

На пути к империи

«Энергия и структура» Ричарда Адамса

Понятие «исторического прогресса», столь популярное в начале нашего века, оказалось в значительной степени дискредитировано к его концу. Опыт человечества успел за это время включить и практику геноцида в СССР и Германии, и угрозу экологической катастрофы в планетарном масштабе, и деградацию многих традиционных обществ, приведшую к ожесточенным гражданским конфликтам и массовому исходу населения. Однако все, видимо, согласятся, что два фактора, описывающих состояние общества, все же обнаруживают явную тенденцию развиваться по восходящей. Во-первых, это технология, и прежде всего способность людей использовать для собственных нужд все более значительные и все менее доступные источники энергии. Во-вторых, сложность политического устройства. Если не всегда из века в век, то по крайней мере от одного тысячелетия к другому возрастала интенсивность связей между людьми и коллективами, множилось разнообразие социальных позиций, источники и формы влияния одних людей на других, росли предельные размеры организованных коллективов. От мелких общин из нескольких десятков человек каждая, вступавших в регулярные контакты лишь с близкими соседями, – к мировому сообществу государств, меж- и надгосударственных организаций – вот путь, пройденный человечеством за пятнадцать последних тысячелетий.

Технология и политика взаимосвязаны. Одна из самых успешных попыток описать их взаимодействие была предпринята в начале 70-х годов профессором социальной антропологии Техасского университета Р. Н. Адамсом. У нас его труды так и остались малоизвестными. Одним из первых обратил на них внимание африканист Л. Е. Куббель. Оценив заслуги американского исследователя, его советский коллега в эпоху перестройки все же не преминул подчеркнуть, что Адамс пытается «все объяснить и обосновать чисто технологическими причинами», упрощая «реальную сложность исторической эволюции».

Подобный упрек не вполне справедлив, хотя и понятен. Авторы, признававшие возможность и неизбежность коренных изменений в обществе и утверждения нового социального строя, естественно, стремились обнаружить революционную смену формаций также и в прошлом. Поскольку предполагаемые рубежи между формациями ознаменовывались не столько существенными сдвигами в развитии

производительных сил, сколько изменением производственных отношений, именно эти отношения, а точнее – отдельные их особенности, зачастую выбранные весьма произвольно, и оказались в центре внимания историков-марксистов. Полвека назад вопрос о формационной принадлежности перуанского и сходных с ним древних обществ и об их хронологических границах тоже довольно горячо обсуждался. Подобные дискуссии оказались не слишком плодотворны, а порой заводили в откровенный схоластический тупик. Утверждения типа «феодальный общественно-экономический строй был, несомненно, большим шагом вперед по сравнению с молодым и неокрепшим рабовладельческим строем инкского государства» давно уже не требуют комментариев.

При традиционном марксистском подходе общества с догосударственным уровнем организации (так называемые «первобытно-общинные») настолько же резко противопоставлялись классовым, насколько классовые – коммунистическому. Соответственно, для описания тех и других требовались совершенно разные терминологические словари. Подобно тому, как московский коллега нью-йоркского мусорщика именовался не иначе как работником треста очистки, точно так же первобытная община становилась сельской, «протогород» – настоящим городом, а потестарные отношения (т. е. отношения по поводу власти в традиционном обществе без четких классовых делений) – политическими в зависимости от того, признавал ли историк за каким-либо древним объединением статус государства или нет.

Самоочевидно, что и община, и город, и отношения господства-подчинения меняли свой характер от эпохи к эпохе, но происходило это чаще всего весьма постепенно, скорее эволюционным, чем революционным путем. И если изучение одних исторических проблем определенно требует акцентирования различий, то есть и такие, где важно не оставить незамеченным сходство. Примером служит хотя бы проведенное в 1980-х годах английским археологом Р. Флэтчером исследование хода урбанизации в эпоху первичных государств и в новейшее время. Оно обнаружило структурное сходство этих процессов и выявило тем самым закономерности такого высокого порядка, по отношению к которым известные ранее причинно-следственные механизмы оказываются всего лишь частными случаями.

Ричард Адамс, основываясь прежде всего на работах своих американских предшественников, начиная с Лесли Уайта, предложил понятийный аппарат, отвлеченный от реалий конкретного общества и годный для описания социальных процессов любого масштаба.

Характеристики социального макромира американский ученый выводил из законов взаимодействия своего рода «элементарных частиц», составляющих любое общество, т. е. отдельных людей и коллективов, поставленных в известные условия. В применении к конкретным событиям подобная теория, конечно же, недостаточна для их всестороннего объяснения. Однако Адамс и не претендовал на создание историософской концепции – типа тех, которые предлагают теория исторического материализма или христианские вероучения. Речь идет лишь об уточнении политических и технологических рамок человеческой деятельности, т. е. необходимых параметров, без знания которых историк и культуролог не в состоянии судить о достижениях отдельных обществ.

Согласно Адамсу, масштабы власти одного человека (или коллектива) над другими обусловлены тем, насколько первый контролирует (т. е. способен ими распорядиться практически) элементы окружающей среды, представляющие для остальных интерес. Человек как существо биологическое непосредственно зависит в своей жизни от внешнего притока энергии и веществ, необходимых для функционирования и обновления организма. Кроме того, как существо социальное индивид не может обойтись без постоянных и разнообразных контактов с окружающими людьми. Соответственно, возможность человека воздействовать на других, т. е. власть, которой он обладает, зависит от множества обстоятельств и факторов: от положения человека в административной или иной социальной структуре, от его знаний, навыков, владения орудиями и механизмами, вообще от любых небезразличных для окружающих физических и духовных качеств. Каждый человек, находясь в системе социальных отношений, имеет какую-то власть. Так, хотя древнеперуанский вождь и распорядился судьбой работавшего в его хозяйстве ремесленника, последний тоже обладал известным влиянием на вождя, раз тот был заинтересован в золотых украшениях, для производства которых требовался труд специалиста. Власть в подобном социологическом смысле кончается, однако, там, где человек относится к другому как к неразумному существу, к простому элементу внешней среды. Поэтому террорист, захвативший заложников, лишь использует их, стремясь повлиять на поведение третьих лиц, с самими жертвами он ни в какие человеческие отношения не вступает.

Пределы власти раздвигаются по мере увеличения контролируемого людьми потока энергии и вещества, но сама власть лежит в сфере не технологии, а культуры, имеет не физическую, а социально-психологическую природу. Люди передают свою власть другим путем

простого волеизъявления. Эта передача власти – снизу вверх и сверху вниз по общественной лестнице, ее концентрация в руках одного лица или рассредоточение среди многих обеспечивает возможность появления сложных организованных коллективов вплоть до государств и империй.

Коллективы складываются для решения общих задач. В простейшем, наименее сплоченном коллективе каждый его член наделен лишь своей независимой властью. Хотя люди здесь и преследуют единые цели, они, однако, взаимно не координируют свои действия. Не осознающую себя как целое общность из независимых индивидуумов или более мелких коллективов, связанных одной лишь «общей адаптацией», Адамс называет агрегатной (т. е. не имеющей своей выраженной структуры). Такова совокупность больных в поликлинике или пассажиров в аэропорту. В эпоху первобытности агрегатные общности складывались в рамках больших природно-ландшафтных областей, одной из которых и была центрально- и южноандская. Населявшие некогда эту обширную зону мелкие независимые общины охотников, собирателей и примитивных земледельцев мало знали друг о друге, хотя и решали сходные хозяйственные задачи. Обитатели областей с отличными от андских условиями, например, индейцы лесов Амазонии, осваивали свою природную среду иным образом и составляли особые общности. Границы между общностями такого рода нечетки, едва намечены.

Первый шаг на пути интеграции коллектива – пробуждение его самосознания, т. е. осознания культурной близости и общности интересов. Индейцы обычно отличают пусть и враждебные, но сходные с ними по культуре племена от тех, чей образ жизни им совершенно чужд. Инки именовали обитателей лесов на восточных и южных границах государства «аука», т. е. «враги», «дикари». Сходные названия для чужаков, скорее всего, появились задолго до возникновения империи.

Следующая ступень к объединению – начало согласованных действий между членами общества, что предполагает передачу доли власти от одних людей и коллективов другим. На подобной передаче основана любая неформальная группа, любой круг единомышленников. Это есть и наиболее ранняя мыслимая в человеческой истории ступень интеграции маленького коллектива. Классический пример общности, сплоченной лишь единством целей, самосознанием и символическим обменом ценностями, – совокупность общин, образующих мельчайший этнос («племя»), который еще не имеет вождя. Точнее, речь идет даже не о совокупности общин, а о множестве мельчайших коллективов, члены которых легко переходят из одного в другой, но остаются в пределах своей

«племенной» территории. Именно такой была организация у бродячих охотников-собираателей Африки и Австралии.

Дальнейшее развитие приводит к тому, что члены коллектива уполномочивают кого-нибудь одного взять на себя принятие выгодных всем решений. В общине появляется лидер, вождь. Но сперва это слабый вождь, не обладающий собственной властью. Если соплеменники откажут ему в поддержке, он немедленно лишится всего. У нас немногим лучшее положение занимают сейчас организации с глобальными полномочиями типа ООН или Международного Суда в Гааге. Хороший пример перехода от предыдущей стадии развития к рассматриваемой дает история ацтекского государства. До третьей четверти XIV века городом Теночтитланом управляют собирающиеся на совет старейшины кальпулли (общин). Затем избирается первый тлатоани (правитель), но еще более полувека он играет в основном символическую и представительную роль.

Пятый уровень интеграции связан с появлением у лидера своих независимых, хотя поначалу весьма ограниченных источников власти. Племя во главе с вождем, свободным в принятии решений, в этнографии принято именовать вождеством, причем если лидеру подчиняются не только главы мелких общин, но и племенные вожди более низкого ранга, вождество называется сложным. На той же ступени интеграции, но в гораздо более обширных пространственных и демографических рамках находится так называемое территориальное царство – сообщество городов-государств во главе с сильнейшим. Правитель подобного царства способен покорить силой множество общин, но не в состоянии в дальнейшем вмешиваться во внутренние дела подчиненных центров, ограничиваясь сбором дани и пресечением явных попыток отколоться. Держава Саргона Древнего и государство ацтеков считаются лучшими примерами подобной организации.

И наконец, завершающая ступень. Теперь центр становится относительно независимым от поддержки «отдельных элементов» общества силой. В формировании социальных структур делегирование власти сверху вниз, от правителя – работникам специализированного управленческого, административного аппарата, становится важнее ее передачи снизу вверх, от рядовых членов общества – функционерам. Именно теперь формируются органы государственного управления, а в крупных государствах – и сложный бюрократический аппарат. Государство, объединившее все население в пределах большой природно-ландшафтной и культурно-хозяйственной области или даже нескольких областей, при этом лишившее подчиненные политические единицы не

только независимости, но и реальной автономии, есть империя. Этого уровня в древней Америке достигли только инки.

Где же находят верховные органы управления столь необходимые им независимые источники власти? Во-первых, они обеспечивают себе самостоятельность, создавая своего рода «запас» переданной снизу власти, приобретая тем самым возможность маневра. Здесь и прямая концентрация разнообразных ресурсов, и прежде всего, продовольствия (а в наши дни также топлива) на государственных складах, и создание подчиненных правительству профессиональных воинских отрядов, и, не в последнюю очередь, накопление авторитета, кредита доверия, которым пользуется правитель. Чем больше проходит времени между волеизъявлением членов общества и ответными действиями центра, тем труднее бывает определить конечный источник власти. И все же никакой кредит не бессрочен. Если вся сосредоточенная наверху власть образовалась в конечном итоге из тех ее «порций», которыми наделили центр тысячи и миллионы людей, непосредственно контролирующей среду, положение правителя не будет прочным. Он получает солидную опору лишь с появлением такого источника власти, который другим членам данного коллектива вообще недоступен. Монополизируя товарообмен с соседями, личность или небольшая группа людей, стоящих у руля управления, концентрирует в своих руках ценные и престижные изделия и материалы, распределяя их потом по своему усмотрению. Правитель удовлетворяет потребности подчиненных, успешно организуя оборону или агрессию. Не случайно появление новых политических образований от вождеств до империй так часто связано с международной торговлей и войной. Опять-таки хороший пример находим в ацтекской истории. В 1426 году на трон Теночтитлана восходит Иццоатль. В это время ацтеки участвуют в разгроме объединения тепанеков, в результате чего большие богатства впервые стекаются в город и оказываются в распоряжении правителя. Это меняет расстановку сил: «покупаемые» главы кальпулли становятся теперь более зависимыми от верховной власти, чем от рядовых общинников, кристаллизуется социально-иерархическая структура общества.

Любой централизованный коллектив, таким образом, есть непременно открытая система (т.е. обменивающаяся энергией с «внешней средой»), в которой руководство черпает часть власти извне, контролируя источники энергии, находящиеся за пределами среды обитания коллектива. Отсюда, кстати, следует оптимистический вывод: глобальная империя, всемирное правительство, лишаящее свои «отдельные элементы»

независимости и даже автономии, невозможны, ибо вся власть, которой центр в этом случае располагал бы, должна была бы оказаться получена «снизу». Социальные фантасты типа Дж. Оруэлла и А. А. Зиновьева это, кстати, учитывали: в их антиутопиях мир разделен на несколько враждующих тоталитарных государств. Лишь гипотетическая встреча с внеземной цивилизацией может принципиально изменить положение.

Кока-Мама и Первый Инка, осматривающие свои владения

Говоря о зависимости жестко централизованных систем от независимых источников власти (т.е. не зависящих от влияния управляемых), важно отметить, что речь здесь идет не только о чисто материальных ресурсах (например, о той же концентрации в руках государства дефицитного сырья и разного рода престижных изделий). «Внешнюю» опору создает и сакрализация власти идеологическими

средствами: благодаря этому в сознании подданных она предстает как священная, раз и навсегда данная свыше, не нуждающаяся ни в согласии на нее людей, ни в каком-либо «общественном договоре». В этих условиях сомнения в праве элиты принимать решения рассматриваются как кощунство, а само благополучное существование народа признается благодеянием государственной власти и ее неоценимой заслугой: так, у инков, например, ритуальное руководство земледельческими работами как бы обеспечивало саму возможность получения людьми пропитания.

Можно предполагать, что монополия на «тайное знание» была одним из важнейших способов удержания элитой власти в Древнем Перу, точнее, в тех обществах, которые существовали там ранее II тыс. н.э. Об этом в частности свидетельствует не просто использование в ритуалах вызывающих галлюцинации сильных наркотиков, но и демонстративное изображение соответствующих галлюциногенных растений и предметов для их использования на каменных монолитах, изделиях из золота, парадных тканях и т.п. Монополия на «тайное знание» опасна тем, что при определенных условиях ценность такого знания может быть поставлена обществом под сомнение и тогда вся социально-политическая система разваливается. Видимо, это и произошло в Центральном Андах сперва в середине I тыс. до н.э., а затем на рубеже I и II тыс. н.э. В эпоху инков контроль элиты над «тайным знанием» сохранялся, но перестал играть ту основополагающую роль, которую он играл раньше. Вместо этого на первый план вышли более прагматические формы утверждения власти – регулирование производства продуктов потребления и контроль над движением престижных изделий, таких как металлы, редкие раковины и ткани.

Для поддержания власти важна и возможность психологически обеспечить единство людей, противопоставляя всех членов данной общности неким внешним, чуждым и враждебным силам. Без «образа врага», без имитации «осадного положения», никакая простая, иерархически жестко построенная централизованная система долго не просуществует. Она либо (при редких благоприятных условиях) преобразуется в более сложно организованную, органически целостную, либо попросту распадется, раздираемая социальными и этническими конфликтами.

Растущая интеграция – не единственная тенденция в развитии общества. Совершенствование технологии делает формы контроля человека над средой, а следовательно, и источники власти разнообразнее. Появляется все больше независимых «доменов» власти (термин Адамса),

высокая позиция в одном из которых вовсе не гарантирует господства в других. Один и тот же человек может быть политическим деятелем и одновременно физиком или же писателем, но в каждой своей ипостаси он создает разные, не связанные непосредственно одна с другой сферы влияния на людей. Общества с обилием независимых доменов власти не только сложнее, но и динамичнее тех, в которых рычаги воздействия одних людей на других однообразны и находятся в руках немногих. Такие общества могут быстрее реагировать на изменения среды, изыскивать новые средства ее использования, новые ресурсы и, следовательно, более конкурентоспособны.

Освоение новых источников энергии и расширение производства само по себе привело в древности не к изменению социальных структур, а всего лишь к росту населения, увеличению его плотности вплоть до того максимума, который был возможен при данном типе хозяйства в данной среде. Впрочем, и в наше время глобальные последствия технологической революции точно такие же. И лишь после того, как много больше, чем раньше, людей оказывалось втянуто в регулярные контакты друг с другом, менялся сам характер контактов: возникала более сложная, нежели прежде, общественная иерархия, формировались более крупные и сложно организованные коллективы с разной степенью централизации. Этнологи и социологи много внимания уделяют изучению факторов, ускоряющих или замедляющих подобный процесс. Однако все эти факторы теряют значение, если оказывается невозможным существенно увеличить поток потребляемой энергии. Уровень развития отдельных обществ в конечном итоге определяется поэтому обширностью известных и доступных ресурсов, т. е. особенностями окружающей среды и развитостью технологии, а также интенсивностью связи и обмена с другими человеческими сообществами.

Становление хозяйственных основ перуанской цивилизации

Для того чтобы осмыслить ход эволюции общества, необходимо, таким образом, прежде всего оценить изменение энергетического потенциала культуры, а затем выяснить, что за коллективы существовали на данной территории в отдельные периоды, насколько они были велики, сложны и централизованы. Если говорить о древнем Перу, то в грубом приближении археология способна сейчас дать ответ на оба эти вопроса. Начнем с пищевой и технологической базы центральноандской цивилизации.

До возникновения производящего хозяйства люди жили за счет ресурсов дикой флоры и фауны. Это был легкодоступный, но крайне ограниченный источник энергии. Вместе с тем возможности для охоты и собирательства на западе Южной Америки можно оценить как благоприятные. Здесь было много копытных животных, прежде всего, оленей и гуанако, а некоторые из дикорастущих растений оказались пригодными к окультуриванию. Так, остатки фасоли обнаружены в пещерных стоянках уже в слоях VIII тыс. до н.э. Не позже X тыс. до н.э. люди научились регулярно использовать сезонные ресурсы разных природных зон, которые в Андах расположены недалеко друг от друга. Во всяком случае на крайнем юге Перу небольшие группы людей передвигались от побережья океана до высокогорья. Обитатели горных районов центрального Перу примерно с VII тыс. до н.э. стали развивать такие методы охоты на викунию и гуанако, которые в итоге привели к одомашниванию этих животных, т. е. превращению их в альпаку и ламу. И все же в целом экономика Центральных Анд продолжала оставаться присваивающей. Перелом произошел в конце IV – начале III тыс. до н.э.

На побережье океана он был вызван прежде всего распространением рыболовства. «Морская» теория становления центральноандской цивилизации была создана в 1970-х годах американским археологом М. Мосли и поддержана многими специалистами. Как уже говорилось, перуанские воды исключительно богаты рыбой, особенно анчоусами. Вылов всего лишь одного процента этих запасов в год обеспечивает существование более ста тысяч человек – и это без каких-либо дополнительных источников питания. Эффективный лов возможен, однако, лишь мелкочейистой сетью с лодок. В IV тыс. до н.э. на побережье Перу

начали выращивать хлопчатник. Именно освоение техники плетения сетей из хлопчатобумажного волокна и привело, по всей видимости, к внезапному расцвету прибрежной культуры с рубежа IV и III тыс. до н. э. Лодки же стали делать из тростника, а полавки к сетям – из легких плодов тыквы-горлянки, которую научились разводить еще раньше хлопка. Хотя по мере развития земледелия и скотоводства приморские районы Центральных Анд теряют то исключительное положение, которое они занимали в IV-II тыс. до н.э., рыболовство и по сей день составляет одну из основ перуанской экономики.

К середине III тыс. до н.э. относятся первые свидетельства выращивания на побережье Перу и северного Чили тропических клубнеплодов – сладкого маниока, батата и некоторых других растений, в частности, арахиса. Родом эти виды из низменных областей к востоку от Анд, где их окультурили значительно раньше. Не позже III тыс. до н.э. в Андах появилась и кукуруза, но она не играла большого значения, а во многих районах оставалась вообще не известна. Лишь с появлением в I тыс. до н.э. новых высокоурожайных сортов кукуруза в питании местных индейцев заняла действительно важное место. Рыба как основа белкового питания и калорийные высокоурожайные клубнеплоды – именно это сочетание обеспечило первоначальный рост населения в долинах тихоокеанского побережья. Результатом этого роста стало образование крупных и хорошо организованных общин. Лишь подобные коллективы и могли возвести те необычные постройки, которые впервые появились в Андах более 5 тысяч лет назад.

Древнейший комплекс сооружений общественно-культурного назначения, Сечин Бахо, обнаружен пока в долине Касма примерно в 300 км к северу от Лимы. Радиоуглеродные даты показывают, что он был построен еще во второй половине IV тыс. до н.э. Гораздо больше подобных центров найдено в расположенном ближе к Лиме районе Норте Чико. Их открытие в 1990-х годах стало сенсацией, поскольку некоторые из комплексов (наиболее известен Караль) имели подлинно монументальные размеры. Большинство памятников Норте Чико относятся ко времени между 2600 и 1800 до н.э., но некоторые, в частности Асперо, возникли раньше, может быть, даже в конце IV тыс. до н.э.

Эти искусственные платформы были давно замечены, но еще 20 лет назад мало кто предполагал, что они такие древние. Материальная культура строителей оставалась, однако, удивительно примитивной. Кроме обрывков циновки и несложных тканей, сосудов и полавков из тыквы-горлянки да рыболовных крючков, сделанных из обточенных раковин или

колючек, в культурном слое мало что можно найти. По такому набору артефактов определить возраст памятников непросто. По сравнению с более ранними деревушками собирателей раковин и рыбаков поселения Норте Чико были достаточно велики, однако их размеры все же плохо соответствуют величине монументальных сооружений. Во многих случаях жилая застройка занимает меньшую площадь, чем общественно-культурные сооружения. Свидетельств социального расслоения в Норте Чико тоже нет. Не может быть никаких сомнений, что в общинах были лидеры, которые организовывали строительство храмов, но эти люди не считали возможным и нужным выставлять напоказ свое положение.

Где-то около 1800 до н.э. в Центральных Андах распространяется керамика. Появление сосудов из обожженной глины вряд ли внесло существенные изменения в повседневную жизнь людей. Однако керамика вскоре стала излюбленным материалом для изготовления сосудов с культовыми изображениями, которые использовали в ритуалах и клали в могилы знати. Эту свою роль керамика в культуре Перу и Боливии сохранила и дальше, хотя с конца I тыс. до н.э. сосуды из золота и серебра несколько оттесняют керамику на второй план. Одновременно с появлением керамики на побережье Перу начинают строиться не просто большие, но гигантские платформы из щебня и глины, которые принадлежат к числу самых массивных и высоких искусственных сооружений, когда-либо возведенных в доиспанской Южной Америке. Население тоже растет, хотя число обитателей каждого из оазисов не превышало нескольких тысяч человек.

В горах Перу по крайней мере с конца IV тыс. до н.э. выращивали не только фасоль, но и тыквы, киноа, картофель, перец и в некоторых случаях кукурузу. В совокупности эти растения содержат почти все необходимые организму вещества, но урожайность их в это время была еще низкой. Первые оседлые деревни появились где-то в конце III тыс. до н.э., а древнейшие сложенные из камней святилища – несколькими веками раньше. Свои потребности в животных белках обитатели горных районов северного Перу вплоть до середины I тыс. до н.э. продолжали удовлетворять в основном за счет охоты, хотя мясо прирученной морской свинки местами имело существенное значение. Домашние альпака и лама появились первоначально в более южных районах, в зоне пуны. Эти животные ценились в Перу прежде всего за то, что давали шерсть, а ламы могли использоваться для перевозки грузов. Пометом лам удобряли поля. Нормы потребления мяса домашнего скота были сравнительно низкими. Однако это потребление было хотя и не ежедневным, но регулярным: лам

забивали и поедали во время праздничных жертвоприношений. Подобные ритуальные пиршества сопровождалось употреблением алкоголя. Лучший, наиболее богатый питательными веществами и витаминами слабоалкогольный напиток получали из кукурузы. Вплоть до прихода испанцев, кукуруза ценилась прежде всего как сырье для изготовления такого напитка, чичи, и лишь во вторую очередь как продовольственная культура в узком значении.

Формирование пищевой базы центральноандской цивилизации завершается к рубежу нашей эры. Судя по данным палеоботаники и по изображениям на древних сосудах и тканях, к этому времени в Перу были введены в культуру практически все растения, которые выращивали здесь и в XVI веке, все их главные разновидности и сорта. В конце I тыс. до н.э. скотоводство, как уже говорилось, получает развитие в северных районах горного Перу, где ранее оно оставалось неизвестным. В I тыс. до н.э. ламы начинают широко использовать на Тихоокеанском побережье. Господствовавшее некогда мнение, будто ламы не выносят климата низменностей и что этих животных разводили исключительно в горах, опровергнуто археологами.

В Центральных Андах отсутствовали условия для распространения экстенсивного переложного земледелия. Почти каждый клочок земли требовал сложной и трудоемкой обработки, но зато давал устойчивые и высокие урожаи. В теплых долинах и в оазисах побережья собирали по два и по три урожая в год. В зависимости от особенностей климата и ландшафта применялись разные формы мелиорации: искусственное орошение, террасирование склонов (с одновременным регулированием полива), устройство посевов в выемках или на грядах с целью использовать подпочвенные воды или, наоборот, избежать переувлажнения. Мелиорация в древнем Перу развивается как минимум с середины II тыс. до н.э. В начале нашей эры на побережье уже создаются единые в пределах целых долин оросительные системы. На прилегающих к озеру Титикака заболоченных равнинах осваиваются тысячи гектаров заболоченных территорий, превращенных теперь в грядковые поля. Именно такие гряды (андские крестьяне называют их вару-вару), на которых сажали картофель, стали основой земледельческого потенциала цивилизации тиауанако. Вару-вару дают втрое более высокий урожай картофеля, нежели тот, что собирают без применения минеральных удобрений на обычных участках. Что же касается удобрений, то скалистые островки близ побережья Перу славятся, как известно, залежами гуано – помета морских птиц. В прошлом веке при разработках гуано были обнаружены древнеперуанские изделия,

оставленные, очевидно, индейцами, которые приезжали за удобрениями и попутно совершали какие-то обряды. Самые ранние по времени вещи оказались принадлежащими культуре мочика и датируются III-IV веками н.э. В одной из хроник XVI века рассказывается, как обитатели прибрежных долин плавают в лодках за гуано на острова и какому божееству они при этом поклоняются.

Что касается обработки минерального сырья, то и в этой области основные открытия уже были сделаны к первым векам нашей эры. Керамика начала I тыс. н.э. по твердости и тонкости черепка и равномерности обжига не уступает лучшей продукции древневосточных гончаров. Правда, обжигалась она не в горнах, а на открытом воздухе, точнее, под грудой топлива, уложенного особым образом. Сосуды лепили не на круге, а в формах или на специальной болванке. Подобные способы обжига и лепки уступают в эффективности евразийским, но эти различия не слишком существенны. Аналогичными методами пользовались в свое время и некоторые древневосточные ремесленники. На северном побережье Перу традиционные индейские способы производства глиняной посуды сохраняются до сих пор среди испаноязычных креолов, успешно конкурируя с европейскими.

Сама идея массового производства стандартных, сделанных в специальных формах глиняных изделий, возможно, проникла в Перу через Эквадор из Мезоамерики. Если это так, то перед нами единственное заметное технологическое нововведение, освоенное древними обитателями Центральных Анд в результате внешних контактов. Во всяком случае в Мексике прямоугольный стандартный кирпич-сырец впервые появляется еще в третьей четверти I тыс. до н.э. На северном побережье Перу лепку в формах начинают применять с рубежа нашей эры для изготовления как кирпичей, так и сосудов и немногочисленных здесь статуэток. В I тыс. н.э. прямоугольный кирпич, сменивший менее удобные конические адобы, распространяется по побережью на юг.

С точки зрения истории техники довольно любопытно, что колесо и вообще идея вращения были американским индейцам вообще-то знакомы. Хорошо известны, например, «игрушки» (на самом деле, вероятно, культовые предметы) в виде фигурок животных на колесиках, происходящие из древних захоронений на западе Мексики. В Андах в середине I тысячелетия н.э. создатели культуры рекуай в горах северного Перу изготавливали парадные сосуды на гончарном круге достаточно быстрого вращения. Тем не менее подобные изобретения не получали распространения и о них забывали.

Собачка на колесах.

Детская игрушка. Культура ольмека. Найдена при раскопках в Мексике

Ремесленникам, освоившим к I тысячелетию н.э. уже довольно сложную технологию, было, по-видимому, непросто перейти к совершенно другим приемам обработки материала или к созданию изделий абсолютно нового класса. Быть может, если бы в Новом Свете имелись домашние животные, пригодные для того, чтобы тянуть упряжку, полноценная колесная повозка была бы индейцами в конце концов создана и внедрена в хозяйство. Однако ни лошадей, ни крупного рогатого скота до появления европейцев в Новом Свете, как известно, не было (точнее, местная американская лошадь вымерла около 10 тысяч лет назад), а довольно слабосильную ламу было целесообразнее использовать в качестве вьючного, а не тяглового животного, особенно на горных дорогах. В Мексике же, обитателям которой даже ручная тележка могла бы изрядно пригодиться, не существовало развитой металлургии, а следовательно, нельзя было изготовить втулки для колес.

Выплавку меди из окислов первыми в западной полушарии открыли не позже середины II тыс. до н.э. индейцы горной Боливии или севера Чили. Тогда же или несколько раньше здесь появилось и золото. В конце II тыс. до н.э. металлургия стала известна на севере Перу. Сосуды и украшения из золота и серебра, найденные в датированных первой половиной I тыс. до н.э. погребениях северного побережья, свидетельствуют о превосходном владении техникой обработки драгоценных металлов.

Последний заметный сдвиг в совершенствовании технологии приходится в древнем Перу на конец I тыс. н.э. Он ознаменован прежде всего прогрессом металлургии. На северном побережье осваивают выплавку меди из серосодержащих руд, что позволяет отныне неограниченно расширять производство этого металла. Бронзу (мышьяковистую на побережье и оловянистую в горах) используют теперь для изготовления любых орудий. Сплав меди с оловом был уже хорошо знаком создателям культуры тиауанако – они, скорее всего, и открыли эту технологию в середине I тыс. н.э. Железа обитатели Нового Света в доколумбовый период своей истории не умели, как известно, ни добывать, ни обрабатывать.

С IX—X веков н.э. на побережье Перу начинается прокладка более крупных, чем ранее, магистральных каналов, соединивших оросительные системы отдельных долин.

Центральные Анды в сравнении с Мезоамерикой

Достижения древних перуанцев в области сельского хозяйства и ремесла по достоинству оцениваются лишь на фоне того, что происходило в других областях Нового Света. Народы Центральных Анд не только опередили в развитии индейцев востока Южной Америки, но и имели важные преимущества по сравнению с народами Мексики – Гватемалы. Большим тормозом в развитии Мезоамерики стало отсутствие надежных источников белковой пищи. Даже если бы ацтеки и майя путем селекции вывели сорта кукурузы, вдвое урожайнее тех, которые они выращивали в XVI веке, им вряд ли бы удалось добиться пропорционального роста населения, оставаясь зависимыми от результатов охоты на кроликов и оленей. Употребление в пищу богатых белком водорослей или птицеводство не могли решительно поправить дело. Многие исследователи считают одной из причин запустения многих городов майя в конце I тыс. н.э. хронический дефицит белкового питания в условиях перенаселенности.

В Древнем Перу проблема сбалансированного питания не стояла. К приходу испанцев как скотоводство, так и морское рыболовство процветали, вполне обеспечивая полноценными белками те восемь-десять миллионов человек, которые, по достаточно осторожным оценкам, жили в пределах инкской империи.

Что касается развития ремесла, то в этой области Мезоамерика не уступала, на первый взгляд, Андам. Те, кто видел фотографии ольмекских статуэток из нефрита, золотых украшений миштеков или фантастических фигурных кремней майя, по праву восхищаются этими произведениями искусства. Однако нас в данном случае интересуют не уникальные достижения, а массовое производство. И здесь при сравнении доиспанских культур Мексики и Перу нам придется сопоставлять каменный век с бронзовым. Обитателей Мезоамерики эквадорские торговцы познакомили с обработкой меди, золота и серебра лишь в IX веке н.э., а в повседневной жизни металл в Гватемале и Мексике оставался редок до самой конкисты. Применение медных и бронзовых орудий в сельском хозяйстве Мезоамерики не сулило существенных выгод, а лишь оно одно могло дать резкий толчок развитию новой отрасли ремесла.

В Перу же, по крайней мере на побережье, бронзовые землеобрабатывающие орудия к началу нашего тысячелетия получили

распространение. Даже если такие орудия использовались главным образом в ритуалах, ими, судя по большому числу дошедших до нас экземпляров, могли владеть не только верховные жрецы.

Хранение продуктов и пути сообщения

Обладание богатыми источниками энергии приносит мало пользы, если ресурсы расходуются неэкономно. Недостаточно произвести ценности – их надо сохранить и доставить до потребителя. В Центральных Андах, как и повсюду, огромное значение имело умение заготовить продукты впрок и перевезти их на значительные расстояния. Для зернобобовых культур проблема хранения урожая решалась просто, особенно в условиях сухого климата перуанского побережья. Так, исследованное Д. Бонавия хранилище кукурузы в пустынной местности Лос-Гавиланес в долине Уармей к северу от Лимы состояло из обычных ям, засыпанных сверху песком. Его общая вместимость оценивается в пределах 450-700 тонн кукурузы. Результаты радиоуглеродных анализов и отсутствие керамики позволяют датировать хранилище временем не позднее рубежа III и II тыс. до н.э. Правда, сами початки подозрительно велики и выглядели бы естественнее в слоях начала I тыс. до н.э.

Известные перуанцам тропические клубнеплоды хранению не подлежали, но из картофеля путем вымачивания и вымораживания готовили сухой крахмал (чуньо). Заготавливали впрок и мясо, называвшееся в сушеном виде «чарки».

Продукты перевозили на ламах. Уже в Лос-Гавиланес обнаружен помет этих животных. Очевидно, что без помощи вьючных лам доставить урожай в отдаленное от полей хранилище было бы затруднительно. Постепенно объем перевозок увеличивался. Маленькое, но ценное за отсутствием письменных свидетельств указание на прогресс скотоводства дают древние изображения. Судя по ним, с III-IV веков н.э. погонщики лам стали пользоваться довольно сложной упряжью, тогда как раньше уздечку протягивали сквозь ухо животного. Большие коррали для лам, скорее всего, караванные терминалы, выявлены при раскопках городищ позднего этапа культуры мочика на северном побережье. По-видимому, не позже середины I тыс. н.э. в Андах сложилась сеть магистральных путей, по которым перегоняли караваны из многих сотен лам-самцов.

Морские пути сообщения не имели в Центральных Андах того же значения, что караванные тропы, однако с их помощью поддерживались немаловажные контакты с Эквадором. Косвенные указания на прогресс мореплавания относятся к последней четверти I тыс. н.э. Похоже, что именно тогда перуанцы познакомились с бальсовыми плотами, о которых

многие, конечно, наслышаны благодаря Туру Хейердалу и его плаванию на «Кон-Тики». Остатков самих плотов или их изображений обнаружить не удалось, но в одном из храмов северного побережья Перу найдены основания бальсовых колонн, которые не могли быть доставлены из Эквадора иначе как морем. К концу I тыс. н.э. складывается та система эквадоро-перуанских культурно-экономических связей, которая в XVI веке поддерживалась торговцами, плававшими под парусом на плотках. В далекие путешествия по океанским просторам индейцы, однако, не решались пускаться. Даже найденная на Галапагосах якобы древнеперуанская керамика признана специалистами относящейся к колониальному времени. Доказательства же плаваний индейцев к острову Пасхи, по мнению большинства исследователей, и вовсе неубедительны. Как далеко эквадорские моряки плавали в северном направлении и достигали ли они западной Мексики – этот вопрос до сих пор открыт. Параллели в культуре Мексики и эквадорского побережья как будто свидетельствуют о древних контактах, но несомненных импортов из андской области в Мексике все же не найдено.

В отличие от морской акватории порожистые и бурные реки Боливии и Перу лишь затрудняли контакты. Жителям побережья для переправы служили паромы из тростника, а в горах через ущелья перекидывали подвесные мосты. Такие мосты на караванных тропах обитатели Анд наверняка умели наводить задолго до инков. Этим искусством не хуже владели индейцы горной Колумбии, обходившиеся в работе без указаний государственных надзирателей.

В области развития транспортных средств преимущества центральноандской цивилизации по сравнению с мезоамериканской еще очевиднее, чем при сравнении их сельского хозяйства и ремесла. Хотя выносливый носильщик в принципе способен поднять те же 40 кг груза, какие навьючивают на ламу-сам-ца, он не в силах, естественно, идти с подобной ношей дальше нескольких километров. Не имея вьючных животных, индейцы Мексики и Гватемалы должны были либо отвлекать несоразмерно много людей для переноски грузов, либо ограничивать продуктообмен. Транспортные проблемы сокращали как пределы территорий, которые были способны держать под непосредственным контролем верховные власти, так и размеры и удаленность участков, с которых могла собрать урожай крестьянская семья.

Возможность использования для переноски грузов животных – хотя бы и только вьючных, а не запряженных в повозку, – определила многие особенности центральноандской цивилизации, среди них прежде всего –

социальную структуру города. А в 1970-х годах американские археологи обследовали руины крупнейшего города северного побережья Перу, столицы царства Чимор Чан-Чана, в котором в середине XV века жило 20-30 тыс. человек. Одна лишь центральная, густонаселенная его часть занимала 6 кв. км. Осмотр строений и анализ находок привел исследователей к выводу, что в городе жили, во-первых, представители знати с окружающей челядью и, во-вторых, ремесленники. Последние земледельческим трудом не занимались, так что производство сельскохозяйственных продуктов было целиком возложено на крестьян, чьи хутора и деревни были рассредоточены по долине. С помощью навьюченных лам снабжение Чан-Чана продовольствием не составляло большой проблемы. Поскольку простолюдинов в городе было относительно мало, их не имело смысла отрывать для исполнения неквалифицированных работ. Строили же город временно мобилизованные общинники, а не те, кто в нем жил.

Архивные документы по долине Чинча на южном побережье Перу свидетельствуют и о развитой специализации среди негородского населения. Торговцы-профессионалы, земледельцы с ремесленниками и рыбаки жили порознь. Продукты и изделия, производство которых не являлось прямым делом соответствующей корпорации, ее члены получали со стороны. Если бы перемещение грузов из одной части долины в другую велось живой силой людей, этим делом должны были бы постоянно заниматься сотни носильщиков, содержать которых пришлось бы остальному населению.

Сообщениям из Чинчи вторят испанские отчеты из области Чупачу, находившейся в совсем других природных условиях – в субтропиках на восточной окраине Анд. Здесь тоже имелись специализированные поселения, жители которых либо занимались выращиванием какой-то одной сельскохозяйственной культуры, либо изготавливали определенную ремесленную продукцию. Иную картину рисуют археологические и письменные источники по Мезоамерике. Здесь из-за высоких затрат человеческого труда на транспортировку было разумно максимально приближать места производства изделий и продуктов к местам их потребления. Поэтому население городов оказывалось крайне пестрым и в профессиональном, и в социальном отношении, а многие ремесленники значительную (если не большую) часть времени работали на полях и огородах. На дальние расстояния было выгодно перемещать лишь самую дорогостоящую или же легкую по весу и небольшую по объему продукцию – например, ткани или обсидиан; зато необычайно оживленным был

местный обмен. Как показала американская исследовательница Э. Брумфил, вся система даннических обязательств, которые ацтеки навязывали побежденным провинциям, определялась возможностью организовать доставку в столицу издалека некоторых категорий ремесленных изделий при явной неосуществимости наладить столь же дальнюю транспортировку продовольствия. Поступавшие из провинции ткани и прочую легкую продукцию государственные власти сбывали поэтому по низкой (видимо, ниже себестоимости) цене жителям столичной области. Те же должны были расплачиваться продукцией сельского хозяйства, оказываясь тем самым заинтересованными в расширении ее производства и сбыта. Торговля, таким образом, процветала, и на рынке ацтекской столицы Теночтитлана можно было купить все, что угодно. В Чан-Чане же, как и в городах инков, рынков не существовало вообще, а обитатели получали все им положенное с государственных складов.

Хранение и передача информации

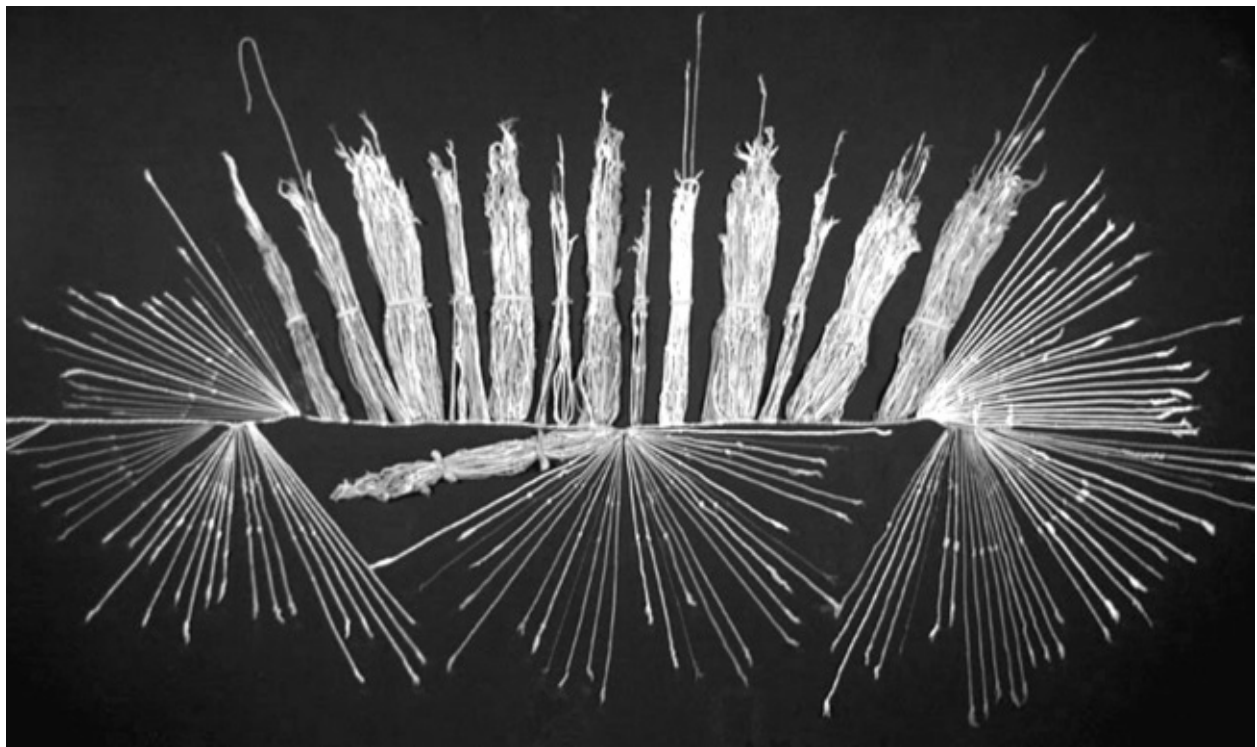
Формы управления зависят от числа людей, вступающих друг с другом в регулярные контакты. Интенсивность контактов при прочих равных условиях пропорциональна плотности населения. Крайне важной переменной величиной является, однако, степень развитости средств сообщений в пределах занятой коллективом территории. Так, в евразийских степях или на островах Тихого океана отдельные общины скотоводов и рыбаков бывали отделены друг от друга десятками и сотнями километров. Тем не менее эти расстояния сравнительно легко преодолевались верхом или в лодках, что позволяло поддерживать устойчивые хозяйственные и политические связи.

Ко времени становления первых государств в Центральных Андах уже сложилась необходимая инфраструктура – сеть караванных троп. Примерно с середины I тыс. н.э. тропы постепенно превращаются в благоустроенные дороги, общая протяженность которых при инках достигла 30 тыс. км. Империи Старого Света, сравнимые по размерам с инкской, имели на службе у себя всадников, разносивших сообщения и распоряжения из столицы в провинции и обратно. Лама же слишком слаба, чтобы использовать ее в качестве верхового животного. Однако создание дорожной сети все же помогло перуанцам справиться с проблемой быстрой передачи на большие расстояния сведений и приказов. На дорогах были устроены посты, где дежурили гонцы (часки). Получив депешу или небольшой груз (испанцы сообщают, будто таким путем доставляли к столу Великого Инки свежую рыбу с океана), часки стремглав бежал до соседнего поста, где передавал эстафету дальше. Бегуны, таким образом, все вместе покрывали в день до 240 км, двигаясь в среднем со скоростью 20 км/час.

Развитость института часки не следует преувеличивать и сравнивать его (как это делал, например, популярный в СССР автор книг об индейцах М. Стингл) с современной почтой. Проведя обследование инкских дорог, американский археолог Дж. Хислоп не обнаружил вдоль большинства из них развалин регулярно размещенных небольших укрытий, где могли бы располагаться часки. Скорее всего, гонцы обслуживали лишь основную магистраль от северных центров в Кито и Томебамбе, где подолгу располагался императорский двор, до Куско и дальше – в Чили, а также две-три дороги, связывавшие горы с побережьем. Этого, видимо, было

достаточно, чтобы столичная администрация ориентировалась в обстановке и могла справиться с оперативным управлением.

Управление крупным государством невозможно и без хранения информации, прежде всего, счетной и учетно-документальной, контрольной. Некоторые исследователи, недооценивая эффективность «узелкового письма», упорно искали у инков письмо «настоящее», графическое, обычно принимая за него токапу – ряды заключенных в квадратные рамки геометрических символов на тканях и ритуальных кубках. Нельзя исключать, что из подобных знаков при благоприятных условиях могла бы развиваться письменность, однако конкуренция кипу резко ограничивала сферу употребления токапу.

Кипу – узелковое письмо инков

Связки шнурков в качестве мнемонического (оживляющего память) средства, по-видимому, использовались обитателями Нового Света с давних времен. На кипу похож, например, вам-пум североамериканских индейцев. Кипу найдены в погребениях культуры уари на побережье Перу (VII век н.э.), но вряд ли перед нами самые ранние их образцы. С помощью кипу было легко закодировать и фиксировать любую информацию числового характера по категориям (скот, воины, бронзовые палицы, сосуды с кукурузным пивом, крестьянские семьи и т.п.) примерно так же,

как с помощью фишек геометрической формы это делали обитатели Южной Месопотамии в середине IV тыс. до н.э. Фишки, известные уже на самых ранних оседло-земледельческих поселениях Передней Азии, никем «индивидуально» не изобретались, их наборы постепенно усложнялись по мере надобности. В итоге, как принято думать, шумеры, используя оттиски фишек на глине и добавив затем некоторое число иконических знаков, создали древнейшее в мире письмо. В дальнейшем, после дополнительных усовершенствований, этим письмом стало возможным записать и художественные тексты. Но это было лишь побочное и неожиданное использование знаков, предназначенных главным образом для другой, более утилитарной цели. По мнению некоторых специалистов, употребление кипу тоже не всегда ограничивалось чисто прикладной областью: кольцевой шнурок с направленными во все стороны от центра нитями-лучами напоминает космологическую схему древних перуанцев с расходящимися от главного святилища линиями – секе. Тем не менее главное достоинство «узелкового письма» заключалось в его пригодности для всякого рода учетных операций, без которых инкское общество, каким мы его знаем, совершенно не могло существовать. Лишь благодаря кипу действовала и служба гонцов-часки. Подсчитано, что на пути от Кито до Куско эстафету последовательно передавали друг другу как минимум 375 человек (если не вдвое-втрое больше). После такого количества пересказов устная информация могла быть искажена до неузнаваемости. Неся же кипу, гонец должен был лишь помнить, к какой категории относится сообщение и кому оно адресовано.

Достигнув Перу, испанцы поражались отсутствию некоторых с их точки зрения элементарных и самоочевидных навыков, инструментов и изобретений, например, незнакомству индейцев с плавкой железа, кузнечными мехами, пилением и сверлением и т. п. Неисторичность такого взгляда сегодня очевидна, поскольку цивилизацию Центральных Анд допустимо сравнивать не с европейской средневековой, а лишь с древневосточными. Значительный и неуклонный технологический прогресс древнего Перу в предшествующие конкисте тысячелетия несомненен. Перейдя от охоты и собирательства к земледелию, скотоводству и рыболовству, освоив ткачество, производство керамики и металлургию меди, а затем – бронзы, индейцы Центральных Анд открыли для себя ранее неизвестные способы эксплуатации окружающей среды. Разработка методов длительного хранения пищевых продуктов, перевозка грузов по суше на ламах, а по морю – на бальсовых плотках, создание системы передачи информации во времени (с помощью кипу) и в

пространстве (служба гонцов-часки) позволили добиться высокой эффективности в использовании ресурсов. Прогресс хозяйства и технологии обеспечил рост населения, появление все более крупных коллективов людей, связанных решением общих задач, поддерживающих между собой все более тесные и постоянные связи. Подобный путь развития закономерно вел к усложнению социальной организации.

Обратимся теперь ко второму из поставленных в начале главы вопросов и посмотрим, как по материалам археологии менялись характеристики коллективов, населявших Центральные Анды между 3000 г. до н.э. и 1500 г. н.э.

Оценка величины древних коллективов

О размерах древних коллективов и об особенностях их организации археологи судят лишь по косвенным данным. Например, подсчет совокупной площади поселений при знании демографической плотности, обычной для тех или иных типов застройки, позволяет оценить, сколько людей жило в пределах определенной территории. Абсолютные цифры таких подсчетов, естественно, приблизительны. Средний размер семьи, число домохозяйств и, главное, синхронность обживания отдельных участков установить нелегко. Так, число жителей города Уари (центра соответствующей культуры и столицы государства) оценивается в широких пределах от 11 до 70 тыс. человек. Правда, это предельные расхождения, и вероятность предполагаемой численности в 20-40 тысяч кажется удовлетворительной. Не может быть и полного списка поселений – часть их наверняка бесследно исчезла. С большей уверенностью определяется динамика населения по периодам. Для этого сравнивают совокупную площадь поселений разного времени или просто число памятников, если они не слишком различаются по размеру. Подобный анализ показывает, например, что в районе современного перуанского порта Чимботе (в 300 км на север от Лимы) достаточно плотное население впервые появляется в III тыс. до н.э. Около рубежа нашей эры наблюдается новое значительное увеличение числа жителей, а затем – еще один пик роста в третьей четверти I тыс. н.э. После этого население сокращается, но повторная тенденция к росту намечается при инках. В разных долинах подобные демографические кривые не вполне совпадают, но в главном выявленные для Чимботе закономерности сходны с теми, которые заметны во многих районах Центральных Анд.

Второй доступный археологам критерий – оценка размеров и характера коллективов по результатам их слаженных действий. Если бы от Древнего Царства в Египте не осталось ничего кроме пирамид, этих построек самих по себе было бы достаточно для некоторых важных суждений об их создателях. Перед нами явно результат совместного труда десятков, если не сотен тысяч людей, чьи усилия была способна организовать лишь мощная и авторитетная центральная власть.

Однако по размерам монументальных сооружений можно судить лишь о количестве человеко-дней, которые потребовались для их возведения. От перемены мест сомножителей результат не меняется, так что 100 человек,

работая 1000 дней, способны создать примерно такой же объект, как и 1000 человек, работая 100 дней.

В Центральных Андах самые большие искусственные платформы объемом порядка 2-3 млн. куб. м строили в середине II тыс. до н.э. и в середине I тыс. н.э. Время, которое потребовалось для строительства и потенциально возможное число работников в обоих случаях приблизительной оценке поддаются. Ясно, что монументальные сооружения II тыс. до н.э. строили на протяжении очень долгого времени, вероятно, нескольких столетий, а платформы I тыс. н.э. – гораздо быстрее, в течение немногих десятилетий. Отсюда следует вывод, что общества II тыс. до н.э. и I тыс. н.э. были организованы по-разному. В поздних властных центр был способен на короткое время мобилизовать массу работников, а в ранних организационная роль подобного центра не очень понятна.

Функции монументальной архитектуры

Возведение массивных, сравнительно примитивных по конструкции сооружений, в которых «полезная площадь» находящегося внутри или наверху склепа или храма ничтожно мала по сравнению с объемом насыпи или кладки, – особенность не одних лишь культур древней Америки и Египта. Это типичнейшая черта большинства древних обществ, находившихся в преддверии образования государства или недавно переступивших такой порог. Гигантские пирамиды, зиккураты, курганы и т. п. встречаются от Миссисипи до Японии и от Месопотамии до центральноазиатских степей. Понятно поэтому, что строительство массивных храмовых платформ и прочих не имевших практического значения монументальных сооружений отвечало каким-то общераспространенным социальным потребностям.

Потребности определялись характером той эпохи, когда свойственные государству способы и органы управления хотя и начали возникать, но еще не вполне сформировались и, главное, не стали в глазах общества сами собой разумеющимися и традиционными. Если в периоды социальных потрясений новые руководители не уверены в законности или общепризнанности, прочности своих прав, тенденции к грандиозному монументальному строительству могут на короткое время возрождаться. Достаточно характерно, например, что прямым архитектурным образцом для здания Московского университета послужил камбоджийский храм Ангкор-Ват. Суперграндиозные масштабы неосуществленного довоенного проекта строительства Дворца Советов в Москве на месте взорванного храма Христа-Спасителя способны поразить нас и сейчас.

Лидеры, под началом которых ведется сооружение гигантских престижных объектов, поначалу вовсе не обладают теми находящимися под их непосредственным контролем источниками власти, о которых мы говорили выше, и сильно зависят от поддержки населения. Формой обеспечения подобной поддержки, придающей ей устойчивость, сглаживающей сиюминутные колебания в оценках, служит наделение руководителя сакральными или харизматическими свойствами. В результате вождь, жрец, пророк или диктатор начинает восприниматься как личность, фиктивно опирающаяся на внешние по отношению к коллективу силы, хотя в действительности вся его власть исходит не «сверху», а «снизу» и обусловлена согласием отдельных людей, групп,

коллективов – большинства населения – с существующим порядком. В сознании членов общества лидер становится посредником между смертными и богами, или же сам превращается в сверхчеловека. Если основа власти вождя культово-религиозная, то ее зримым воплощением чаще всего становятся такие искусственные сооружения, которые связаны с почитанием божеств и обожествленных предков. Побуждение подчиненных к подобному грандиозному строительству не приносит лидерам непосредственных выгод. Такие действия имеют знаковый характер, выявляя и закрепляя сложившуюся в данном обществе структуру власти. Это своего рода проба сил, позволяющая определить, насколько далеко и безоговорочно готовы люди следовать за руководителем. Одновременно монументальные объекты символизируют мощь и богатство данного коллектива по отношению к окружающим.

Вплоть до середины I – начала II тыс. н.э. лидеры политических объединений в древнем Перу продолжали видеть в религии непосредственный и, скорее всего, основной источник «вневоенного» поддержания своего авторитета. Понятия легитимности и сакральности оставались, по-видимому, полностью слиты. И в этом смысле показательно, что при инках (а также в прибрежном царстве Чимор, которое инки завоевали в третьей четверти XV в.) культовые объекты перестают выделяться размерами среди других общественных сооружений.

Стадии политической интеграции древнего перу

Рассмотрим теперь ход развития древнего Перу таким, каким он реконструируется по материалам археологии. На наш взгляд, в процессе политической интеграции области и превращения ее из совокупности бесчисленных независимых общин в империю допустимо выделить четыре стадии. Речь, разумеется, идет о предельно упрощенной и схематичной картине. Если эволюция технологии была в Андах, как и почти повсюду в мире, практически необратима, то политическое развитие сопровождалось срывами, откатыванием назад; судьба отдельных объединений резко менялась под влиянием сравнительно случайных обстоятельств. Общая направленность развития проступает, однако, достаточно ясно и выглядит следующим образом.

1. Общины и общества уровня простых вождеств

В связи с переходом к прочной оседлости укрепляется авторитет общинных лидеров. Появляются первые небольшие объединения отдельных общин. Численность наиболее крупных коллективов такого рода вряд ли превосходила одну-две тысячи человек.

На побережье Тихого океана обо всем этом свидетельствуют материалы захоронений и остатки зданий общественнокультурного назначения III тыс. до н.э. Так, на поселении Асия к югу от Лимы среди полусотни захоронений несколько оказались богаче обычных, причем наиболее неравномерно были распределены ткани. Надо заметить, что и далее, вплоть до прихода испанцев, богатая узорчатая материя входила в число самых престижных, недоступных простолюдинам изделий. Общественные здания уже с конца IV – начала III тыс. до н.э. стали резко выделяться обликом и размерами среди жилых построек и стояли на платформах до 10-15 м высотой. Таковы сооружения Карраля и других поселений в районе Норте Чико.

Число жителей подобных поселений составляло порядка 1000 человек, что соответствует простым вождествам. Однако, как уже говорилось, у нас нет свидетельств того, что во главе подобных политических объединений стояли вожди. Как именно в них принимались решения, на чем основывался авторитет руководителей, очень трудно сказать, поскольку этнографических аналогий подобным обществам в мире нет. Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев предложили термины «аналоги

вождеств» и «аналоги государств», имея в виду объединения, которые размерами сопоставимы с вождествами и государствами, но организованы иначе. Так что и в случае Древнего Перу правильнее писать о подобных «аналогах», об обществах уровня вождеств.

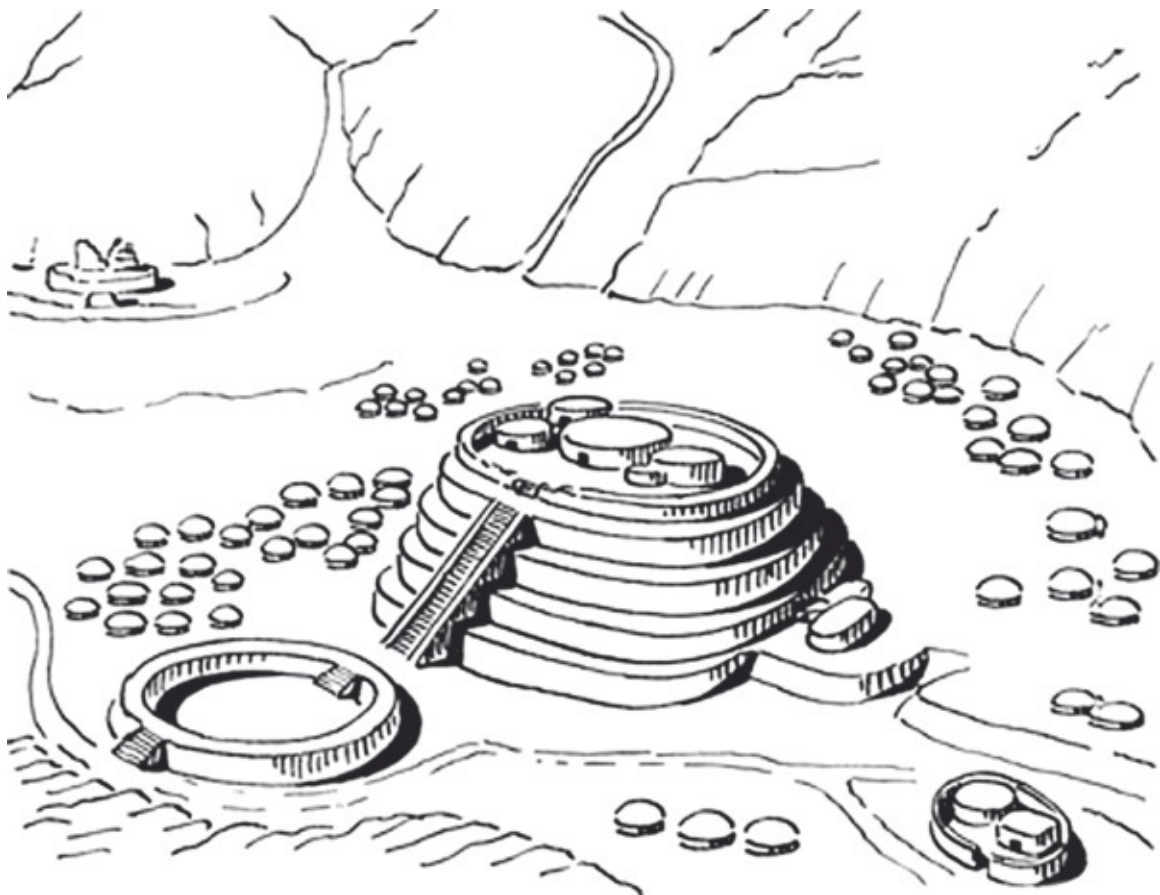
Одновременно с появлением сплоченных оседлых общин и (пока только на побережье) первых обществ уровня простых вождеств в III тыс. до н.э. складываются устойчивые хозяйственные связи между отдельными районами Перу. Серединой III тыс. до н.э. датируются самые ранние находки картофеля, обнаруженного при раскопках памятников притихоокеанской полосы. Перуанский картофель не растет в низменностях и несомненно был привезен на побережье из горных районов. Кукуруза, которая оказалась в упоминавшихся хранилищах Лос-Гавиланес, видимо, тоже попала туда с гор. Вплоть до I тыс. до н.э. ее остатки в слоях древних поселений прибрежной полосы встречаются столь редко, что допустимо сомневаться в местном происхождении этих початков. Найдены в Лос-Гавиланес и изделия из шерсти альпаки – чисто высокогорного животного.

Некоторые открытия наводят на мысль о почти невероятных для столь глубокой древности масштабах межплеменного обмена. В конце 1970-х годов американский археолог Т. Гридер и его перуанский коллега А. Буэно раскопали в долине реки Таблачака поселение Ла-Гальгада. Таблачака – правый приток реки Санта, впадающей в океан близ нынешнего порта Чимботе. Памятник расположен на высоте 1000 м над уровнем моря, т. е. в высотном поясе, который на западных склонах Анд беднее остальных ресурсами дикой флоры и фауны и наименее пригоден также и для занятий земледелием и разведения домашних животных. И все же именно здесь в конце III – начале II тыс. до н.э. располагалось одно из самых крупных в тогдашней Америке скопление монументальных построек общественного назначения. Объяснить это можно лишь тем, что по долинам Сайты и Таблачаки проходит кратчайший путь с побережья в горы и дальше на восток в долину реки Мараньон. Обменивались, скорее всего, не только украшения и предметы культа, но и продукты массового потребления – сушеные рыба и водоросли на картофель и сушеное мясо. Проследить движение подобных продуктов очень трудно, но и негативные свидетельства имеют здесь определенный вес. Так, в культурном слое поселения, число обитателей которого оценивается в тысячу человек, практически не найдено костей животных. Поскольку люди вряд ли могли полностью обходиться без мяса, остается допустить, что ели они «консервы» того времени – чарки, о котором мы уже говорили. Найденные

в Ла-Гальгаде обрывки орнаментированной хлопчатобумажной материи, по-видимому, производилась здесь на месте и обменивалась на продукты питания.

2, Общества уровня сложных вождеств

Усложнение социальных структур в Центральных Андах отчетливо заметно со второй четверти II тыс. до н.э. На протяжении этого и следующего тысячелетия в древнем Перу формируются сообщества численностью в тысячи, а порой и в десятки тысяч людей. Складываются иерархически организованные политические объединения.

Поселение Ла-Гальгада в начале II тыс. до н. э. Реконструкция

Центром одного из древнейших объединений подобного ранга стал, по-видимому, храмовый комплекс Сечин Альто в долине Касмы на юге северного побережья. Он знаменит своей грандиозной платформой из грубого камня и конического сырцового кирпича, имеющей высоту 35 м и основание площадью 300 м на 250 м, а весь комплекс общественно-культовых сооружений протянулся в длину на более чем километр. Вокруг

на территории не менее двух квадратных километров располагаются другие монументальные строения. Предполагается, что во второй четверти II тыс. до н.э. в долине Касмы возникли два крупных вождества. Еще один мощный центр, Гарагай, со знаменитыми раскрашенными рельефами возник во второй половине II тыс. до н.э. неподалеку от сегодняшней Лимы, а третий, Кабальо Муэрто, располагался в долине реки Моче.

Начиная с начала II тыс. до н.э. прибрежные перуанские храмы стали украшать росписями, рельефами и объемной глиняной скульптурой. Нет никакого сомнения в том, что создавали эти произведения искусства мастера-профессионалы. По материалам эпохи инков мы знаем, что обслуживавшие храмы и знать перуанские ремесленники стояли вне обычной общинной организации, находясь в зависимости от государства или отдельных представителей привилегированных слоев. Эта инкская практика находит несомненные аналогии в социальном устройстве царства Чимор (X-XV века н.э.). Свидетельства о профессиональном ремесле, относящиеся ко II тыс. до н.э., крайне важны. Если мастера работали по заказу центральной власти, то это значит, что во II тыс. до н.э. у местных лидеров появляется свой социально-хозяйственный сектор – тот самый независимый от «низов» дополнительный источник власти, ресурсами которого они непосредственно распоряжаются. Об этом говорят и находки предметов роскоши, каковыми в Андах были прежде всего экзотические эквадорские раковины и изделия из них. Самые ранние отмечены при раскопках верхних слоев Ла Гальгады, а первой половиной I тыс. до н.э. уже датируется большая серия подобных находок.

Надо заметить, что доколумбова Америка вообще отличается более ранним и широким распространением монументального изобразительного искусства, чем общества Древнего Востока предгосударственного уровня. Обилие и совершенство каменной и глиняной скульптуры и настенной живописи, характерное для мексиканских (ольмекских) и перуанских обществ уровня сложных вождеств, существовавших во II тыс. до н.э., не имеют аналогий ни в додинастическом Египте, ни в прото- и даже раннединастическом Двуречье. Одну из причин этого допустимо усмотреть в скором и эффективном подчинении квалифицированных индейских мастеров правящей элите. Создается впечатление, что как в Мексике в XII веке до н.э., так и в Перу в XVIII-XV веках до н.э. имел место резкий сдвиг в формах общественных отношений: монументальное искусство появляется внезапно в уже развитом виде, тогда как перуанские святилища III тыс. до н.э. хотя и массивны, но лишены сколько-нибудь существенного декора.

Горные районы Центральных Анд до середины II тыс. до н.э. развивались несколько медленнее прибрежных. Окончательный переход к оседлости, отраженный в появлении деревень и гончарства, приходится лишь на вторую четверть II тыс. до н.э., когда на побережье уже возводились массивные искусственные платформы. Зато в конце II тыс. до н.э. именно в горах в верховьях реки Мараньон вырастает крупнейший региональный центр Чавин-де-Уантар, по-видимому, контролировавший торговый путь через Анды. Существует гипотеза, связывающая возвышение Чавина с постигшей прибрежные области катастрофой – ударами гигантских цунами, разрушивших в начале I тыс. до н.э. Гарагай и некоторые другие храмы и поселения. Каковы бы ни были причины упадка прибрежной культуры в самом начале I тыс. до н.э., ее предшествующие достижения не были утрачены: важнейшие особенности архитектуры Чавина восходят именно к прибрежной традиции. В первой половине I тыс. до н.э. Чавин-де-Уантар стал едва ли не самым значительным поселением Южной Америки. Вокруг великолепных храмов располагались жилые кварталы площадью около 40 гектаров. Число обитателей городка составляло две-три тысячи человек.

Зародившийся во II тыс. до н.э. на побережье и получивший блестящее развитие в каменных барельефах Чавина художественный стиль, равно как и связанные с данными монументальными памятниками типы керамики, встречаются на огромной территории – от лесного коридора, разграничивающего Эквадор и центральноандскую область, до Аякучо и южного побережья Перу. Найденные в горах и на побережье культовые изображения свидетельствуют об унификации религиозных представлений, о возникновении образов божеств с устойчивой иконографией. Складывается художественный канон, определивший многие особенности всего последующего перуано-болливийского искусства вплоть до эпохи инков. Характерно также, что население северного Перу в I тыс. до н.э. предпочитало пользоваться изделиями из обсидиана (вулканического стекла), поступавшего из более удаленного центральноперуанского месторождения, чем оказаться в зависимости от более близкого источника в Эквадоре, который контролировали создатели других культур.

3. Общества уровня первичных государств

Политические объединения с населением в десятки, а затем и в сотни тысяч человек появляются в Центральных Андах в III-VI веках н.э. Они связаны с расцветом культур мочика на северном побережье, уари в юго-

центральной части горного Перу, тиауанако в бассейне озера Титикака и, может быть, Лима на центральном побережье. Заканчивается этот период событиями, уже описанными в первой главе.

Можно ли эти объединения называть ранними государствами? Четверть века назад ответ был бы однозначно утвердительным. Для руководства столь большими сообществами людей, живущих в пределах обширных территорий, необходим специальный административный аппарат, а это и есть государство. Сейчас ситуация выглядит более сложной. Сомнений в том, что мы имеем дело с общностями уровня государств, нет, но как конкретно эти общества управлялись? Чем больше подробностей узнают археологи, тем менее определенными становятся их ответы. Ясно, что правящие элиты продолжали опираться на такие способы удержания власти, которые можно предполагать и для обществ конца II – начала I тыс. до н.э., но которые не были характерны для инков. Я имею в виду демонстративное использование в ритуалах с участием высших должностных лиц наркотиков-галлюциногенов, а также регулярные человеческие жертвоприношения.

Однако для простоты будем все же называть крупные политические объединения I тыс. н.э. в Центральных Андах государствами. Границы древних государств определялись естественно-географическими, хозяйственными и этнокультурными рубежами. Историко-этнографические материалы и общетеоретические соображения заставляют предполагать, что первый шаг к появлению государства делается в тот период, когда среди вождеств, занимавших какой-то ограниченный район, выделяется сильнейшее. Однако даже добившись уверенного преобладания над остальными, новое политическое образование еще не превращается само по себе в государство. Последнее, как уже было подчеркнуто, отличается от вождества прежде всего ролью центра. Он способен теперь непосредственно руководить делами на окраинах, а не пользоваться одними лишь методами косвенного управления. Для этого необходим административный аппарат – тем более громоздкий, чем больше управляемая территория и население. Его содержание обходится дорого, поэтому государство может возникнуть лишь при таком изобилии прибавочного продукта, которое вождествам недоступно. Границы вождества редко отстоят от центра на расстояние, преодолимое более чем за день пути, иначе система становится неуправляемой. Более крупные вождества (например, у степных евразийских народов) были недолговечными и во всяком случае непрерывно меняли свои границы. В земледельческих обществах

верховный вождь обычно контролировал территорию радиусом 10-30 км. Если в ее пределах земля и воды бывали настолько богаты, что могли прокормить не тысячи, а десятки тысяч людей, вождества превращались в города-государства. Районов со столь благоприятными природными условиями на земном шаре было немного, поэтому даже в древности большинство государств возникло не спонтанно, а под влиянием уже появившихся передовых центров.

Разобраться в исторических обстоятельствах, приведших к образованию первичных государств, ученые стремятся на протяжении многих десятилетий. Поскольку процессы подобного рода нигде не освещены письменными источниками (письменность в ранних обществах либо еще отсутствовала, либо использовалась лишь для хозяйственного учета), мы опираемся на археологические материалы, а также на разного рода поздние аналогии. По археологическим данным нельзя надежно судить об уникальных явлениях и фактах, но материалы раскопок ценны при изучении повторяющихся событий, где возможны сравнение, типология и статистика. Сопоставление данных по центрам становления первичной государственности в Старом и Новом Свете всегда считалось самым эффективным методом выявления ведущих, универсальных закономерностей, сопутствующих зарождению обществ нового типа.

Хрестоматийные примеры первичных государственных образований – шумерский Лагаш середины III тыс. до н.э. в южном Двуречье и сапотекский Монте-Альбан конца I тыс. до н.э. на юге Мексики. В Лагаше, по выкладкам И. М. Дьяконова, 150 тыс. человек жило на территории поперечником примерно 50 км. Монте-Альбан находился в центре долины Оахака, максимальная протяженность которой 70 км. В городе жило 10-20 тыс. человек. Общее население долины точно не подсчитывалось, но, по-видимому, находилось в пределах 50-100 тыс. человек.

Для нашей темы важнее всего определить, как сформировались первые государства в горных районах Боливии и Перу, т. е. на территории, ставшей впоследствии ядром империи инков. Судя по имеющимся данным, они прошли стадию города-государства, хотя их дальнейшая судьба еще недостаточно понятна. Особенно это касается Уари.

В VI веке н.э. в долине Аяучо возникло политическое объединение с вполне нормальной для города-государства территорией радиусом 30-40 км. Его столицей стал города Уари. В подобных границах культура уари просуществовала недолго.

Характерные для нее парадная керамика и изысканно орнаментированные ткани вскоре появляются в погребениях в разных

районах Перу, а близ Куско и Кахамарки (т. е. на противоположных концах этого нового ареала культуры уари) строятся обширные архитектурные комплексы, не имеющие прототипов в местных традициях. Все это было соблазнительно счесть за доказательство сложения первой центральноандской империи.

Некоторые археологи указывали на существенные отличия провинциальных материалов культуры уари от тех, которые характерны для столичного района Аякучо. Если памятники инкской архитектуры от Чили до Эквадора легко опознаются как характерные именно для кусканской традиции, то провинциальные объекты уари не слишком похожи на столичные образцы.

Имеющиеся данные все же склоняют к мнению, что крупное политическое объединение с центром в долине Аякучо в конце VI – начале VII века возникло. Однако его провинции обладали значительной независимостью, представляя собой образования с разной степенью автономии. Государство Уари просуществовало два-три века, а около 900 г. н.э. неожиданно исчезло. Строительство колоссальных административных комплексов в Кахамарке (Виракочапампа площадью 25 га) и близ Куско (Пикильякта площадью 70 га) так и не было завершено, но люди уари покинули их организованно, забрав с собою все ценности.

Хотя механизм распространения культуры уари в Андах пока не вполне понятен, само влияние древнего центра в Аякучо неоспоримо, и значение его трудно переоценить. Религиозные идеи уари проникли не только во многие горные области, но и на тихоокеанское побережье. Обилие привозных изделий на всей подвергшейся воздействию уари территории свидетельствует и об оживленных внутрорегиональных хозяйственных связях.

Политическое развитие в бассейне озера Титикака кажется понятнее, чем в центральном Перу. В конце I тыс. н.э. здесь сложились два крупных объединения уровня сложных вожеств. Одно из них, Кея, или Тиауанако-III, располагалось с южной стороны озера, другое, Пукара, с северо-западной. После периода упадка, скорее всего, связанного со всплеском военной активности, территория к югу от Титикаки объединилась вокруг Тиауанако, а прямое или косвенное влияние этого города простиралось на большую часть Боливийского плоскогорья, по крайней мере на его северные районы. По оценкам археологов, число жителей столицы составляло в это время 15-20 тыс. человек. После гибели уари культура тиауанако, как уже говорилось, медленно деградировала.

На побережье Перу ранние государства возникли в северных и

центральных районах, где находились наиболее крупные долины, способные прокормить значительное население. Не исключено, что процесс политического объединения нескольких долин проходил по той же модели, что и в Древнем Египте.

В силу особой конфигурации нильской долины номы (местные вождества) были вытянуты цепочкой вдоль реки и не могли расширять территорию на восток и на запад, где их ограничивала пустыня. И. М. Дьяконов высказал предположение, что когда один из номов Верхнего Египта победил ближайших соседей и подключил их ресурсы к своим, он начал громить соперников одного за другим, не опасаясь обходов с флангов и образования враждебных коалиций. В результате Верхний Египет был объединен необычайно быстро – до того как в отдельных номах успели сложиться специализированные, самостоятельные органы государственного управления.

На перуанском побережье также существовал естественный коридор между океаном и непроходимыми в меридиональном направлении предгорьями Анд. Вождества располагались в оазисах по берегам текущих с гор рек. Один из подобных индейских «номов» возник во II веке н.э. в долине реки Моче. К северу от нее в море впадает гораздо более полноводная река Чикама. По мнению специалистов по древнеперуанской ирригации, магистральные каналы Чикамы были столь велики, что каждый из них обеспечивал водой земли целого вождества. В этих условиях задача политического объединения всей долины не стояла остро. Вождеству Моче удалось захватить этот крупный, но политически разобщенный оазис, а затем, опираясь на ресурсы сразу двух долин, поочередно разгромить остальных соседей и поставить под свой контроль территорию, растянувшуюся на несколько сот километров вдоль океана. Органы государственной власти сформировались на северном побережье Перу лишь после завершения этой военной кампании. О данных событиях известно исключительно по материалам археологии и иконографии (вождеству, а потом государству со столицей в Моче соответствует культура мочика). О повторении того же процесса во вдвое большем масштабе при образовании и расширении в X-XV веках царства Чимор есть и исторические сведения. Они вполне подтверждают выводы археологов. Надо, правда, сказать, что формы подчинения отдельных долин центру в Моче остаются дискуссионны и некоторые из них могли сохранять широкую автономию.

На центральном побережье аналогичным путем возникло, возможно, еще одно объединение, которому соответствует культура лима, но оно было

вдвое меньше мочикского и изучено хуже. Дальше к югу власть местных вождей не распространялась за пределы отдельных оазисов. И это естественно: как сельскохозяйственный потенциал, так и рыбные ресурсы южного побережья Перу, и тем более чилийской Атакамы, меньше, чем в северных районах. Соответственно, меньшим было там и население, проще социальные структуры.

Подсчеты общего числа жителей первичных перуано-болливийских государств делались только для культуры мочика. По выкладкам Р. Шеделя, в середине I тыс. н.э. на соответствующей территории обитало немногим более четверти миллиона человек. В последние годы археологи пришли к единодушному заключению, что лишь менее половины этой территории действительно подчинялось центру в долине Моче, а к северу от государства Мочика располагались близкие ему по культуре менее крупные политические образования. Соответственно численность населения государства Мочика должна была быть порядка 100 тыс. человек, что совпадает с определенным И.М. Дьяконовым числом жителей шуменского Лагаша.

Пикильакта – крупный археологический памятник времен царства

Уари

В эпоху расцвета культур уари, тиауанако и мочика были заложены основы последующего объединения Центральных Анд инками. В это время были опробованы те установления и идеи, которые могли быть использованы для управления большими сообществами людей. Некоторые из подобных установлений оказались неэффективны, другие были затем использованы создателями инкской империи.

Наиболее несомненным и важным кажется развитие в I тыс. н.э. ротационной системы привлечения к труду крестьян-общинников. Исследуя монументальные платформы в столице мочика в Моче, археологи провели комбинаторный анализ знаков, прочерченных на кирпичах, сопоставили результаты с данными о составе глины, характере кладки и т. п. Оказалось, что каждую секцию возводила особая группа людей, отвечавших за весь процесс, начиная от замеса глины и кончая укладкой кирпичей на отведенном участке. Именно поэтому люди метили свою продукцию особыми знаками. Знаки, встречавшиеся на кирпичах в нижних ярусах кладки, через какое-то время появлялись вновь. Следовательно, трудившиеся здесь коллективы работников обладали устойчивостью и преемственностью традиций. Подобной стабильностью отличаются только общины крестьян.

Менее однозначные свидетельства использования мобилизованных крестьян на строительных работах собраны в Пикильякте – упомянутом административном центре Уари к юго-востоку от Куско. Здесь ниже основных стен найдены остатки больших кухонь, в которых, скорее всего, готовили пищу для массы вводимых Пикильякту людей. Сам памятник представляет собой фантастический лабиринт из более чем 500 коридоров и комнат. Любые передвижения внутри этого комплекса было легко направлять и контролировать.

Археологи искали в Пикильякте и остатки государственных хранилищ, однако здесь их ждало разочарование: явных свидетельств подобного рода обнаружить не удалось. Более красноречивыми снова оказались материалы с побережья Перу. В VII веке на севере области распространения культуры мочика возникло новое крупное государство со столицей в Пампа-Гранде. Этот город площадью 4.5 км на короткое время стал самым крупным в Центральных Андах, превзойдя даже Уари и Тиауанако. Именно в Пампа-Гранде найдены самые ранние надежно идентифицированные стандартные складские помещения. Их совокупный объем еще невелик, всего лишь около 3 тыс. куб. м. В завоеванном инками Чан-Чане эта цифра достигала

уже 217 тыс. куб. м, сами же инки расширили масштабы складского хозяйства еще на порядок.

В Пампа-Гранде получены интригующие указания на возможное обострение противоречий между элитой общества и рядовым населением в период гибели ранних государств. Они связаны с изучением Большой Пирамиды в центре городища – величайшего искусственного сооружения древней Южной Америки, причем построенного быстро, «в один прием». Общая высота пирамиды 54 м, основание имеет площадь 270 на 185 м. Однако особенно поражает воображение верхняя платформа с гладкими и почти совершенно отвесными стенами 25-метровой высоты, на вершине которой располагались богатые жилые помещения. Ведший туда узкий и крутой пандус можно было без труда оборонять самыми незначительными силами. И все же постройки как на верхней, так и на нижних платформах погибли в огне – настолько жарком и мощном, что глина местами сплавилась до стекловидного состояния. Следы намеренных разрушений заметны и на других элитарных объектах Пампа-Гранде, в то время как жилища рядовых горожан совершенно не пострадали. Высказано предположение, что город погиб в результате народного восстания, а не нашествия врагов. В последующий период строительство столь колоссальных пирамид в Перу прекращается. Если гипотеза изучавших столицу мочика археологов правильна, то можно заключить, что создатели более поздних перуанских культур, таких как сикан, чиму, инки, учли опыт своих предшественников. В обществе выработались механизмы, позволявшие избегать, открытого противостояния социальных слоев, развивать более рациональные методы изъятия и перераспределения прибавочного продукта.

Для третьей четверти I тыс. н.э. мы располагаем красноречивыми свидетельствами формирования идеологической общности, охватывающей большую часть населения Центральных Анд. Иконография главного божества в пантеонах уари и тиауанако (обращенная к зрителю фигура с жезлами в руках) стандартна и в конечном итоге восходит еще к культуре чавин и даже к культуре строителей монументальных платформ в Норте-Чико. После того как столица Мочика была перенесена в Пампа-Гранде, этот канон усвоили и на северном побережье Перу. С образом главного мифологического персонажа повсюду связаны пума (ягуар) и дневная хищная птица, которым на изображениях приданы фантастические черты. Об унификации ритуалов свидетельствует повсеместное использование большого цилиндрического, слегка расширяющегося кверху кубка (будущий инкский киро). От северного Перу до оазисов чилийской

Атакамы и до восточных границ Боливийского плоскогорья в захоронения клали предметы с изображением сжатой в кулак руки с отставленным пальцем. Судя по поздним этнографическим аналогиям, подобный символ имел отношение к идеям благополучия и богатства.

4, Империя

Четвертой стадией политической интеграции Центральных Анд стало образование единого государства, население которого приближалось к 10 млн. Первичное государственное образование со столицей в Куско возникло не позже XIII в. на территории поперечником около 40 км. Во второй половине XV в. инкская парадная керамика, как уже говорилось, появляется на Боливийском плоскогорье, а в XV в. распространяется по всей территории Центральных Анд. Об этих событиях сообщают и письменные источники, хотя они далеко не всегда надежны. Содержащиеся в хрониках сведения в большей мере помогают разобраться в принципах общинной организации индейцев Анд, в их мифологии и космологии, нежели в последовательности исторических эпизодов.

Переходя в следующей главе к описанию социально-экономического устройства империи, еще раз напомним о важнейшем условии возникновения андской «сверхдержавы». Военные и организационные дарования первых императоров смогли проявиться столь эффективно лишь потому, что древнее Перу оказалось подготовлено к объединению всем ходом своего предшествующего развития. К началу XV века численность населения региона уже превысила уровень, достигнутый в период существования ранних государств I тыс. н.э. Изобилие освоенных природных ресурсов позволяло отвлечь массу людей (порядка десяти процентов всего населения) от производства продуктов жизнеобеспечения и превратить их в постоянных или временно призванных воинов, строителей, администраторов, служителей культа и т. д. Второе условие успеха инков – создание превосходной сети коммуникаций, также на основе предшествующих достижений в этой области. Запущенный в ход хозяйственно-административный механизм империи содействовал накоплению огромных запасов как продовольствия, так и престижных ценностей, распределявшихся по мере надобности, исходя из интересов центральной власти. Первые – запасы продовольствия – обеспечивали лояльность народных масс, вторые – престижные ценности – привилегированных слоев общества.

Глава III

Образование, устройство и социальная структура империи

Завоевательные походы инков

Благодаря успехам археологии стало ясно, что, реконструируя военно-политическую историю создания инкского государства, испанским источникам далеко не всегда следует доверять. Походы, сражения, законодательные акты, вознаграждение союзников и наказание непокорных – обо всем этом в хрониках содержатся достаточно путанные и противоречивые сведения. Весьма приблизительны также даты, особенно когда речь идет о времени правления двух первых императоров – Пачакути и Тупака Юпанки. Нельзя забывать, что от кипу-камайок (специалистов по составлению и толкованию кипу) информация дошла до нас в самом лучшем случае через вторые и третьи руки.

Долго считалось, что из тумана легенд и мифов инки выступают около 1438 года, когда они, как уже говорилось, победили соседний народ чанка. Организатор этой победы, сын правителя Куско – Виракочи Инки – принял верховную власть, а вместе с ней имя Пачакути. Слово это имеет ряд значений, среди них «эра», «эпоха», конец крупного временного цикла и начало нового. Действительно ли Пачакути назвал так себя уже при «вступлении на трон», сказать невозможно, но в целом историчность его личности сомнений не вызывает. Вместе с тем, судя по данным археологии, военную экспансию за пределы долины Куско и ближайших окружающих ее территорий должны были начать уже предшественники Пачакути, заслуги которых он себе затем приписал. Но поскольку никакого связного альтернативного варианта инкской истории начала XV века пока не создано, мы будем придерживаться традиционной версии.

Самым ответственным и мудрым решением Пачакути был правильный выбор стратегии завоеваний. Они начали разворачиваться преимущественно в южном и юго-восточном направлениях. В середине XV века инки вмешались в борьбу между вождествами аймара и в результате сравнительно легко подчинили себе район вокруг озера Титикака. Их главным соперником здесь оказалось племенное объединение Колья, которое, однако, как раз накануне появления армии Пачакути потерпело поражение от другого аймарского протогосударства Лупака.

На берегах Титикаки инки завладели колоссальными стадами лам и альпак – по некоторым сведениям, сотнями тысяч голов. Это был выдающийся успех. Отныне армии Куско не испытывали нужды в транспортных средствах, одежде и продовольствии. Не совсем ясно, кому

принадлежали стада у самих аймара: общинникам, знати, верховным вождям или все эти группы владели каждая своей частью стад. Пачакути объявил животных царской собственностью. Так был сделан первый значительный вклад в создание имперского сектора экономики, ресурсами которого распоряжалась непосредственно царская власть. Для идеологического оправдания и закрепления своего верховенства на Боливийском плоскогорье инки основали богатейшие храмы на островах посреди озера Титикака. Независимо от того, действительно ли предки инков пришли из Тиауанако, соответствующая легенда пропагандировалась, превращая правителей Куско в «законных» обладателей земель древнего государства.

Пока Пачакути воевал на юго-западных берегах Титикаки, у него вырос наследник – Тупак Юпанки. Впрочем, определенного порядка престолонаследия у инков не существовало, и выбор одного из сыновей в качестве кандидата на престол зависел от многих обстоятельств. Отношения между Пачакути и Тупаком Юпанки были, по-видимому, напряженные, если не прямо враждебные, однако в большом северном походе старый и молодой военачальники действовали сообща. В ходе этого похода инкское государство окончательно утвердило свой статус империи, стремящейся к объединению всей древнеперуанской ойкумены.

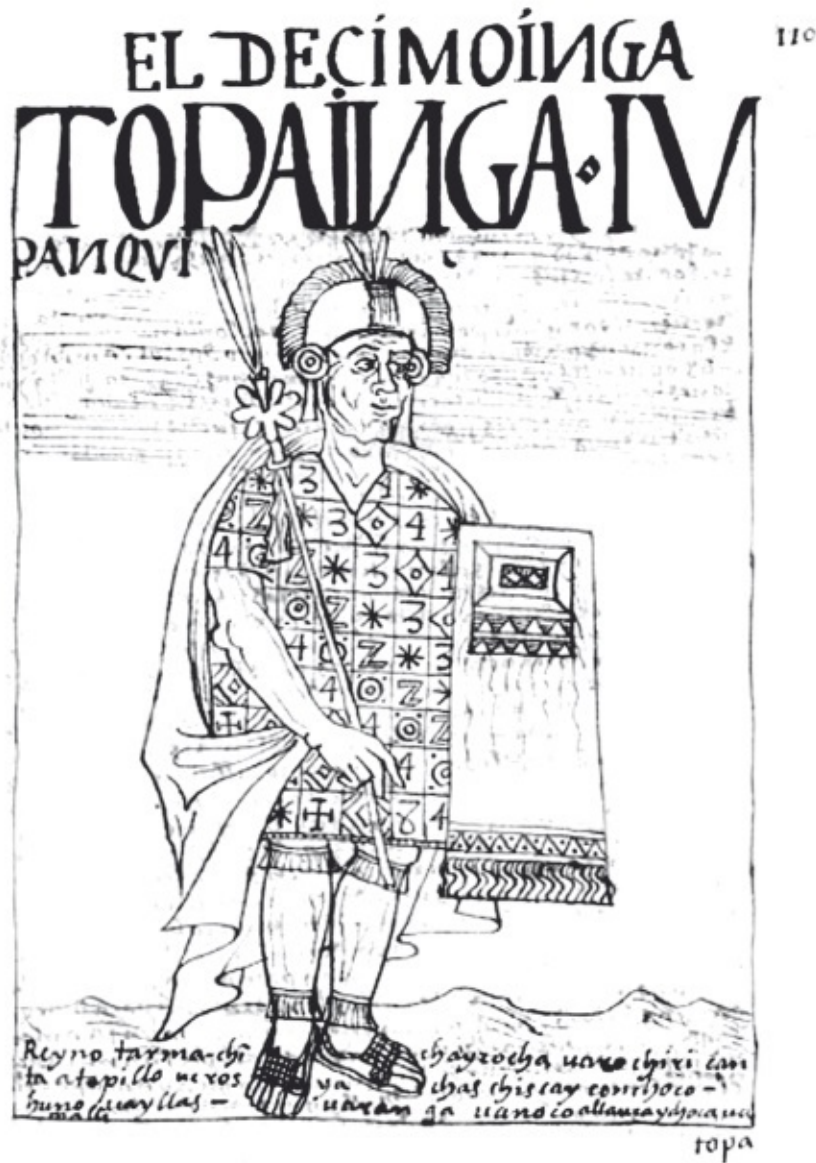
Поворотным моментом в северной войне было овладение Кахамаркой – самой значительной из межгорных котловин северной части горного Перу. Население Кахамарки, как указывалось еще в первой главе, поддерживало тесные связи с побережьем. Обитатели приморских оазисов получали отсюда прежде всего металлы или руду, посылая взамен сельскохозяйственную продукцию. Поэтому если инки решались на захват Кахамарки, они должны были быть готовы и к борьбе с царством Чимор. Однако как горцы, так и обитатели низменностей старались, похоже, оттянуть начало прямой конфронтации. Те и другие испытывали трудности, когда попадали в непривычную ландшафтно-климатическую зону, расположенную на два, три, а то и четыре километра выше или ниже их собственной. Правитель царства Чимор Минчансаман при известиях об инкской экспансии на плоскогорье близ Титикаки тоже стал расширять свои владения, границы которых почти достигли нынешней Лимы, однако он не делал попыток подняться в горы. Со своей стороны Тупак Юпанки не спешил спускаться на побережье. Вместо этого его армия вторглась в горный Эквадор, где ей пришлось вести изнурительные бои с местными племенами. Там, где расположен современный город Куэнка, была основана Томебамба, ставшая чем-то вроде второй столицы империи. При

внучке Пачакути Уайна Капаке она отчасти уступила свою роль расположенному еще дальше на север Кито. Инки пробовали делать вылазки на приморскую равнину Эквадора, но жаркая болотистая земля оказалась малопривлекательной для людей, привыкших к горному воздуху. К тому же ее многочисленное население тоже активно сопротивлялось. В дальнейшем прибрежные эквадорские вожества, видимо, посылали инкам нерегулярную дань, но в основном независимость сохранили. Если правители Куско и оказывали на них при этом давление, то скорее с моря, чем с суши. Следы присутствия инков отмечены на одном из прибрежных эквадорских островков, где обычно останавливались торговцы, плававшие вдоль западного побережья Южной Америки. Видимо, сюда и совершил свое знаменитое паломничество Тупак Юпанки, сообщения о котором содержатся в испанских хрониках и не раз служили основой для фантастических домыслов о путешествиях перуанских индейцев через просторы Тихого океана.

Решение о нападении на Чимор было принято в конце 60-х – начале 70-х годов XV века. Существуют разные легендарные подробности хода боевых действий, которые невозможно проверить. Так или иначе, победа осталась за инками, имевшими очевидные преимущества перед просуществовавшим уже не одно столетие прибрежным царством. Археологические раскопки весьма наглядно показывают, как из века в век разрастался бюрократический аппарат Чимор. Сотни помещений особой формы, так называемые «аудиенсии», истолковываются в качестве присутственных мест множества чиновников, действовавших как в столице, так и в разбросанных по стране административных центрах. На способности Чимор к сопротивлению, скорее всего, отразились и стихийные бедствия, случившиеся в поздний период существования этого государства. Продолжавшиеся многие годы работы по прокладке 70-километрового канала, который должен был оросить земли близ столицы, к желаемой цели не привели. В результате тектонической подвижки местности изменился ее наклон и готовую трассу не удалось наполнить водой. События такого рода могли оказать деморализующее воздействие на население, ибо наверняка воспринимались как гнев богов. Это предположение справедливо и в том случае, если строительство большого канала изначально преследовало не экономические, а чисто пропагандистские цели.

Война с инками завершилась относительно почетным для Чимор миром, но после разразившегося восстания прибрежное царство было окончательно разгромлено. Минчансамана, а вместе с ним и

квалифицированных ремесленников увели в Куско. Все же авторитет Чимор оставался высок, поэтому инки сочли для себя выгодным символически сохранить местную династию, отстранив ту ее ветвь, которая связала себя с восставшими. Чимор лишилось всех владений за пределами Моче, да и в самой этой долине обосновались инкские военные посты. Номинальные владельцы Чан-Чана продолжали жить в опустевшем городе. Окрестные крестьяне не опасались разбирать деревянные столбы колоннад для собственных надобностей и разбивать огороды во дворах дворцовых комплексов, куда они прежде и не мечтали проникнуть.

Тупак Инка Юпанки.
Рисунок из рукописи Пома де Айялы

В результате покорения царства Чимор в руки инков должны были попасть неслыханные богатства. После конкисты испанцы нигде больше в Америке не обнаружили таких сокровищ, как в разграбленных ими гробницах царей и знати Чимор. Общая ценность подобных кладов оценивалась на сумму около одного миллиона золотых кастельяно. Можно подозревать, что большая часть того золота, которое индейцы собрали в качестве выкупа за плененного в Кахамарке Атауальпу, было либо шестьдесятю годами раньше самими инками добыто на побережье, либо по крайней мере обработано руками мастеров, угнанных из Чан-Чана в Куско.

Хотя инки систематически ущемляли экономические интересы жителей многих районов перуанского побережья, в культурном отношении эта область продолжала соперничать с внутриконтинентальной частью империи. После ликвидации прежних политических границ влияние культуры чиму распространяется далеко на юг за пределы территории, находившейся ранее под властью Чан-Чана. В XVII веке индейцы побережья растворились в испаноязычной среде, но передали новым поселенцам многие хозяйственные навыки. Древнее противостояние побережья и гор в преобразенном виде сохраняется в Перу и сейчас.

Области в Чили и Аргентине

Завоевание Чимор около 1471 года престарелый Пачакути еще застал. После его смерти Тупак Юпанки отправился в новый поход. Мелкие государства и вождества центрального и южного побережья Перу были присоединены без особого труда. Храмовый центр Пачакамак с самого начала оказался союзником инков. Те, как уже говорилось, нуждались в идеологической поддержке местных жрецов, а последние видели в инках защитников против экспансии Чимор. С упорным сопротивлением инки встретились лишь в небольшой долине Каньете, южнее Лимы.

В царствование Тупака Юпанки было также завершено покорение аймара и пукина на плоскогорье, где едва удалось усмирить восставших индейцев колья. Подчинена была и плодородная долина Кочабамба на восточных склонах боливийских Анд, ставшая позднее опытным полем для самого значительного социально-экономического эксперимента, который инкам когда-либо доводилось проводить. Наконец, в состав империи вошла обширная территория на юго-западе Боливии, северо-западе Аргентины и севере Чили, примерно равная по площади всем остальным ее землям. Трудно сказать, знали ли инки, предпринимая южный поход, что близ современного Сантьяго-де-Чили находятся месторождения меди и драгоценных металлов. Во всяком случае создается впечатление, что именно этот район и был конечной целью Тупака Юпанки. Покорение тысячекилометровых пространств к югу от Титикаки прошло даже легче, чем захват южного побережья Перу. Небольшие группы скотоводов, земледельцев и рыбаков в местных оазисах не были в состоянии оказать его армии заметного сопротивления.

Территория до реки Лоа в Атакаме в культурно-хозяйственном отношении весьма напоминала горные районы перуано-боливийских Анд. Среди развалин прединкских поселений этой области обнаружены вместительные башни-хранилища для кукурузного зерна. Подобные склады связаны с системой общественного распределения продуктов, получившей при инках дальнейшее развитие. Южнее Лоа культура была примитивнее, но все же сходна с центральноандской. Совсем иная ландшафтная и хозяйственная зона начиналась к югу от Сантьяго, в ней инкам закрепиться не удалось. Жившие в лесах южного и центрального Чили арауканы занимались подсечно-огневым земледелием и разводили лам. Себя эти индейцы называли «мапуче» («люди земли»), но для инков стали не иначе

как «врагами» (аука) и «дикарями» (пурун). Подробности сражений на южной границе неизвестны. По-видимому, инки, как после них испанцы, сперва продвинулись далеко в глубь арауканской территории, но были вынуждены отступить. Арауканы отстаивали независимость, хотя контакты с инками оставили след в их культуре. Главным источником перуанского влияния была меновая торговля.

Восточная граница

После южного похода Тупака Юпанки империя достигла своих естественных границ. Были объединены под одной властью народы, жившие на плоскогорье, в горных долинах и в оазисах Тихоокеанского побережья. Начиная с Пачакути и кончая его внуком Уайна Капаком (царствовал с 1493 по 1525 год), инкские правители пытались раздвинуть рубежи своего государства также и на восток. В северном Перу Уайна Капак сосредоточил всю военную мощь государства на покорении обитателей Восточной Кордильеры индейцев чачапоа. Эта победа вряд ли стоила затраченных усилий и стала возможна лишь потому, что инки действовали хотя и в лесистой, но все же в горной местности с умеренным климатом. Если какие-нибудь отряды и проникали в жаркую и влажную Амазонию, они гибли там или возвращались ни с чем. У современных индейцев восточного Перу, говорящих на языках группы пано, память об «Инке» до сих пор сохранилась в мифах. Этот «Инка» – жадный и злой людоед, у которого хитроумные первопрядки племени похищают огонь, воду и прочие ценности.

Восточная граница была единственной, которая нуждалась в постоянной защите. Особенно сложным было положение в Боливии. Здесь с конца XV века племена гуарани достигли, продвигаясь на запад, подножья Анд. Эти воинственные индейцы стали совершать глубокие рейды и в горы. Обороняясь, инки возвели серию крепостей и соединили их тянущейся по гребням гор каменной стеной протяженностью почти 200 км. Подобная система укреплений не была новшеством: стены в Центральных Андах и раньше возводили не по периметру поселений, а на границах оазиса или долины. Подобные сооружения не отличались мощностью, имея скорее символическое значение. Инкская стена также была ниже роста человека и годилась лишь для отражения противника, не знакомого с искусством правильной осады. В Перу на обращенных к востоку склонах Анд инкские крепости не обнаружены, но они известны в северо-западной Аргентине, где завоеватели из Куско столкнулись с воинственными племенами диагита.

Тауантинсуйю – мировое государство

Инки называли свое государство Тауантинсуйю – «Четыре стороны света», или, точнее, «Четыре четверти», имея в виду четверти земного круга. В исходном значении термин «суйю» связан с небольшим миром сельской общины, в которой две половины («ханан» – верх и «хурин» – низ) в свою очередь делятся на два суйю. В каждом из четырех суйю общины Куско было определенное (и не во всех случаях равное) число айлью – подразделений, основанных на фиктивном или реальном родстве. Каждому айлью соответствовал свой азимут – исходящая из общего центра прямая, называвшаяся, как уже говорилось, секе. По мере того как инки завоевывали все более удаленные земли, границы между суйю продлевались, но сохраняли однажды заданное направление. Поскольку меридиональная протяженность империи намного превосходила широтную, а Куско находился у самых восточных пределов государства, по площади суйю оказались разновеликими. Чинча-суйю и колья-суйю охватывают большую часть территории империи к северо-западу и к юго-востоку от Куско, тогда как кунти-суйю (юг) и анти-суйю (север) – намного меньше.

Идея деления государства на четыре четверти, соответствующие сторонам света, коренилась, как только что было сказано, в традиционном членении земель общины Куско, возникшем еще в те времена, когда на месте будущей имперской столицы существовало всего лишь небольшое рядовое поселение. Американский археолог М. Андерс привела, однако, недавно данные в пользу того, что уже до инков концепция четырех суйю использовалась в горном Перу в качестве основы для той крупномасштабной территориально-политической организации, которая характерна для государств, а не племен или мелких вожеств. Оказалось, что в пределах основной территории государства Уари наиболее важные поселения расположены таким образом, что они вполне могли являться административными центрами четырех четвертей-суйю. Без опоры на письменные источники доказать такую гипотезу трудно, но следует учесть, что в начале XV века точно на этой же, ранее принадлежавшей Уари, территории располагался племенной союз Чанка, для которого подобное четырехчленное деление документировано сообщениями хронистов.⁵³ Самое любопытное заключается в том, что как раз в центре данной области, на пересечении границ, разделявших четыре суйю Чанка, инки

возвели одну из своих наиболее значительных провинциальных столиц, Вилькас, и полагали при этом, что именно она, а вовсе не Куско, расположена в географическом центре их империи. Весьма вероятно поэтому, что правители Куско, создавая свое огромное государство, принимали во внимание тот административно-организационный и идеологический опыт, который был ранее накоплен в эпоху существования политических объединений с центром в долине Аякучо.

В центральном Перу, где располагались основные земли государства Уари и племенного союза Чанка, деление страны на четыре четверти сравнительно неплохо соответствовало особенностям ландшафта – расположению как плодородных долин, так и главных снежных вершин, которые считаются в Андах обителью божеств. Однако при перемещении центра системы далеко на восток, в Куско, реальная география центральноандской области оказывается в совершенно вопиющем противоречии с представлением о мире как четырехчленной структуре с осевой симметрией. Неудивительно поэтому, что в административной практике инков значение суйю было ограничено. Их роль была скорее идеологической. Деление на суйю, простирающиеся от центра в бесконечность, подчеркивало вселенский характер государства, его единственность и исключительность. Подобная установка не просто типична для любой империи, но и служит самым очевидным и обязательным признаком данного класса государств, найдя в древности свое классическое выражение в китайской концепции «Поднебесной». Земли, остающиеся за границами империи, рассматриваются либо как временно отколовшиеся и подлежащие включению в состав государств, либо как незначительные и малоценные земли «дикарей» и «варваров». Таким образом, сами древние перуанцы сознавали исторические масштабы происходивших событий, и характер их мировоззрения соответствовал политико-экономической реальности.

Внутри Тауантинсуйю не все территории были равноценны. Судя по археологическим и архивным материалам, ядро, или, скорее, «позвоночный хребет», государства составляли густонаселенные горные долины и котловины от бассейна Титикаки, а позже Кочабамбы, на юго-востоке до области вокруг Кито на севере. Здесь пролегла благоустроенная стратегическая дорога с рядом ответвлений, к ней тяготели центры ремесленного производства и склады. Между Кито и западным берегом Титикаки находились все те поселения, которые допустимо именовать городами. Что же касается долин Тихоокеанского побережья, то во многих из них влияние инков ощущается слабо.

Доимперские традиции, по-видимому, господствовали и на некоторых южных окраинах. Хроники, однако, обращают мало внимания на особенности периферийных районов, перенося данные, характерные для центральных областей, на всю империю.

От завершения эпохи завоевания до начала междоусобицы и последовавшей за ней испанской конкисты прошло менее сорока лет. Все это время пришлось на царствование Уайна Капака. Именно при нем социально-хозяйственный механизм инкского государства заработал на полную мощность, раскрыв как свои слабые, так и сильные стороны. Империя достигла апогея развития, и начало ее заката совпало с вторжением чужеземцев. Индейцы запомнили Уайна Капака в роли устроителя и администратора, противопоставляя его в этом смысле Тупаку Юпанки, которого больше заботили чисто военные проблемы.

Привилегированный слой Тауантинсуйю

Мы подошли к центральной для нас теме – характеристике инкского общества. Здесь интересны прежде всего организация управления подчиненными территориями, формы собственности и социально-имущественная структура. Начнем с положения привилегированных слоев.

В Тауантинсуйю имелись две группы знати, весьма неравные по численности: столичная и провинциальная. Представители первой получали назначения на самые высокие посты в армии и государстве и считались прямыми (по мужской линии) потомками Манко Капака – легендарного инкского первопредка. В 1603 году насчитывалось 567 человек подобного ранга – как полагают, примерно столько же, сколько и к началу конкисты.

Цифра эта достаточно интересна сама по себе. Р. Адамс, например, приводит данные в пользу того, что община, связанная с определенной территорией, наиболее устойчива при численности порядка четырехсот человек. При дальнейшем росте и в случае обладания особым, элитарным статусом территориальная замкнутость перестает быть значимым элементом самосознания, и община превращается в страт, класс, противостоящий другим уже не в этническом, а лишь в социально-имущественном отношении.

Инкское общество находилось где-то на пороге перехода от общинно-родственной формы определения социальных связей к сословно-классовой. Правящая группа в нем являлась одновременно кастой и этносом. В индейских догосударственных обществах внутри- и межобщинные отношения находят свое самое яркое выражение (и тем самым закрепляются как должные, утвержденные волею божественных первопредков) во время так называемых переходных обрядов – посвячительных и поминальных. У инков такие обряды были переосмыслены и использованы для закрепления уже не половозрастных или этнических, а социально-кастовых различий. Так, у многих южноамериканских племен прошедшим инициацию юношам вставляют в мочки ушей большие деревянные диски. В государстве инков огромные ушные вставки из золота превратились в знак принадлежности к столичной аристократии (испанцы называли этих людей «орехоны», от «ореха» – «ухо»). Многие индейцы делают из останков умерших реликвии, используемые в ежегодных обрядах. Инки превратили почитание

мумифицированных останков своих вождей, а позже императоров, в государственный культ. Важный шаг на пути преодоления этнической замкнутости был сделан еще при Пачакути благодаря предоставлению десятку живших в районе Куско мелких «племен» статуса «инков по привилегии». Это не только позволило восполнить недостаток в управленческих кадрах, но и ускорило переосмысление понятия «инки» как явления социального, а не этнического. Однако полного растворения инкской общины внутри правящего слоя Тауантинсуйю до самого появления конкистадоров все же так и не произошло.

Столичная аристократия являла собой лишь небольшую часть привилегированного слоя империи, в основном состоявшего из провинциальных вождей и старейшин. Степень знатности определялась местом человека в общинно-родовой структуре того или иного этноса и была неотъемлема от положения возглавляемой им группы.

Как и во всех древних обществах, главной производственной и социальной ячейкой в Перу была крестьянская община. Общины входили в состав иерархических объединений, но самостоятельно решали внутренние дела. Иерархия строилась на дуальной, двоичной основе: каждое объединение состояло из двух неравноценных по значимости половин. Главы отдельных общин и их объединений любого уровня и представляли собой аристократию. При инках эти люди назывались курака. Статус курака был наследственным.

Саксайуаман – храмовый комплекс в городе Куско

После образования империи провинциальная знать свои традиционные привилегии в целом сохранила, и лишь вожди, оказавшие инкам сопротивление, были отстранены от власти, а некоторые убиты. Так, взятого в плен правителя колья принесли в жертву солнцу в Куско. Казнили и сдавшихся после трехлетней осады вождей Уарко в упоминавшейся долине Каньете. Однако лояльных курака инки всегда оставляли на своих местах. Те, кто благополучно прошел первоначальную «чистку», в дальнейшем смело передавали свои полномочия сыновьям. Хотя новые курака считались принявшими должность лишь после утверждения в Куско, Инка не вмешивался здесь в вопросы наследования. Случайные люди низкого происхождения могли получить назначение на ответственный пост главным образом в тех районах, где до появления инков политическая иерархия была развита слабо. Только центральной администрацией решался вопрос об утверждении кандидата на высшую провинциальную должность. Родственных связей здесь оказывалось недостаточно, и от претендента требовалось доказать определенную компетентность.

На положении отдельных слоев провинциальной знати инкское завоевание сказалось по-разному. Заняв административные посты и

чувствуя отныне за собой всю мощь государственного аппарата, а в конечном счете – и вооруженной силы, курака стали меньше зависеть от поддержки подчинявшихся им общинников и вождей более низкого ранга. Но если тех, кто оказался на нижних этажах административной пирамиды, это превратило в простых исполнителей спущенных сверху решений, то главы крупных вождеств, приобретя функции провинциальных наместников, наоборот, укрепили свою самостоятельность. Правда, до тех пор, пока империя оставалась богатой и сильной, эта самостоятельность не слишком бросалась в глаза, оставаясь как бы в потенции.

В отличие от полунезависимых правителей завоеванных ацтеками городов Мексики высшая провинциальная знать инкской империи не столько выказывала признаки неповиновения власти Куско как таковой, сколько участвовала в политических интригах, касающихся судеб царского дома. Еще меньше ставилась под сомнение сама имперская идея. Так, в годы правления Тупака Юпанки восстали колья, но их предводитель, вместо того чтобы объявить независимость, принял имя Пачакути и провозгласил себя «новым Инкой».

Каждая провинция Тауантинсуйю обладала собственной самобытной культурой. На Титикаке археологи обнаружили, что распространение типов местной керамики точно совпадает с административными границами. Тем не менее экономика подчиненных андских вождеств была тесно связана с общеимперской. Если у ацтеков дело ограничивалось данническими обязательствами завоеванных городов, то в Андах сотни тысяч людей оказывались вовлечены в осуществление проектов, исполнение которых непосредственно контролировалось из столицы.

Но хотя курака и были включены в общегосударственную структуру, это не мешало им в качестве законных уполномоченных центра организовывать хозяйственную жизнь на местах и копить собственные богатства. Поэтому развал империи не повлек за собой кризиса в ее отдельных провинциях. Услышав о пленении Атауальпы, часть местных лидеров расчетливо встала на сторону конкистадоров, предполагая либо добиться самостоятельности, либо обеспечить для себя привилегированное положение в той новой системе, которая придет на смену прежней. Получалось, что дальновидные курака сперва использовали инков для укрепления собственного положения внутри провинций, а теперь решили войти в такие же отношения с испанцами. Попытка эта увенчалась временным успехом, ибо поначалу лет на двадцать провинциальные вожди обеспечили себе значительную самостоятельность. Лишь со второй половины XVI века испанская корона

устанавливает реальный контроль над населением Центральных Анд.

Курака выказывали открытое недовольство властью Куско главным образом до тех пор, пока оставались сомнения в прочности нового государства. В царствование Пачакути против него, например, устроили заговор жившие к северо-востоку от столицы индейцы куйо. Подобные заговоры и мятежи подавлялись безжалостно. Однако жестокий разгром восстаний у инков сочетался с привилегиями для добровольно подчинившихся. В целом поэтому между аристократией Куско и лидерами провинций сложились отношения скорее сотрудничества, чем вражды.

Те изменения в положении курака, которые произошли с приходом инков, хорошо прослеживаются на примере народа уанка в центральной области горного Перу (верховья реки Мантаро). Уанка говорят на самом южном из диалектов группы кечуа В/1. В XIV – первой половине XV века уанка вели междоусобные войны, в результате которых более слабые вожества постепенно поглощались более сильными. К приходу инков (около 1460 года) крупным местным правителям подчинялось по 15-20 тыс. человек, одному самому влиятельному, возможно, до 30-40 тысяч. Население все больше стягивалось в столичные городки, насчитывавшие до 10 тыс. жителей. Включив территорию уанка в состав империи, инки создали административную систему с учетом исторически сложившегося деления. Не имея в достаточном числе собственных административных кадров, они на все посты в управлении назначили традиционных вождей. При этом тяжесть повседневной организационной деятельности легла на плечи низшего персонала, а большинство привилегий получила высшая знать. Аристократы уанка стали жить в каменных зданиях, построенных в духе имперской архитектуры Куско, употреблять посуду в инкском стиле, носить одежды из драгоценной ткани кумби. По отзывам очевидцев, подобная шерстяная материя была мягкой как шелк; секрет ее выделки утрачен. Находившиеся в распоряжении верховных вождей уанка мастерские получили право на централизованное снабжение оловом, необходимым для производства бронзовых орудий и инструментов. Что же касается низших управляющих, то заботы об их стадах и посевах были переложены на рядовых общинников, однако при обработке государственных полей непосредственные организаторы (сотские) трудились вместе со своими подчиненными. Эти низшие курака не принадлежали к общеимперской «номенклатуре» и были, соответственно, лишены подобающих знаков престижа (кумби, золото, дома из шлифованного камня и т. п.), т. е. их бытовое положение не отличалось существенно от положения крестьян.

Если в доинкский период уанка оставались разобщены, то теперь открылся путь к объединению этого народа и к соответствующему усилению могущества верховных вождей. Инки учредили общепровинциальную столицу не в одном из существовавших раньше городков, а в построенном на пустом месте новом административном центре Хатун Хауха («хатун» значит «главный», «великий»; Хауха – другое название области Уанка). Одной из целей этого могло быть стремление подорвать традиционные устои власти. В провинции Коля, например, где общепровинциальная столица возникла до инков, они перенесли город на прежде необживавшийся участок. Однако в случае с уанка и с другими политически раздробленными народами (а таковых в середине XV века в Андах было большинство) инки объективно способствовали формированию местной государственности. При спонтанном развитии государства появление на ранее пустовавшей нейтральной земле новой общеплеменной столицы – характерный процесс, связанный с укреплением центральной власти. Так возник, например, Монте-Альбан в Оахаке. Надо сказать, что и гораздо позже, в Новое время, имперские власти, «подтягивая» более отсталые области к некоему среднему уровню и насаждая там сверху определенные политико-административные структуры, не раз, вопреки своей воле, содействовали консолидации населения в отдельных провинциях, что облегчало его дальнейшую борьбу за национальную независимость.

О росте богатства и влияния провинциальной знати при инках свидетельствуют и данные о погребениях этого периода. Те же колья, как мы помним, отнюдь не были верными союзниками инков, сопротивляясь установлению власти Куско при Пачакути и восставая при Тупаке Юпанки. Тем не менее именно инкским временем датируется роскошный некрополь в Сильюстани, где хоронили аристократов, живших в провинциальной столице Хатун Коля. По обычаю аймара, усыпальницами знатных персон служили высокие башни (чульгы), но теперь они строятся не из грубых булыжников, а из гладко отесанных каменных блоков в характерной для Куско трудоемкой, но дающей высокий эстетический эффект технике.

Говоря о положении местной элиты под властью инков, нельзя оставить без внимания этнический аспект их взаимоотношений. Сыновей курака посылали в качестве почетных заложников в Куско, так что ко времени Уайна Капака многие представители провинциальной знати успели подростками пожить в столице, усвоить там кусканский диалект языка кечуа, обычаи и мировоззрение инков. Курака были обязаны и впоследствии регулярно посещать столицу. Если курака имел нескольких

наследников, предпочтение отдавалось прошедшему курс обучения в Куско. Таким образом, правящий класс в провинциях в культурном отношении все больше сближался с собственно инками. В период расцвета империи ассимиляция, по-видимому, не вызывала противодействия, поскольку интересы местных вождей и столичной знати во многом совпадали. Утрачивая прежнее этническое самосознание, курака все больше превращались в представителей «новой исторической общности людей», как сказали бы мы сейчас.

Административная система

Инки несколько изменили и упорядочили соподчиненность провинциальных вождей, введя управление на основе десятичной административно-иерархической системы. Две самых низших ступени (руководители 5 и 10 домохозяйств) не были наследственными, и их занимали общинники. Сотня (пачака), тысяча (уаранга) и десять тысяч (хуну) домохозяйств подчинялись местным курака, хотя в редких случаях власть над хуну получал по воле Инки какой-нибудь низкороджденный выдвигенец. До открытия архивных документов сообщения хроник о существовании в Тауантинсуйю подобной искусственно сконструированной иерархии по понятным причинам подвергались сомнению. Совершенно ясно, что с точностью выдержать на практике десятичный принцип в администрации невозможно. Инки, однако, не выходя за пределы разумного, стремились приблизиться к этому идеалу.

Главной административной единицей в государстве стала долина, или провинция (уамани), ограниченная природными и традиционными этническими рубежами. Провинция, опять-таки с учетом прежних этноязыковых делений, обычно состояла из двух, трех или четырех частей, которые в южных и центральных районах империи назывались сая. Число домохозяйств в каждой из них должно было соответствовать хуну (10 тысячам). Чтобы добиться этого, инки по мере необходимости соединяли под одним управлением более мелкие этнические группы и расчленяли большие. Если даже достичь идеала в 10 тысяч домохозяйств и не удавалось, количество жителей в каждом сая оказывалось по крайней мере однопорядковым. С десятичными подразделениями более низкого ранга решить вопрос было проще, ибо здесь не требовалось менять этнические рубежи. В области Чупачу, например, кураке низшего ранга передавали под начало столько деревень (от 1 до 5), сколько соответствовало ста домохозяйствам. В ходе переписей населения учитывались происшедшие демографические изменения и в систему административных делений вносились требуемые поправки.

Архивные документы свидетельствуют о сочетании десятичного принципа с четвертичным. В упоминавшихся отчетах о распределении работников из Чупачу близ Уануко встречаются группы по 40, 200 и 400 человек, а общее число мобилизованных несколько превышает 4000. От имени Инки в Чупачу были назначены четыре главных курака, каждому из

которых следовало руководить одной уаранга, т. е. тысячей домохозяйств, или примерно пятью тысячами человек. По-видимому, значение числа 4 определялось традиционным для народов Анд делением общины на четыре суйю.

Не исключено, что если бы в нашем распоряжении оказались статистические материалы по всем провинциям Тауантинсуйю, мы обнаружили бы в них и другие отклонения от единого десятичного стандарта. Однако ясно, что в любом случае инки вели учетно-контрольные операции на основе заранее выбранных постоянных числовых показателей. Это облегчало планомерное использование ресурсов как на местах, так и в масштабах государства. Характер административного районирования свидетельствует о том, что инки твердо контролировали жизнь провинций и не боялись менять традиционные устои, если того требовали интересы центральной власти, хотя и не перекраивали свою административную карту без необходимости.

Общинный сектор экономики

В социально-хозяйственной системе инкского государства выделяется несколько подразделений, секторов. Их можно обозначить как общинный, государственный, корпоративный и храмовый. Начнем с общинного сектора, который в доинкский период занимал господствующее положение, но затем все более отступал, теснимый другими.

Традиционное крестьянское хозяйство принято считать натуральным, но в отношении древнего Перу это, по-видимому, верно лишь с существенными оговорками. Мы уже писали о специализированных поселениях рыбаков, ремесленников или людей, занимавшихся выращиванием определенных сельскохозяйственных культур. Сложный и менявшийся от века к веку характер имели хозяйственные взаимоотношения земледельцев и пастухов. Исследование подобных вопросов лежит за пределами нашей темы. Достаточно сказать, что отдельное домохозяйство в Центральных Андах редко являлось вполне самостоятельным. Тем не менее община в целом и уж во всяком случае сельское население отдельного района вполне могли сами обеспечить себя всем необходимым, в том числе и наладить доставку изделий, сырья и продуктов, которые в данной зоне не производились. Если крестьянство и нуждалось в надобщинных институтах, то главным образом для организации обороны и удовлетворения религиозных потребностей. Напротив, все стоявшие над общиной уровни иерархии от местных вождей до империи экономически зависели от нее и эксплуатировали труд крестьян.

При инках существовали две главные формы подобной эксплуатации. Первая – регулярные отработки на полях, принадлежавших «Инке», «солнцу» и курака. Под полями «Инки» в хрониках, по-видимому, подразумеваются государственные земли, а поля «солнца» – это земли как старых местных, так и основанных инками новых храмов. Хроники единодушны в том, что поля «Инки» и «солнца» охватывали две трети обрабатывавшихся крестьянами земель и лишь оставшуюся треть общинники использовали для собственных нужд. В то же время об обработке земель курака хронисты пишут мало. На практике положение не всегда совпадало с этой нормой и наверняка различалось по отдельным провинциям. Так, в долине Чинча на южном побережье Перу земли местной знати в полтора-два раза превышали по площади земли «Инки», а

большая часть земли вообще оставалась в непосредственном владении общин (последний вывод, впрочем, зависит от ряда допущений при истолковании архивных документов). Можно думать, что наиболее тяжелой государственной эксплуатации подвергалось население горных районов, жившее поблизости от основных административных центров, тогда как на окраинах соответствующие нагрузки были не столь значительными.

Исследование архивных документов показывает, что на провинциальном уровне повинности распределялись достаточно равномерно, так что все селения и домохозяйства оказывались в примерно одинаковом положении. При этом обязанность трудиться часть времени в пользу государства касалась не только полевых работ, но и домашнего ремесла, занятий охотой и собирательством. Так, судя по неоднократно упоминавшимся докладным запискам испанских чиновников, посетивших в середине XVI века деревни индейцев чупачу, из Куско и из провинциальной столицы Уануко Пампа сюда приходили дотошные, детальные разнарядки на все изделия и продукты труда местных крестьян. Через глав уаранга (тысяцких) задания доводились до сведения сотских, а те уже занимались непосредственным распределением трудовых «уроков» по семьям.

Сельскохозяйственные террасы инков. Морай. Перу

Вторая форма эксплуатации крестьян-общинников – это так называемая мита – периодическая мобилизация части населения с отрывом от постоянного места жительства и обычно от сельскохозяйственного производства. К подобным методам обращались, если надо было осуществить проекты, которые требовали единовременных усилий массы людей. Речь идет в первую очередь о строительных работах. Именно с помощью миты создавались в древнем Перу дороги, магистральные каналы, крепости и прочие трудоемкие сооружения. Археологические и исторические материалы показывают, что инки крайне расточительно расходовали поступавшие в их распоряжение трудовые ресурсы, и их практика ничем не отличалась в этом смысле от практики всех прочих древних и новых режимов, основанных на административно-командной системе.

Характерная особенность инкской архитектуры – использование многотонных и подогнанных один к другому каменных блоков. Камни такого размера и веса обнаружены в Тиауанако и на некоторых памятниках севера горного Перу начала I тыс. до н.э., но в целом для строительной

техники доинкской эпохи они представляют исключение, тогда как теперь становятся типичны. Если учесть, что инки осуществляли свои строительные проекты в течение месяцев и лет, а не десятилетий, то станет ясно, насколько большим должно было быть число работников. Господствующую над Куско крепость Саксауаман, например, возводили, согласно принятым традиционным данным, 30 тысяч человек. Случалось, что построенный ценой колоссальных усилий грандиозный объект вскоре после его завершения разрушали или забрасывали по прихоти повелителя. Так, после упоминавшегося восстания индейцев куйо Пачакути не только предал огню их собственные поселения, но и велел разрушить им же самим построенный на земле куйо огромный дворец и церемониальный комплекс Писак. Существует предположение, что именно после этого и был отдан приказ о сооружении новой резиденции в Мачу-Пикчу. Тупак Юпанки, воюя с вождями Уарко в долине Каньете, потребовал возвести для себя Новый Куско (Инка Уаси, то есть «Дом Инки»). На площади почти в квадратный километр здесь располагались склады, дворец, дома знати и челяди, укрепления, множество ритуальных построек. Все это было брошено, как только осада Уарко закончилась. Конечно, Инка Уаси обеспечил армии Куско надежный тыл, однако усилия, затраченные на его возведение, совершенно несоразмерны с достигнутыми преимуществами.

Надо сказать, что хотя циклопические постройки инков и упоминаются эпизодически в характерных для нашего времени «новых» мифах (неизвестная высокоразвитая техника, космические пришельцы и т. п.), особого распространения эти сюжеты в данном случае не получили. Слишком хорошо известны карьеры, где инки вырубали блоки, и пути, по которым камни транспортировали на строительные площадки. Устойчива лишь легенда о том, будто между плитами нельзя просунуть и иглу – так плотно они подогнаны. В действительности инкская кладка как таковая довольно примитивна: блоки нижнего ряда постепенно подгоняли под верхние, действуя методом проб и ошибок.

Как ни тяжела была инкская мита, она явно не переходила границы, за которой могла подорвать способность общин прокормить себя. При наборе в строительные бригады мобилизовывалось не все подряд мужское население отдельных районов, а лишь определенный процент людей в каждой тысяче и сотне. Достоверных данных о восстаниях, вызванных призывом на государственные работы, нет. По архивным документам известно, что в провинции Лупака, например, члены 6 из 20 тысяч домохозяйств призывались на государственную барщину. Эта цифра была бы велика для единовременной мобилизации, но поскольку речь идет о

всем периоде инкского господства, она представляется весьма умеренной.

Испанцы, унаследовав систему миты, ужесточили эту форму эксплуатации. Они стали обеспечивать таким путем рабочую силу для серебряных рудников, где многие индейцы просто гибли. При инках же обслуживание рудников не отражалось существенно на распределении рабочей силы. Так, в списке из Чупачу отправляемые за пределы области рудокопы составляют менее 1/20 части мобилизованных.

Империя вела непрерывные войны, то расширяя свою территорию, то подавляя восстания уже подчиненных народов, и поэтому нуждалась в многочисленной армии. Срочная военная служба являлась еще одной повинностью, ложившейся на плечи крестьян. Согласно хронике М. де Муруа, в армию забирали физически наиболее развитых мужчин в возрасте 25-50 лет, а в качестве оруженосцев – 18-25-летних юношей. О том, сколько лет длилась служба, и о размере армии точных данных нет. В архивных документах постоянно упоминаются как люди, мобилизованные для несения военной службы разных видов, так и работники, занятые изготовлением оружия и обмундирования. Ясно, что инкская армия не была простым ополчением и снабжалась централизованно.

Государственный и корпоративный секторы

Даже если крестьяне трудились в пользу государства большую часть своего времени, они не были работниками государственного хозяйства, сохраняя известную правовую и экономическую независимость. Мобилизация общинников проходила в порядке очередности, сама мита являлась традиционным институтом, известным уже создателям первых перуано-болливийских цивилизаций. Постепенно, однако, все больше людей полностью исключалось из общинного сектора и, теряя самостоятельность, переходило в другие, прежде всего в государственный. Инка обладал правом передавать под прямое управление Куско любые группы общинников, но нет ни одного указания на случаи обратного превращения в общинников «государственных людей». К началу конкисты не менее пятой части населения империи уже утратило статус «свободных» общинников.

Государственный сектор охватывал почти все виды хозяйственной деятельности: земледелие, скотоводство, ремесло, управление. Рост производства на общеимперском уровне шел преимущественно через расширение именно государственного хозяйства. В частности, администрация Куско руководила освоением целинных и залежных земель и распространением скотоводства на новые территории. Все, кто был вынужден принять участие в подобных программах, теряли прежнюю свободу действий и превращались в зависимых работников. Обычно это выражалось в получении от государства части произведенной продукции (например, шерсти) в качестве благодеяния, за которое предстояло расплачиваться дальнейшим трудом.

Рядом с государственным сектором все явственнее выделялся еще один, который было бы соблазнительно назвать частным, если бы в инкском обществе вообще существовал институт частной собственности как таковой. В действительности речь всегда может идти только о правах и имуществе определенных родовых групп, так что правильнее именовать подобную собственность корпоративной.

Корпоративный сектор пополнялся за счет работников и земель, переданных государством во владение отдельным представителям провинциальной знати в награду за те или иные услуги с их стороны. Подобное владение не накладывало на кураку каких-то особых ответных обязательств по отношению к центральной власти, за исключением,

разумеется, обязательства и дальше сохранять верность Инке. Во многих случаях Инка, по-видимому, лишь подтверждал традиционные права курака, которыми они обладали и раньше. В то же время курака не пользовался своими землями и работниками вполне единолично, выступая скорее от имени целой группы знатных лиц, связанных с ним родством. Об имущественных взаимоотношениях внутри таких родственных групп известно мало, хотя дальнейшее изучение архивных документов наверняка поможет здесь многое выяснить. Пока невозможно сказать и то, насколько велики были владения знати. Во всяком случае даже представители низшего слоя курака обладали втрое и вчетверо большим количеством земли и скота, чем приходилось на долю рядового домохозяйства. Об этом известно по документам 1591 года из провинции Кольягуа на юге Перу, где имущественное расслоение в то время, по-видимому, оставалось примерно на том же уровне, что и до прихода испанцев. Можно полагать, что при инках расширение корпоративного сектора шло прежде всего за счет роста владений высшей знати, особенно столичной.

Процесс этот развивался по мере экспансии инкского государства и определялся принятым у инков порядком престолонаследия. Как и в целом ряде других обществ, высокое положение в иерархии было связано в Андах с возможностью иметь большое количество жен и наложниц. Соответственно Великий Инка (Сапа Инка) оставлял после себя многочисленное потомство. Верховную власть принимал один из сыновей. Выбор престолонаследника в принципе зависел от воли отца, хотя на практике на него оказывало влияние соотношение сил между борющимися за власть группировками. Считается, например, что Тупак Юпанки добился престола благодаря поддержке жрецов с побережья и против воли Пачакути. Новый правитель наследовал, однако, лишь трон, тогда как имущество отца передавалось остальным детям и женам, имевшим в свою очередь многочисленных родственников. Они образовывали объединение, называвшееся панака. Панака должна была заботиться о мумии умершего Инки, но фактически организовывала выделившееся из государственного сектора корпоративное хозяйство. Новый Инка, помня о своих наследниках, старался обеспечить их землей и имуществом, которые в будущем принадлежали бы основанной им панаке, а не государству. Собственность панак находилась вне общего реестра, составленного для четырех суйю, и соответствующие работники не включались в переписи.

Новые панакы возникали и в ранний период инкской истории, но как их размеры, так и запросы их членов были в то время невелики. Земли для них изыскивали неподалеку от города, обрабатывали их сами же инки. С

созданием империи масштабы всех процессов неизмеримо выросли.

Не исключено, что институт панак получил столь большое развитие потому, что на Пачакути, заложившего основы имперской системы, оказал влияние пример царства Чимор. Первые правители столицы Чимор Чан-Чана, основанной в IX-X веках н.э., владели лишь долиной реки Моче, севернее устья которой находился город. Из археологических данных и генеалогических преданий следует, что на протяжении нескольких поколений цари Чимор пользовались одной и той же резиденцией. После же того как началось возвышение государства, каждый новый правитель стал строить собственную резиденцию рядом с предыдущей, а старая превращалась в место захоронения умершего властелина и, видимо, в его заупокойный храм. За оставшимися обитателями старой резиденции, скорее всего, сохранялись работники и особые приписанные к соответствующему хозяйству земли недалеко от Чан-Чана.

В перспективе институт панак создавал ощутимую угрозу для централизованной государственной организации. Хотя в общеперуанском масштабе значение этой формы собственности оставалось, по-видимому, невелико, в столичном районе – стратегически наиболее важном – государство постепенно утрачивало прямой контроль над земельными ресурсами.

Храмовый сектор

Четвертый социально-экономический сектор инкской империи – храмовый. Храмы играли огромную и со временем все более разветвленную роль в хозяйственно-политической структуре государства, являя собой реальную альтернативу царской власти. Наиболее мощным организмом такого рода был храм Пачакамака на центральном побережье. Уже на начальном этапе инкской экспансии его влияние было столь велико, что могло, как уже говорилось, даже отразиться на выборе государственного языка Тауантинсуйю. Союз инков с ичма (как назывался народ, на чьей территории находился Пачакамак) укрепился в период борьбы с царством Чимор и оставался нерушимым до самого прихода испанцев.

Подобно жрецам Дельфийского оракула, свое влияние на политические дела жрецы Пачакамака и других перуанских храмов практически осуществляли через пророчества и их толкования, которые необходимо было получать и правителям, и частным лицам, если те намеревались приступить к какому-либо важному предприятию. Включение новых территорий в сферу прямого воздействия храмового центра происходило путем основания дочерних оракулов. Их жрецы вещали от имени сверхъестественных персонажей, считавшихся родственниками верховного божества. Так, известны храм жены Пачакамака и храмы четырех его сыновей, а также святилища сыновей божества Катекиль. чей храм располагался в горной области Уамачуко. Основанные вокруг храмов хозяйства посылали часть своих доходов в центр, а часть – оставляли себе. Судя по археологическим данным, становление сети дочерних святилищ происходило независимо от деятельности инкской администрации и даже охватывало территории, инкам не подчинявшиеся. Известно, например, о деятельности пачакамакских жрецов на побережье Эквадора. В то же время некоторые храмы были основаны Пачакамаком в середине XV века как раз на тех землях, которые инки готовились захватить. Это могло быть попыткой закрепить за собой возможно более обширную сферу влияния, но могло и отражать координацию усилий Пачакамака и Куско по установлению общей гегемонии.

Помимо Пачакамака, особенно крупные храмовые хозяйства существовали в области Куско и на Боливийском плоскогорье. Их активно

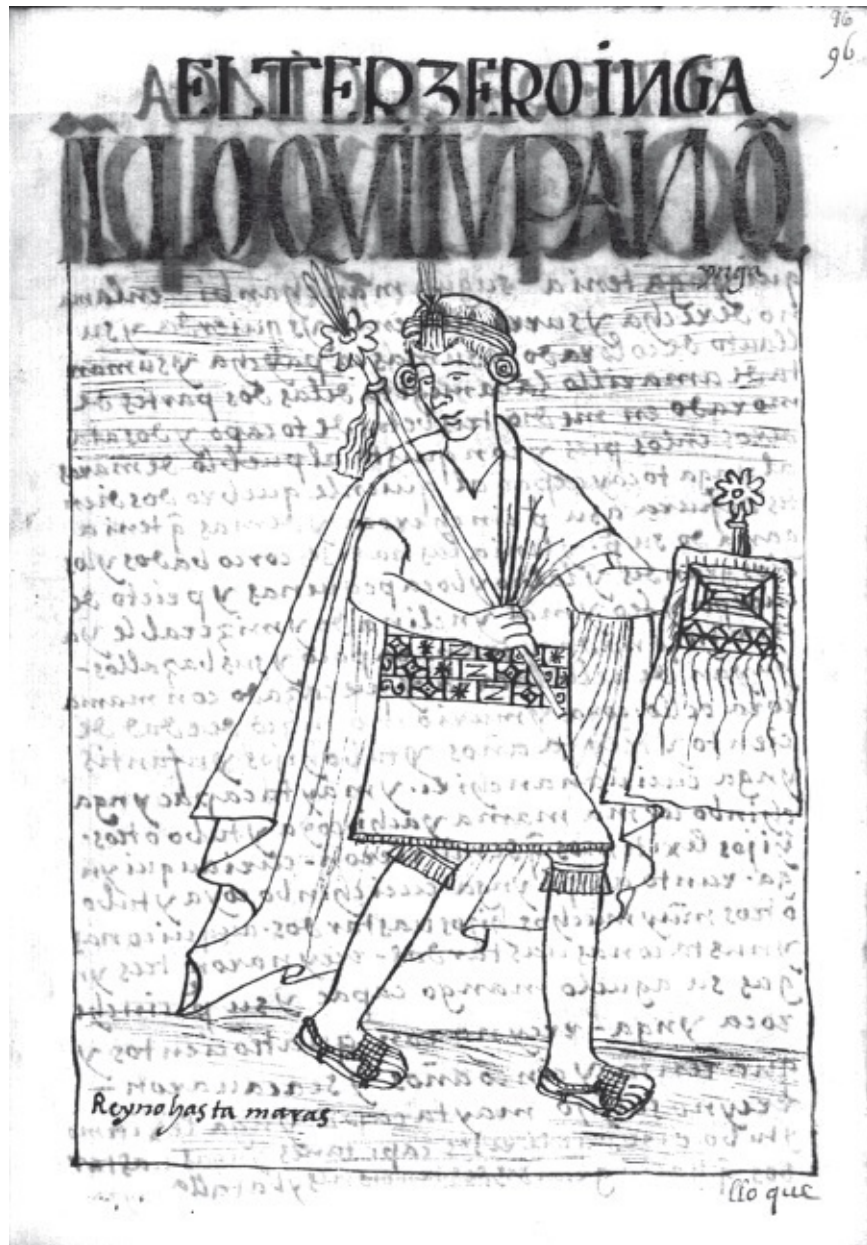
поддерживал Пачакути, тогда как интересы Тупака Юпанки были сосредоточены на побережье. Временами у отдельных храмов возникал с царской властью острый конфликт. Так, жрецы упоминавшегося божества Катекиль на севере Перу пытались через пророчества определенного рода вмешаться в борьбу претендентов на власть в государстве. В результате храм Катекиль был сожжен, хотя хронисты расходятся во мнениях, было ли это сделано по приказу Атауальпы (что вероятнее) или Уаскара.

Точное определение размеров храмовой собственности в древнем Перу – работа будущего, требующая изучения большого количества документов. Не исключено, что храмовый сектор в экономике соперничал с государственным и превосходил по значению корпоративный. Источники упоминают, например, миллион лам, принадлежавших «солнцу», т. е. в данном случае, скорее всего, храмам солнца. «Солнцу», как уже говорилось, шел, по утверждению хроник, и урожай с третьей части земель.

Янакона и акля

В Тауантинсуйю было несколько категорий трудящегося населения, полностью исключенного из общинного сектора. Это янакона, акля, камайок и митмак, причем принадлежность человека к одной из этих категорий могла сочетаться с принадлежностью к другим. Рассмотрим их по порядку.

Начнем с янакона. В колониальный период этим термином стали обозначать всех оказавшихся в городах индейцев, не подлежащих ни призыву на общественные работы, ни обложению податями, но зато лично зависимых от своих хозяев. И. М. Дьяконов включил бы, надо полагать, янакона в категорию «подневольных работников рабского типа», хотя рабами в точном смысле слова янакона ни при испанцах, ни при инках ни в коем случае не являлись. Все же янакона Тауантинсуйю либо были полностью лишены средств производства, либо по крайней мере утратили те освященные традицией права на обрабатываемую ими землю, которыми располагали общинники.

Уайна Капак – одиннадцатый правитель империи Инков. Поставил янакона управлять завоеванной областью Чачапояс

В отличие как от крестьян, так и от знати янакона стояли вне системы общинно-родовых связей, определявшей место человека в древнеперуанском обществе. Многие янакона обслуживали представителей провинциальной и столичной элиты, входили в состав их челяди. Янакона отдавали также в храмовые хозяйства или назначали для обработки полей, урожай с которых шел в закрома государства или (что более типично) отдельных панак. В последних случаях, правда, перевод в разряд янакона бывал массовым и эти люди сохраняли общинную организацию. Есть

мнение, что именно стремление обеспечить рабочей силой корпоративные хозяйства стало причиной развития «янаконажа» в инкском государстве. Но не менее вероятно, что еще задолго до инков янакона были прежде всего храмовыми служителями, ибо храмовое хозяйство наверняка оформилось раньше дворцового. Интересно, что индейцы такана, живущие у восточных подножий боливийских Анд и испытавшие значительное влияние инкской культуры, словом «янакона» обозначают жреца, шамана – возможно, в значении «слуга божества».

В сравнительно отдаленных от столицы провинциях янакона составляли незначительную часть населения, вряд ли больше трех-пяти процентов. Поскольку, однако, положение янакона было наследственным, а люди, предки которых не имели данного статуса, могли по разным причинам приобретать его, доля янакона среди индейцев Центральных Анд постепенно росла. Особенно много янакона оказалось сосредоточено в районе Куско. В янакона порой превращали военнопленных или мятежников, но эта категория пополнялась и за счет обычных общинников.

Однозначно охарактеризовать условия жизни янакона невозможно. Многие из числа личных слуг действительно занимались черной работой («яна» значит «черный» на кечуа, хотя подлинная этимология термина с этим словом вряд ли связана), но некоторые достигали важных постов. Так, именно янакона был поставлен Уайна Капаком управлять недавно завоеванной областью Чачапояс. Не менее высокие назначения получили несколько янакона после завоевания инками побережья.

Частично или полностью утратившие личную свободу люди, в той или иной мере близкие к янакона, существовали в любых стратифицированных догосударственных обществах. Поэтому неудивительно, что испанские документы свидетельствуют о наличии янакона в доинкский период по крайней мере в вождествах аймара на берегу Титикаки. Однако там на них приходилось лишь немногим более одного процента жителей, причем статус отца наследовал только один из сыновей, а остальные вливались в состав общины.

Близкую к янакона категорию работников, точнее, работниц, образовывали у инков акля (или аклякуна, аклякона, если сохранять в транскрипции показатель множественного числа) – «избранные». В провинциях ежегодно отбирали девочек, формально предназначенных для служения «солнцу». Большинство акля не исполняло, однако, жреческих обязанностей, а занималось в своих «монастырях» (как называли дома акля испанцы) прядением и ткачеством. Престижность карьеры акля давала инкам возможность, не создавая лишнего социального напряжения,

мобилизовывать для нужд государственного сектора десятки тысяч дополнительных рабочих рук. По данным одной из хроник, институт акля существовал и в государстве Чимор. Роспись на сосуде культуры мочика изображает ткацкую мастерскую со множеством работниц и другими персонажами, по-видимому, администраторами. Не исключено, что перед нами первое свидетельство о существовании акля, относящееся, таким образом, к V веку н.э.

Акля входили и в состав челяди. Кусканские аристократки имели в услужении десятки акля точно так же, как их мужья получали слуг-янакона. Мужчинам-янакона в вознаграждение за службу предоставляли жен из числа акля, независимо от того, были ли эти янакона уже женаты или нет. Вступавшие в подобный брак происходили чаще всего из разных провинций и оказывались теперь в смешанной кечуаязычной среде. Они и их дети пополняли ряды той быстро растущей группы, в которой этническое сознание совпадало с чувством принадлежности к надэтнической имперской общности.

Камайок

Еще один обширный контингент работников государственного, корпоративного и храмового секторов составляли камай-ок – специалисты-профессионалы. Подобно янакона, они лично, а не опосредованно через общину зависели от администрации. Нередко их переселяли из разных мест в крупные центры и в новые основанные инками города. В царстве Чимор на положении камайок находились, по-видимому, ремесленники Чан-Чана. Все камайок обладали какой-нибудь квалификацией, будь то умение выплавлять медь, выращивать коку или истолковывать «узелковое письмо» кипу. Их профессиональные навыки ценились, но в определенном смысле и препятствовали карьере. Личные слуги из числа янакона обладали большими шансами пробиться на административные посты, чем камайок со своей пусть высокой, но слишком узкой квалификацией. В основном камайок состояли на казенном довольствии. В горных районах им выделяли участки для ведения подсобного хозяйства, но материей для изготовления одежды всегда снабжали с государственных складов.

Камайок – наименее изученная группа населения древнего Перу. Недостаточно выяснены источники ее пополнения, численность. В списке мобилизованных из Чупачу из четырех тысяч человек ремесленники и другие квалифицированные специалисты составляют примерно треть. Неясно, однако, означал ли для всех из них призыв на государственные работы окончательный или лишь временный переход в новую социальную категорию. Возможно, что эти люди занимали особое положение изначально, еще оставаясь в структуре местной общинной организации.

В разных районах Центральных Анд доля квалифицированных специалистов среди государственных работников не была одинаковой. За пределами столицы и главных провинциальных центров больше всего ремесленников работало на побережье, где они составляли пять-шесть процентов населения. Ремесленным трудом занималось большинство жителей Чан-Чана. По своему положению эти люди были определенно близки инкским камайок. Именно побережье и некоторые горные области с давней культурной традицией поставляли основные кадры специалистов для инкских государственных мастерских, тогда как обитателей имперской периферии чаще использовали на, так сказать, «общих работах».

Митмак

Самой многочисленной частью выделившихся из общинного сектора подданных Тауантинсуйю являлись митмак – переселенцы. Практика массовых депортаций в Тауантинсуйю определялась как политическими, так и экономическими соображениями. Крестьян из центральных областей перемещали в приграничные районы, а только что завоеванное или склонное к мятежам население – в давно замиренные местности либо на противоположные окраины империи. Хотя подобные депортации были обычным делом в древних и средневековых государствах Востока и в тоталитарных империях XX века, инки, похоже, придали им особенно широкий размах. Если верить хроникам и архивным документам, то приходится заключить, что в Центральных Андах практически не осталось долин, этнический состав которых при инках сохранился бы в неизменности. Считается, что митмак составляли не менее десяти процентов населения Тауантинсуйю, а в некоторых провинциях их доля достигала четырех пятых.

С помощью переселенцев на целинных или на недостаточно интенсивно обрабатываемых землях организовывались большие государственные хозяйства, которым порой придавалось стратегическое значение. Материалы археологии позволили выделить те анклавные территории, в которых инки ликвидировали традиционную общественную и хозяйственную систему, заменив ее производством продуктов для государственных нужд. Все эти анклавные территории были расположены в районах, максимально пригодных для выращивания кукурузы, коки и хлопка, т.е. тех культур, без которых было невозможно содержать армию, администрацию, мобилизованных на работы общинников и обслуживать ритуалы. Наиболее крупным и хорошо документированным имперским проектом такого рода было освоение долины Кочабамба на восточных склонах боливийских Анд.

По своим почвенно-климатическим условиям Кочабамба была на редкость благоприятна для выращивания кукурузы, поэтому Уайна Капак решил превратить ее в житницу для армии. Коренное население долины, кроме небольшой группы пастухов, было изгнано, а взамен сюда прислали земледельцев из южного Перу и западной Боливии. Общее число единовременно находившихся в Кочабамбе переселенцев составляло четырнадцать тысяч (без членов их семей), но они делились на две категории. Одна часть (несомненно, меньшая, хотя точной цифры мы не

знаем) прибыла сюда на постоянное жительство. Для собственных нужд этим людям разрешалось обрабатывать второсортные земли по краям долины и, кроме того, примерно десять процентов более плодородных земель. Служба же их состояла главным образом в том, чтобы поддерживать в порядке огромные зернохранилища. Что же касается полевых и, вероятно, строительных работ, то их осуществляли «вахтенным методом»: из центральных районов империи в Кочабамбу ежегодно прибывала очередная смена работников, получавших зерно и чичу (кукурузное пиво) с государственных складов. Скорее всего, эти люди были общинниками, мобилизованными по системе мита, и принадлежали к тем же этническим группам, что и работники, оказавшиеся в числе постоянных переселенцев.

О массовых переселениях с целью освоения целины свидетельствуют археологические исследования в горах центрального Перу в зоне сеха де сельва. В 1960-70-е годы Д. Бонавия исследовал в этом районе огромные скопления жилищ, покинутых обитателями скоро после прихода испанцев. До инков этот район также оставался необжитым из-за дождливого и сравнительно холодного климата. Очень похоже, что колонисты попали сюда не по своей воле и бежали, как только поставленный над ними управленческий аппарат развалился.

Труд митмак использовался не только на государственных, но и на корпоративных землях. Так, долина Абанкай на юге горного Перу, полностью очищенная от местного населения, стала, подобно Кочабамбе, житницей для армии. Ее обрабатывали индейцы, присланные сюда с северного побережья Перу и из южного Эквадора. А вот долина Юкай, неподалеку от Куско, была объявлена принадлежащей непосредственно Инке (то есть, очевидно, его панаке). В Кочабамбе небольшую часть земель Уайна Капак также оставил за пределами государственного сектора и передал одному из своих сыновей. Об использовании митмак на храмовых землях данных нет: подневольные работники в подобных хозяйствах всегда упоминаются в составе небольших групп, а не целых переселенных общин. В то же время как храмовые работники, так и митмак на корпоративных землях имели статус янакона, отличаясь этим от митмак на государственных землях.

В долине Юкай выращивать кукурузу инки заставили не только переселенцев, но и оставленную здесь часть местных жителей, переведенных по такому случаю из «свободных» общинников в разряд янакона. Тем не менее в обычную практику подобное закабаление по каким-то причинам не вошло. Так как каждый новый Инка стремился,

однако, наделить своих родственников землей неподалеку от столицы, а не где-нибудь в Эквадоре или Чили, ему не оставалось ничего другого, как очистить очередную долину от коренных обитателей и прислать вместо них еще одну партию митмак. Упомянутая перуанская исследовательница М. Ростворовски де Диес Кансеко приводила данные, указывавшие на особую интенсивность переселенческой политики именно в области Куско, что обуславливалось необходимостью удовлетворять запросы царских панак.

Среди прочих групп «принадлежащих государству» людей митмак стояли ближе других к рядовым общинникам. Два года после переселения они оставались на иждивении государства, после чего начинали заниматься обычным земледельческим трудом, сохраняя традиционную организацию. Источники оставляют впечатление, что митмак были достаточно обеспечены землей – порой, возможно, лучше, чем прежде, на старом месте. Так, митмак в Майобамбе в 16 км к юго-востоку от Куско после прихода испанцев совершенно не пытались претендовать на расположенные рядом государственные земли, которые раньше обрабатывали. Им хватало тех участков, которые инки им выделили в общинное пользование. Митмак в Кочабамбе находились в лучшем положении, чем те сезонные работники, которых присылали сюда собирать урожай. Однако все материальные преимущества вряд ли компенсировали культурный шок, вызванный оставлением родины и могил предков.

Вполне понятно, сколь разрушительные последствия имела переселенческая политика для вовлеченных в нее этносов. Однако задачи культурно-языковой унификации все же вряд ли стояли у имперских властей на первом плане. В противном случае митмак старались бы рассеивать в кечуаязычной среде и не давали бы им возможность сохранять традиционную социальную структуру. Депортация целыми общинами была экономически выгоднее, позволяла возложить большую долю забот по обустройству на новом месте на самих митмак и сократить расходы по конвоированию. Известно, что митмак, попавшие в долину Абанкай, были сгруппированы таким образом, чтобы каждая пачака (сотня семей) оказалась этнически однородной, а каждая уаранга (тысяча семей), наоборот, включала представителей разных этносов. Если подобный мудрый расклад был правилом, то удастся понять, почему митмак, даже депортированные в наказание за борьбу против власти Куско, редко восставали снова, достигнув отведенных для них районов проживания.

Этническая политика инков свидетельствует об их манере решать дела не спеша, но основательно. При расселении общинами, а не семьями или

поодиночке, требовалось несколько поколений, чтобы процесс ассимиляции стал необратим, однако затем остановить его мог бы лишь полный распад всех (а не только именно инкской имперской) государственных структур.

В стране, где оказались беспорядочно перемешаны сотни мельчайших разноязычных групп, язык кечуа стал необходимым средством общения и для поддержания его статуса больше не требовалось никакой пропаганды или принуждения.

Деревня и город

Юридически и психологически та или иная «сословная» принадлежность подданных Тауантинсуйю – либо к числу общинников, живущих на земле предков, либо к другим группам населения, непосредственно подчиненным государству, – имела, очевидно, большое значение. Это ясно уже из того, что для описания подобных отдельных категорий работников существовали разные термины. Другой вопрос, насколько различались реальное положение, уровень благосостояния всех этих людей. Источники показывают, что объективная социально-имущественная стратификация инкского общества не полностью совпадала с официально признанной шкалой социальных делений.

Прежде всего, работников государственного сектора лишь с непозволительной натяжкой можно противопоставить общинникам как несвободных – свободным. Дж. Роу, один из крупнейших в свое время специалистов по культуре Тауантинсуйю, заметил, что в обществе типа инкского в принципе никто не был свободен в выборе ни места жительства, ни рода занятий, ни времени, отводимого тем или иным видам деятельности, ни – в большинстве случаев – даже в выборе супруга. Все это регулировалось, с одной стороны, обычаями, а с другой – решениями, выносимыми на самом «верху». Однако, как и на древнем Востоке, отсутствие настоящей свободы подразумевало также и отсутствие настоящего рабства, при котором человек мог бы быть низведен до положения «говорящего орудия». Любая личность не столько исполняла конкретно чью-то персональную волю, сколько растворялась в коллективе (общине, крупном домохозяйстве, родственной группе), подчиняясь прежде всего тому, кто выступал в качестве главы этого коллектива.

Социальная структура общества в империи Инков

Даже сам Сапа Инка, будучи неограниченным властелином империи, среди своих родственников «орехонов» оставался скорее традиционным вождем, нежели деспотом. Об этом свидетельствует, например, отсутствие существенных внешних отличий в костюме Сапа Инки по сравнению с одеждой орехонов. Не получила распространения ни в древнем Перу, ни вообще в индейском искусстве Америки традиция изображать фигуру правителя нарочито гигантской, как это делалось, например, в Древнем Египте.

По мере развития бюрократических методов управления государством положение человека в перуанском обществе начинало все больше зависеть не только от формального статуса (общинники, янакона, курака), но и от близости места, где он жил, к столице или большому городу, от доступа к тем административным каналам, по которым циркулировали информация

и материальные ценности. Поэтому янакона, в общем-то ущемленный в правах по сравнению с общинником, порой достигал такого положения на социальной лестнице, о котором и не мечтал уважаемый в своем селении глава десяти домохозяйств.

Степень «бюрократизации» Тауантинсуйю не стоит преувеличивать. Структурообразующей основой общества оставались родственные связи, соподчиненность «родоплеменных» групп и их вождей. Тем не менее с образованием инкского государства социально-имущественное положение индивида стало зависеть от более разнообразных факторов, не говоря о том, что верховная власть своим произвольным решением могла теперь возвысить любого человека, в котором она нуждалась или к которому благоволила. К подобному заключению приводят не только известные нам факты о головокружительных карьерах отдельных простолудинов, но и массовый археологический материал.

О реальном благосостоянии едва ли не более всего свидетельствуют размеры и облик жилищ. Дома из тесаного камня в стиле Куско были, как уже говорилось, признаком принадлежности к высшей аристократии. Судя по раскопкам в центральных районах Перу, обычный жилой дом в инкском городе представлял собой огороженную глухой стеной усадьбу (каанча), внутри которой находилось от трех до восьми прямоугольных строений, обращенных входами на центральный дворик. Строения были сравнительно крупными (от 9 до 14 м длиной и 4-6 м шириной). Под крышей находился чердак, в редких случаях имелся и второй этаж. Подобную усадьбу занимала семья из трех поколений родственников, реже – супруги с маленькими детьми. Сходные по размерам и основательности, хотя и более хаотично распланированные, семейные домохозяйства исследованы американскими археологами в бедных (населенных ремесленниками) кварталах Чан-Чана, столицы царства Чимор.

Не только облик отдельных домохозяйств, но и общая планировка инкских городов свидетельствует об определенном материальном достатке и достаточно высоком уровне благоустройства. По крайней мере некоторые центры, среди них сам Куско, Ольянтайтамбо и другие, имели сравнительно правильную, близкую к прямоугольной поквартальную планировку. В современном городке Калька в долине Урубамбы сохранилось пятнадцать кварталов, дома в которых стоят на инкских фундаментах (при инках число кварталов, видимо, доходило до двадцати четырех). Для сравнения отметим, что на Ближнем Востоке рассеченные правильной сеткой улиц города появляются лишь в эллинистическую эпоху.

Окраины инкских городов выглядели, однако, иначе, чем основной массив застройки. Здесь в полном беспорядке размещались круглые в плане жилища, средним диаметром немногим более шести метров. В отличие от каанча с их достаточно капитальными каменными стенами, круглые дома возводились преимущественно из непрочных материалов, может быть, даже из дерна, и лишь их цоколь делался каменным. Несмотря на различия в размерах и конструкции, круглые жилища и каанча содержат одни и те же наборы глиняной посуды, что отражает сходство домашних занятий их обитателей.

Можно с большой уверенностью предполагать, что все трудовое население инкских провинциальных центров и даже более мелких городков работало либо на государство, либо по личному заказу знатных персон. Об этом свидетельствует уже сама история этих поселений, внезапно возникших и столь же быстро опустевших после конкисты. Для бегства населения в 30-х годах XVI века имелось, конечно, много причин. Указывается, например, на уязвимость городов в период междоусобной борьбы конкистадоров, когда военные действия развертывались главным образом вдоль крупных, проложенных инками магистралей. Главным представляется все же полная зависимость городского населения от вышестоящих властей – работодателей и снабженцев. В каанча, таким образом, должны были жить в большинстве своем ремесленники-камайок, может быть, отчасти янакона; положение именно этих социальных групп характеризуют приведенные выше данные археологии. Многие личные слуги могли, кроме того, обитать непосредственно в кварталах знати – в царских дворцах по крайней мере соответствующие помещения предусматривались. Кому же принадлежали круглые дома на окраинах? Американские археологи полагают, что они служили лишь для временного проживания. Наиболее вероятно, что здесь обитали мобилизованные крестьяне-общинники – либо те, кто строил провинциальные столицы, либо прибывавшие на определенный срок в качестве неквалифицированной рабочей силы.

О жилище сельского населения Тауантинсуйю нет столь же подробных сведений, как о домах горожан. Для того чтобы уверенно датировать разбросанные по горам и долинам памятники и выделить среди них рядовые строения, относящиеся к периоду, непосредственно предшествующему инкскому завоеванию, ко времени инков и к ранним годам испанского господства, необходимо раскапывать чуть ли не каждый дом, а это вряд ли когда-нибудь станет возможным. Однако исследование сохранившихся развалин в центральных и южных районах горного Перу в

любом случае свидетельствует об отсутствии там капитальных усадеб типа каанча. Похоже, что крестьяне жили в довольно примитивных, преимущественно однокомнатных постройках, весьма похожих на круглые жилища инкских городских окраин. Поселения в горах Боливии и Перу, уверенно датируемые прединкской эпохой, определенно состоят именно из подобного рода построек.

Таким образом, в доиспанских Андах перед нами разворачивается картина, характерная для многих как древних, так и более поздних обществ. Независимо от формально-сословных различий, городское население в среднем было богаче сельского. Не будет преувеличением сказать, что город паразитировал за счет деревни и в какой-то мере также мелких ремесленных поселков, ибо, выкачивая из них рабочую силу и продукты, почти ничего не давал им взамен.

Впечатляющие данные были выявлены при изучении хозяйственно-профессиональной специализации обитателей поселений уанка. Здесь в инкское время по сравнению с прединкским сократился радиус территории, обслуживаемой ремесленными мастерскими. Так, до инков 6.7% керамики и 21.2% кремневых изделий производилось далее чем в 10 км от места использования, при инках же соответственно 5.4% и 14.0%. Население доинкских городков занималось сельским хозяйством, а жители новых инкских центров – нет. В провинциальной столице Хатун Хаухе ремесленная специализация достигла высокого уровня, но продукция местных мастерских не предназначалась для сельской округи, а либо шла на удовлетворение нужд городской элиты (парадная керамика в инкском стиле, бронза), либо отправлялась в Куско (серебро). Судя по исследованиям в долине Урубамбы, столичные мастерские снабжали стандартной посудой построенные инками городки, находившиеся на расстоянии 50 км от Куско. Однако к занимавшимся сельским хозяйством обитателям деревень эта керамика почти не попадала.

В условиях древнего Перу рост государственного сектора за счет общинного вел к усилению эксплуатации, но те группы населения, которые утрачивали «свободу», не были здесь, видимо, главной жертвой. Если говорить о камайок и части янакона, то их благосостояние скорее возрастало. В то же время чем больше людей изымалось из сферы жизнеобеспечения (производство продуктов питания, простой одежды и т. п.), тем большая нагрузка падала на оставшихся. То же самое произошло и в первые десятилетия испанского правления, когда индейцы старались любыми путями уйти в города, превратиться в янакона и тем самым избавиться от миты и налогов. Это поставило экономику испанского вице-

королевства на грань краха и заставило колониальную администрацию срочно принимать меры, чтобы остановить обезлюдение деревни и распад общин.

Угрожала ли подобная опасность инкскому обществу, стал ли город значимым явлением в жизни Тауантинсуйю? Еще недавно многие исследователи ответили бы на подобный вопрос отрицательно, ибо само наличие в древнем Перу «настоящих» городов ставилось под сомнение. Материалы археологии заставляют отказаться от подобного взгляда. Крупных центров типа Уануко Пампа с населением порядка 10—15 тысяч человек в Тауантинсуйю действительно не набралось бы, по-видимому, и полных двух десятков, но значительная масса не занятых сельскохозяйственным трудом людей была собрана по городкам с числом жителей от полутора до трех с половиной тысяч. Общее число горожан можно оценить в пределах от 300—400 до 600—700 тыс., что составляло примерно 4-8% всего населения. Это не меньше, чем в средневековой Европе, хотя гораздо ниже, чем, скажем, в древней Месопотамии.

Причина различий в том, что многие горожане Двуречья, подобно жителям столицы ацтеков, трудились на полях, тогда как у инков, наоборот, жителей сельской местности периодически отправляли работать в город. Иначе говоря, соотношение между совокупными затратами времени, в которых нуждалось сельскохозяйственное производство, и теми, которые были посвящены другим формам деятельности, в древней Передней Азии, Мезоамерике и Центральных Андах могло быть довольно сходным, однако в отношении организации труда и социальной структуры Древнее Перу существенно отличалось от других центров ранних цивилизаций.

Последствия государственного вмешательства в сельскохозяйственное производство

Помимо роста городского населения, занятого в производстве престижных изделий и в обслуживании знати, перевод общинников в государственный сектор сопровождался еще одной тенденцией, таившей в себе угрозу экономическому благополучию страны. Общины сами себя кормили, так что здесь заботы центральной власти в основном были связаны с перераспределением продукции. В государственном же секторе администрации нередко приходилось вмешиваться и в решение вопросов, касающихся сельскохозяйственного производства. Это увеличивало затраты и заставляло правящую группу делать дальнейшие шаги все в том же направлении. Грандиозная операция по освоению целины в Кочабамбе была предпринята ради покрытия государственных расходов (в данном случае на армию), но в свою очередь и обошлась недешево. Вряд ли удастся когда-нибудь с удовлетворительной надежностью сравнить доходы от расширения посевных площадей с многолетними расходами на строительство дорог, складов, содержание многих тысяч переселенцев и временных работников, а также с убытками, нанесенными депортацией тем районам, откуда происходили митмак. Но если даже с точки зрения государства итог оказывался положительным, эти масштабные эксперименты в области социальной инженерии травмировали и ослабляли инкское общество точно так же, как и любое другое.

Негативные последствия вмешательства государства в сельскохозяйственное производство на первых порах могли оставаться незамеченными лишь потому, что в стране к началу XV века оказалось много свободных земель. В предимперский период, в обстановке ожесточенных военных столкновений, лучшие земли в низовьях долин были заброшены, население сосредоточилось вокруг горных крепостей. Пошедший в государственные закрома урожай с этих залежных земель и обеспечил процветание Тауантинсуйю. Однако по мере того как земельный резерв истощался, экономическая оправданность грандиозных государственных сельскохозяйственных проектов становилась все более сомнительной. Об этом свидетельствуют упоминавшиеся следы инкской колонизации в зоне сеха де сельва, где кукуруза не могла давать сколько-нибудь удовлетворительные урожаи.

Социальная структура Тауантинсуйю

Подведем некоторый итог. Социальная структура Тауантинсуйю была в основе своей двухъярусной. Господствующий слой составляла столичная и провинциальная аристократия, жрецы крупных влиятельных храмов. Привилегированное положение этих групп всячески подчеркивалось внешне. Знать носила одежду из ткани кумби, владела изделиями из золота и прочими престижными редкостями, пользовалась для своего передвижения паланкинами, жила в зданиях, построенных из отшлифованных каменных блоков. За высокопоставленными представителями элиты следовали многочисленные администраторы и управленцы более низкого ранга. Они также пользовались привилегиями (освобождение от повинностей и тяжелого физического труда), но их образ жизни не отличался столь резко от образа жизни народа. Кроме курака (общинных вождей) к этой прослойке принадлежали, по-видимому, и выдвинувшиеся при разных обстоятельствах незнатные лица. По уровню благосостояния с низшими администраторами, вероятно, сближались квалифицированные камайок – такие, как мастера по обработке драгоценных металлов, истолкователи кипу и т. п.

Массы непосредственных производителей включали, во-первых, крестьян-общинников, работавших не только на себя, но и на государство, храмы и местных курака, а во-вторых, лиц, оказавшихся от государства (или же храмов, отдельных знатных родов и т. п.) в прямой зависимости. Это зависимое население не было однородно. Самые привилегированные группы по образу жизни сближались с господствующим слоем, а самые бесправные находились ниже крестьян.

Простолюдины и курака в доиспанском Перу не вступали друг с другом в брак. Один из мифов, записанный на побережье Перу в начале XVII в., повествует о разном происхождении социальных групп: предки знатных родились из золотого и серебряного яиц, посланных божеством с неба, а предки простолюдинов – из медного. Тем не менее андское общество не было совершенно закрытым, кастовым. Возможно, что в будущем социальные перегородки и стали бы менее проницаемы, но до тех пор, пока велись завоевательные войны, правящий слой должен был подпитываться выходцами из низов. С одной стороны, администраторов попросту не хватало, с другой – в смутное, военное время было легче сделать неожиданную карьеру, да и личные таланты и способности в такие

периоды больше нужны и больше в цене, чем во времена стабилизации и застоя. Последняя крупная завоевательная кампания, возглавленная Уайна Капаком, была направлена против индейцев чачапоа. Именно в результате ее высокий провинциальный пост достался тогда безродному янакона.

Подчеркнем, что социально-имущественное неравенство в Тауантинсуйю не было обусловлено неодинаковым отношением отдельных общественных групп к средствам производства. Главные из этих средств – земля и скот – находились в распоряжении и общинников, и знати, и государства. Положение каждого человека зависело не от владения им какой бы то ни было собственностью, а от его места в двух достаточно самостоятельных иерархических структурах: во-первых, традиционной, описываемой языком родственных связей и отношений, и, во-вторых, новой, государственно-административной.

Торговцы

Помимо перечисленных, в империи существовали еще две группы населения, не получившие, однако, официального признания и сохранявшиеся как своего рода реликт более раннего состояния общества.

Храм Пачакамак – археологический памятник, расположенный в долине реки Пурин. Перу

Во-первых, оставались этносы, не вполне инкорпорированные в государственную систему. В основном они были расселены по окраинам империи, но рыбаки уру жили в самом ее центре на озерах Титикака и Поопо. Более близкие из таких народов выплачивали регулярную, а более далекие – нерегулярную дань натурой. Широко известна легенда, согласно которой то или иное дикое племя за неимением ничего лучшего будто бы обязано было собирать и отправлять в Куско вшей.

Вторая группа также зафиксирована источниками лишь в относительно периферийных районах. Речь идет о профессиональных торговцах. Те из них, что жили в долине Чинча на южном побережье Перу,

были заняты исключительно во внешней морской торговле, осуществляя связь империи с прибрежным Эквадором. Другие действовали в горном Эквадоре, их называли миндала. Миндала образовывали замкнутую корпорацию и пользовались правом экстерриториальности, безопасно пересекая государственные и племенные границы от западной Амазонии до Тихоокеанского побережья. Собственной сетью зарубежных контактов располагал Пачакамак и, быть может, другие крупные храмы, но об этом наши сведения слишком скудны.

Положение эквадорских миндала и торговцев долины Чинча не было одинаковым. Первых инки, по всей видимости, лишь терпели, постепенно подавляя их деятельность. По данным Ф. Саломона, много лет изучавшего архивные материалы по индейцам Эквадора, чем раньше та или иная провинция этой страны вошла в состав империи, тем меньшую роль в ее экономике продолжал играть свободный обмен. На полное искоренение торговых корпораций на юге горного Эквадора у инков ушло сорок лет. В районе Кито миндала к приходу испанцев уже были сильно стеснены, а в Пасто близ колумбийской границы еще процветали. По-видимому, миндала постепенно переходили в число зависимых от государства людей типа камайок или янакона. Получить статус крестьянских общин они вряд ли могли, так как не имели собственных родовых подразделений с вождями-курака во главе и не занимались ранее сельскохозяйственным трудом.

Что касается торговцев Чинна, то их высокий статус был, по-видимому, определен в момент вхождения долины в состав Тауантинсуйю. Чинна принадлежали к числу тех этносов, которые решительно поддержали инков и обеспечили себе привилегированное положение в империи. Если в прединкский период наиболее высоким культурным уровнем на южном побережье Перу отличалась долина Ика, то расцвет Чинна начинается как раз с середины XV века. Союз инков и чинна был также обусловлен совпадением их экономических интересов. Нуждаясь в заморских товарах (прежде всего, в эквадорских раковинах), инки не могли их добыть без помощи прибрежных торговцев, а чинна извлекали выгоду из своего монопольного положения на внешнеторговых путях. В определенном смысле торговцы чинна напоминают голландских купцов в их отношении к Японии времен ее самоизоляции, сохранивших право заходить в Нагасаки, несмотря на закрытые границы сёгуна Токугава.

Внешнеторговые операции чинна не были, вероятно, свободны от государственного контроля, ибо ввозимые культовые и престижные предметы являлись той особой «валютой», свободное хождение которой в империи запрещалось самым строгим образом. Скорее всего, чинна

обладали статусом торговых агентов на государственной службе и были близки к камаюк высших категорий.

Истоки системы централизованного распределения

Отсутствие независимо действовавших торговцев, рынков, свободного обмена и т. п. – одна из кардинальных особенностей центральноандской цивилизации, отличающая ее от более северных культур, начиная с Эквадора и кончая Мезоамерикой. Причины возникновения подобных различий изучены недостаточно. Поэтому остановимся на этой проблеме немного подробнее.

Своеобразная экономическая система древнего Перу не возникла на пустом месте и не могла быть учреждена по инициативе отдельных правителей, будь то Пачакути или цари Чимор. Если в Эквадоре до периода инкской оккупации мы находим разнообразные формы обмена и распределения, то в горах Боливии и Перу подобных следов незаметно. Коренным обитателям различных областей Нового Света были знакомы многие виды примитивных денег: бобы какао в Мексике и Центральной Америке, медные пластины в форме топоров на юго-западном побережье Эквадора, костяные бусы чакира и золотые пуговицы чагуаль в других районах Эквадора и в Колумбии и т. д. И только на территории Центральных Анд даже со времен доинкских культур никаких свидетельств денежного обращения не сохранилось. Исключение составляет культура сикан на северном побережье Перу (XI—XII века н. э.), создатели которой употребляли в качестве единиц обмена или по крайней мере накопления как медные топоры, так и тонкие медные пластинки, напоминающие по форме игральные карты. Однако экономически и культурно культура сикан была тесно связана с Эквадором. После ее поглощения культурой чиму свободная торговая деятельность на северном побережье свертывается. Нет указаний на ее развитие здесь и в период существования предшествовавшей сикан культуры мочика.

Если в доиспанском Перу не было торговцев и примитивного денежного обращения, то как же осуществлялись хозяйственные связи между отдельными районами в отсутствие объединяющих государственных структур? В 1970-х годах чрезвычайную популярность снискала теория американского историка-перуаниста Дж. Мурры, предложившего считать основной формой традиционного продуктообмена в Андах так называемый «вертикальный контроль». Отдельные общины или вождества направляли своих колонистов в различные ландшафтные зоны, и продукты,

поставляемые ими, распределялись затем по каналам родства, а не через рынок. Приведенные Муррой примеры почти все, однако, относятся к южным районам Центральных Анд, где горцы действительно организовывали колонии на побережье океана и в восточных предгорьях. Однако в центральных и особенно в северных районах Перу свидетельства «вертикального контроля» нечетки и двусмысленны, а с помощью методов археологии такая практика даже на юге прослеживается лишь в культуре тиауанако, да и там результаты раскопок могут быть по-разному истолкованы. Отмечено также, что создателями колоний бывали главным образом общины, жившие по окраинам Боливийского плоскогорья. Путь в низменности из его центральных районов был слишком долг, чтобы обеспечивать надежную связь колонистов с «метрополией».

Другие исследователи видят причину «распределительного», а не рыночного характера центральноандской экономики в том, что она с очень раннего времени оказалась под контролем племенной знати. По мнению М. Мосли, немалую роль в становлении подобной системы сыграли особенности развития приморских обществ III-II тыс. до н.э. Когда благодаря рыболовству население этой области стало быстро расти, а его социальная структура усложняться, местная общинная верхушка продемонстрировала свое влияние и сильно упрочила его, организовав строительство монументальных сооружений. Затем, в первой половине II тыс. до н.э., индейцы побережья начинают осваивать сельскохозяйственные земли за пределами речных пойм. Знать и жрецы, используя уже имеющийся организационный опыт и авторитет, возглавили и работы по мелиорации. Тем самым они закрепили за собой право на распределение продукции, произведенной на новых землях. В пользу данной теории можно добавить, что даже в начале нашего века в индейских селениях на тихоокеанском склоне Анд ремонт оросительной сети осуществлялся в контексте определенного календарного ритуала в честь предков. Руководили подобными ритуалами люди, унаследовавшие функции доиспанских курака и религиозных лидеров.

Таковы традиции побережья. Что же касается горных районов северного Перу, то там во второй половине III тыс. до н.э. появляются храмовые центры, которые археологи связывают с «религиозной традицией коташ» по названию исследованного еще в 1950-х годах памятника. Упомянутая выше Ла Гальгада тоже являлась одним из подобных центров. Каждый из них обслуживал нужды не только людей, живших от храма в непосредственной близости, но и жителей целой долины, которые меняли места своего обитания в зависимости от сезонных занятий.

Подобный тип расселения до сих пор сохранился у индейцев коги на севере Колумбии. Храмы коги тоже окружены жилыми постройками, но большую часть года дома остаются пустыми, а индейцы довольствуются легкими хижинами, стоящими поблизости от полей и огородов. Переходя с места на место, люди то собирают урожай картофеля высоко в горах, то ухаживают за плодовыми деревьями в теплых долинах. Храм как единственный устойчивый элемент этой динамичной системы становится естественным центром не только религиозной, но и хозяйственной деятельности, а жрец руководит всеми практическими делами общины. Ту же мысль можно сформулировать и наоборот: религиозное значение храма отражает его роль хозяйственного центра.

Из подобной системы взаимоотношений в дальнейшем могли развиваться как традиция вывода общинных колоний («вертикальный контроль»), так и большие хозяйства вождей и храмов, регулирующие хозяйственную деятельность на политически подвластной им территории. Таким образом, в горных районах, так же как и на побережье Перу, действовали факторы, способствовавшие сложению распределительной, а не рыночной системы товарообмена.

И все же одного лишь ландшафтного своеобразия Анд, диктующего необходимость одновременной эксплуатации многих природных зон и открывающего эту возможность, для объяснения мало. Ведь рядом, в условиях, сходных если не с боливийскими, то по крайней мере с североперуанскими, в горах Колумбии и Эквадора сложилась другая система обмена – со своими торговцами и примитивным денежным обращением, т. е. модель, характерная для большинства древних цивилизаций.

Что же определило специфику Центральных Анд? Скорее всего, наличие только здесь, в этом географическом регионе, в дополнение к его ландшафтному многообразию еще и экономически крайне важного транспортного скотоводства. Благодаря караванам лам, поток грузов, следовавших из одного района в другой, из одной ландшафтной зоны – с теми продуктами, которые она могла дать, – в другую, был здесь намного большим, чем в остальных областях Нового Света. Контролировать столь значительный объем перевозок способна была лишь та группа людей, которой принадлежала власть, либо, что то же самое, власть принадлежала в Древнем Перу тем, кто контролировал перевозки. Это могла быть поначалу крестьянская община, пока или поскольку она оставалась самостоятельной, мог быть затем и племенной вождь, и храм или, наконец, государство. Но с профессиональной монополией независимых, стоящих

вне местной общественной иерархии торговцев типа миндаля
центральноандская хозяйственная система мириться не могла.

Обслуживание ремесленниками потребностей знати

Возможности развития рыночных отношений не только в инкской, но и в других древних цивилизациях были ограничены и относительно низким уровнем ремесленной технологии. Многие категории изделий, производство которых в принципе было освоено, оставались очень дороги, и это не давало возможности сбывать их путем свободной продажи. Американские археологи У. Сэндерс и Д. Уэбстер собрали сведения о том, потребности скольких семей удовлетворял в среднем древний ремесленник-специалист. Исследование велось на материалах доиспанской Мексики, но соответствующие оценки для Перу и даже для древневосточных культур, учитывая сходный уровень развития технологии во всех подобных обществах, вряд ли значительно отличались бы. Оказалось, что гончар, лепивший и обжигавший простую бытовую посуду, покрывал годовые потребности 66 семей, а это значит, что каждая из них должна была в свою очередь как минимум обеспечивать семью мастера пропитанием на протяжении 1/66 части года, т. е. 5-6 дней. Это приемлемая цена, поэтому и в Мезоамерике, и в Месопотамии, и в Перу в эпоху сложения и развития ранних государств люди повсеместно употребляли изготовленную профессионалами стандартную посуду: приобрести ее было проще, чем делать самим. Зато ткач или ткачиха при круглогодичной работе обеспечивают нужды всего лишь 5—6 семей, и в этом случае здесь за купленную материю пришлось бы отдавать двухмесячный запас продовольствия. Столь крупными излишками продуктов питания крестьяне нигде не располагали, поэтому каждая семья была вынуждена обеспечивать себя такого рода необходимыми изделиями сама.

Высококачественные ткани, изделия из драгоценных металлов и прочую дорогостоящую продукцию могли приобретать у ремесленников лишь немногочисленные привилегированные лица, распоряжавшиеся запасами не ими произведенного продовольствия. Квалифицированные ремесленники поэтому легко оказывались в постоянной личной зависимости от потребителей их продукции и в сущности могли заниматься своим имеющим относительно узкий спрос ремеслом только потому, что в обществе существовали группы людей, обладавших социальными привилегиями. На эти группы мастера и работали, нуждаясь

в их постоянных заказах, что порождало личную зависимость.

Редкостные и трудоемкие изделия в древних обществах превращались в своего рода «конвертируемую валюту», и неудивительно, если государство, стремившееся возможно более полно контролировать жизнь общества, делало все возможное, чтобы стать монопольным распорядителем подобных ценностей. Инки запрещали курака приобретать предметы роскоши на стороне. Престижные изделия, или по крайней мере санкцию на владение ими, провинциальной знати следовало получать из Куско. Одному из верховных вождей аймара, например, в год высылалось от 50 до 100 кусков ткани кумби, из коих часть он должен был затем предоставить в распоряжение тех, кто путешествовал через его провинцию по делам государства. По мере укрепления корпоративного сектора жесткость подобной системы, однако, ослабевала, ибо знатные дома, становясь обладателями земли и зависимого населения, получали в свое распоряжение и все больше ремесленников-камайок. Раскопки свидетельствуют, к примеру, о том, что на территории уанка парадная керамика и металлические изделия производились также и в хозяйствах верховных вождей. Упомянутый выше вождь аймара получал кумби не только из Куско, но и от собственных подданных. Все это вело к ослаблению форм контроля центра над провинциями, а при достижении известного «порогового значения» могло бы в будущем ощутимо содействовать распаду имперской политической структуры.

«Финансы» империи. Циркулирование предметов роскоши

Мы не случайно сравнили некоторые виды ремесленных изделий с валютой. Отсутствие у инков рынка и денег не мешает ученым говорить о «финансах империи», подразумевая под этим способность инкского государства сводить баланс своих доходов и расходов.

Расходы Тауантинсуйю были двух категорий. Временно мобилизованным в трудовые команды, так же как и полностью выпавшим из общинной структуры и не способным обеспечить себя работникам нужно было предоставлять пищу, одежду и кров; армия нуждалась в обмундировании и стандартном вооружении. Соответственно государство должно было создавать запасы и, если надо, обеспечивать дополнительное производство предметов первой необходимости и продовольствия. Другая категория расходов была вызвана потребностью оплачивать деятельность административного аппарата, лояльность столичной и местной знати. Здесь требовалось уже не только продовольствие в избытке, но прежде всего предметы роскоши и престижа. Престижные и жизнеобеспечивающие продукты циркулировали в имперском обществе на разных уровнях и по разным каналам. Обмен предметов роскоши на продовольствие и переход их тем самым в руки представителей низших общественных слоев не допускался. Есть данные, будто на побережье Перу прежде существовала иная практика, запрещенная инками после завоевания данных территорий. Это может быть верно лишь в отношении центрального и южного побережья, так как социально-хозяйственная система Чимор вряд ли существенно отличалась от инкской.

Туника из ткани кумби – главного предмета роскоши у инков

Особой формой потребления престижных ценностей было их обрядовое уничтожение. При совершении подобных ритуалов преследуются примерно те же цели, что и при строительстве не имеющих утилитарного назначения монументальных объектов, однако такая практика в основном характерна для обществ с недостаточным опытом централизованного управления. Классическим примером служит здесь институт потлача у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, когда высшим авторитетом пользовался тот из аристократов, который оказывался в состоянии раздарить или уничтожить больше накопленного имущества, нежели остальные. В эпоху инков подобные архаические обычаи сохранялись в Перу, по-видимому, лишь там, где опирались на особенно древнюю, глубоко укоренившуюся традицию. Как отмечалось в предыдущей главе, едва ли не раньше всего престижный характер приобрели в Центральных Андах орнаментированные ткани. В

Тауантинсуйю во время жертвоприношений сжигалась материя кумби. Следы подобного гигантского жертвенного кострища, по-видимому, обнаружены и в Чан-Чане.

Потребность в престижных ценностях для удовлетворения запросов знати лишь в небольшой степени покрывалась в Андах за счет импорта редкостей. Наиболее заметным исключением из данного правила были многократно упоминавшиеся крупные раковины морских глубоководных моллюсков, которые использовались в ритуалах, связанных с культом плодородия и воды. На одном из сосудов культуры мочика середины I тыс. н.э. показано, как лам с грузом подобных раковин ведут к монументальному строению, в котором находится некое высокопоставленное лицо. При инках, как говорилось, доставкой раковин из Эквадора занималась преимущественно корпорация торговцев долины Чинча на южном побережье Перу. Некоторое количество импорта (твердая древесина персиковой пальмы, ряд наркотических веществ, мед, перья тропических птиц) поступало, возможно, с восточной границы, но соответствующее сырье или исходные продукты добывались и в районах, которые инки держали под своим прямым контролем.

Основная масса престижных изделий изготавливалась древнеперуанскими ремесленниками внутри страны. Это были сосуды и украшения из драгоценных металлов, высококачественная керамическая посуда, ткань кумби, парадная утварь и т. п. Подобная самодостаточность экономики была в определенном смысле выгодна государству, в силу этого не зависящему от разного рода случайностей на дальних торговых путях. Вспомним для сравнения, как в древней Месопотамии стабильность политической жизни легко было подорвать, перекрыв поступление бадахшанского лазурита или малоазийских металлов. У инков же богатства и редкости, а следовательно, и экономические рычаги власти автоматически оказывались в руках тех, кто занимал высокие административные должности. Такая система оправдывала себя до тех пор, пока сохраняла прочность, пока власть в обществе не оспаривалась какой-либо оппозиционной силой, пока не ставились под сомнение идеологические основы существующей государственности, общепризнанность, легитимность правящего режима. Однако в случае кризиса власти или сложившейся экономической системы здание империи могло легко рухнуть, так как почти не имело внешних опор. Преднамеренная излишняя замкнутость есть органический порок всех империй, но инкская «сверхдержава» – совершенно изолированная от других цивилизованных обществ (возможные плавания эквадорских

торговцев в Мезоамерику не в счет) – оказывалась в данном отношении особенно уязвимой.

В первые десятилетия после образования инкской империи функционирование ее социально-хозяйственного организма в большей мере, вероятно, зависело от правильного распределения престижных ценностей, чем от обеспечения непосредственных производителей всем тем, что было важно для них. Если бывшие прежде независимыми курака оказывались удовлетворены своим новым положением, они сами эффективно организовывали изъятие в пользу Куско необходимой продукции, используя традиционные, апробированные и привычные, рычаги власти и не забывая при этом о собственных интересах. Такая «престижная экономика» характерна для сложных вождеств и ранних государств. Однако по мере укрепления государственного аппарата и увеличения имперских расходов внимание центра должно было все больше переключаться на распределение, а затем и на расширенное производство продуктов первой необходимости.

Склады. накопление продуктов жизнеобеспечения

Выращенный на государственных полях руками общинников и переселенцев-митмак урожай свозился на склады, находившиеся под контролем провинциальной имперской администрации. В горных районах подобные склады строились в виде каменных башен (колька), ряды которых обычно тянулись по склонам, занимая непригодные к обработке земли. Рядом с Уануко Пампа, например, обнаружены руины 600 таких башен. В Кочабамбе в одном лишь центральном комплексе складов Котапачи в западной части долины выявлено 2400 колька. На землях уанка располагалось более 3000 хранилищ, из них более трети – в пяти складских комплексах вокруг провинциальной столицы Хатун Хауха.

Масштабы складского хозяйства инков были столь велики, что оказываются вполне сопоставимы с нашими современными. Так, если бы всю хранившуюся вокруг Хатун Хаухи продукцию потребовалось сосредоточить под одной крышей, пришлось бы возвести элеватор высотой 50 м и с основанием 20 на 40 м. Однако инки подобных гигантских хранилищ не строили, причем не только из-за технических трудностей. Они четко отличали объекты, связанные со сферой жизнеобеспечения, где требовались лишь экономная практичность и целесообразность, от тех, которые были призваны производить внешний эффект и поражать население своей грандиозностью, символизируя всемогущество существующей власти.

Архитектура инкских складских помещений тщательно разработана с учетом климатических особенностей отдельных областей империи. На засушливом побережье башен не строили, а продолжали следовать давней местной традиции: хранилище заглубляли в землю, а входное отверстие делали в крыше. В горах, с их более влажным климатом, пол колька, напротив, старались приподнять над землей. Помещения различались в зависимости от вида продуктов, которые должны были в них находиться. Предназначенные для кукурузы имели вид сложенных из камней цилиндрических башен с внутренним диаметром от 2 до 6 м (чаще всего 5 м) и высотой от пола до потолка 6.3 м. Поскольку в них находят обильные остатки тарной керамики, можно заключить, что сюда свозили уже вылущенное зерно, а не початки. В хранилищах картофеля и других клубнеплодов керамики вовсе нет. Соответствующие постройки были в плане прямоугольными, причем внутреннее пространство состояло либо

из одного большого (9x3 м), либо из двух узких помещений общей площадью 5 x 4.5 м. Высота подобных хранилищ была такой же, как у амбаров для кукурузы. Приведенные данные относятся к складам в Уануко Пампа. В Хатун Хаухе помещения имеют немного иные пропорции, но полезный объем зданий примерно тот же.

Многие кольца до сих пор превосходно сохранились, что позволяет судить не только об их общей планировке, но и о различных деталях конструкции, за исключением кровли. Археологи утверждают, что все помещения, об устройстве которых им удалось составить достаточное представление, в древности хорошо проветривались и имели стоки для воды. Попадали в них через узкий (полметра шириной) и низкий (60-70 см в высоту) лаз, расположенный на целый метр выше пола. Сейчас, по прошествии 500-550 лет, трудно, конечно, сказать, поступал ли картофель из кольца к инкскому потребителю в кондиционном состоянии или гнил по вине нерадивых кладовщиков или равнодушных к делу распорядителей. Строителей кольца нельзя во всяком случае упрекнуть в недобросовестности.

Склад, особенно круглый в плане высокий кукурузный амбар, превратился в настолько значимый для перуанских индейцев объект, что даже занял видное место в народной астрономии. Словом «кольца» индейцы кечуа до сих пор именуют Плеяды и кольцеобразную группу звезд в хвосте созвездия Скорпиона, находящуюся от Плеяд точно на противоположной стороне небесной сферы. В Андах Плеяды занимали важнейшее после солнца и луны место в иерархии небесных светил, и наблюдение за перемещением по небосводу этого звездного скопления лежало в основе местного календаря.

Основные хранилища продуктов питания были сосредоточены в провинциальных городах типа Уануко Пампа и Хатун Хаухи, куда грузы приходилось везти самое большее за сто километров. Это естественно, ибо транспортировка сотен и тысяч тонн припасов на еще более значительные расстояния по горным дорогам при всей отлаженной караванной системе обошлась бы чересчур дорого. Лишь продовольствие для армии отправлялось непосредственно в Куско (а на севере, видимо – в Томебамбу или в Кито). Так, из Кочабамбы караваны с кукурузным зерном сперва следовали 100 км в западном направлении до промежуточного склада в Пария, а оттуда по магистральной дороге – еще 800 км до столицы. Сразу к месту назначения везли сладкую молодую кукурузу молочно-восковой спелости, которую нельзя было долго хранить. Этим объясняют, в частности, отсутствие складов в Пакальякте – центре долины Кусичака

(бассейн Урубамбы), где такую кукурузу выращивали для нужд жителей Куско.

На имперских складах хранилось не только продовольствие, но и ремесленная продукция, предназначенная для рядовых воинов и членов рабочих команд. В конце 1550-х годов уанка обратились к испанской королевской администрации с просьбой возместить то, что испанцы «позаимствовали» в хранилищах на их территории. В составленном на основе кипу перечне фигурируют одеяла, веревки, глиняные сосуды, дрова, уголь, солома. Подробности производства непищевых продуктов жизнеобеспечения у инков плохо известны, но говорит сам за себя уже один перечень профессий мобилизованных ремесленников. В документах из провинций Уануко и Лупака даются разрядки на отправку работников в местные, провинциальные и столичные мастерские и рудники. Помимо тех, кто должен был добывать золото и серебро, медь и свинец, отливать бронзовые топоры, ткать кумби, изготавливать украшения из перьев тропических птиц (т. е. обеспечивать потребности знати), в списках фигурируют ткачи, производящие обычную неорнаментированную материю, а также плотники, гончары, мастера по изготовлению зернотерок, сандалий, головных уборов, пращей. Как и в случае с размещением продовольственных складов в относительной близости от сельскохозяйственных угодий, при организации ремесленного производства инки старались избегать неоправданных перевозок, сводя их к минимуму. Мастера по изготовлению дешевой, но материалоемкой продукции (например, плотники и гончары) работали близ источников сырья, а в Куско и провинциальные центры отправляли уже только готовые изделия. И лишь когда речь заходила о престижных предметах и материалах, обладание которыми являлось государственной монополией, забота о трудностях перевозки отступала на второй план. Наши источники, дающие представление о жизни провинций, упоминают в связи с производством драгоценных металлов лишь рудокопов. Выплавкой или очисткой серебра и золота разрешалось, по-видимому, заниматься преимущественно в Куско и отчасти в таких провинциальных мастерских, которые непосредственно контролировались центральной администрацией (о золотых и серебряных дел мастерах, занимавшихся изготовлением убранства для царского дворца и храма солнца в Хатун Хауха, пишет Педро де Сьеса де Леон). Что касается ценностей чуть меньшего ранга, таких как ткань кумби или изделия из перьев тропических птиц, то их производство было сосредоточено как в Куско, так и в провинциальных столицах. Высшая аристократия имела к ним постоянный доступ, но главы сотен и

даже, видимо, тысяч домохозяйств такой привилегии были либо совсем лишены, либо пользовались ею гораздо реже.

Методы эксплуатации. Ритуализация трудового процесса

Как испанские документы, так и данные археологии оставляют впечатление, что по крайней мере до начала XVI века инкское государство все еще было богато и его военное ведомство и бюрократический аппарат еще не успели поглотить резервные ресурсы и нарушить хозяйственный баланс страны. Дело здесь даже не в тоннах золота, долго копившегося во дворцах и храмах и в итоге попавшего в руки испанцев, и не в складах, набитых роскошной материей кумби, которую отступавшие перед Писарро инкские военачальники успели спалить. Видимые свидетельства оставшегося у империи запаса прочности более всего можно усмотреть в методах, применявшихся для обеспечения покорности населения. Многие специалисты считают, что здесь инки во многом еще полагались не на голое принуждение, не на открытую грубую силу, а на характерный преимущественно для вождеств традиционный порядок, при котором согласие работников на отчуждение продуктов их труда обеспечивается устройством для них в ответ коллективных пиршеств и зрелищ. Обработка храмовых и государственных полей обставлялась в виде праздничного действия, во время которого выполнение практических задач переплеталось в нерасторжимое целое с ритуалом. Отголоски подобной практики в некоторых районах Перу сохранялись вплоть до XX века. Обрядовую форму имела прежде всего очистка оросительных каналов от накопившихся за год песка и ила. Этим обеспечивались своевременность и добросовестность проведения этих важнейших для устойчивого благополучия земледельцев работ.

Так же как и в древних культурах Востока, правители и вожди в доиспанском Перу открывали полевые работы, самолично взрыхляя землю и первыми бросая в нее семена. Сообщения хроник на этот счет подтверждает исследованная в 40-х годах на побережье Перу могила «воина-жреца» (культура мочика), которая содержала предметы, символизировавшие разные аспекты власти местного иерарха. Помимо жезла и ритуальной палицы, там оказалась землекопалка с фигурным навершием. Навершие изображало божество, с которым, судя по одежде и позе, отождествлялся сам погребенный. Предоставляя руководителю право начинать сев, члены общины, очевидно, имели в виду, что тем самым обеспечивают должное плодородие земли и обильный урожай. В

Тауантинсуйю любой земледельческий труд, а работа на царских и храмовых землях в особенности, еще оставался отчасти священнодействием, а Великий Инка – первым жрецом. Отказ от исполнения повинностей в такой обстановке был возможен практически лишь в том случае, если ставилась под сомнение законность и сакральность власти конкретного лидера. Система в целом оставалась неизменной, ибо в конкретных условиях древнего Перу не имела альтернативы. Однако необходимой предпосылкой поддержания подобных общественных основ является достаточная хозяйственная эффективность и стабильность, при которой каждой крестьянской семье достаточно надежно обеспечивается прожиточный минимум. При инках это условие, судя по всему, соблюдалось и еще не успело сделаться невыполнимым.

Иногда трудно определить, где в инкском обществе кончалась уходившая в первобытность традиция, а где начиналось умелое использование «моральных», иначе говоря, дешевых стимулов увеличения объема продукта, отчуждаемого в пользу центральных властей. Один из хронистов, например, сообщает, что инки считали оптимальным деление каждой провинции на две, а не три более мелкие административные единицы, ибо так было легче организовать трудовое соревнование между их населением. Проверяющие же его итоги чиновники назначались из числа жителей противоположной половины, что затрудняло их подкуп.

Уануко Пампа – один из административных центров империи Инков

Одним из самых крупных провинциальных центров на севере горного Перу был, как уже говорилось, Уануко Пампа. По словам Съеса де Леона, его «обслуживало» более 30 тысяч окрестных индейцев (для сравнения отметим, что в Хатун Хаухе это число составляло лишь 8-9 тысяч). Разведочные работы среди руин показали, что одновременно в городе проживало 12-15 тысяч человек.

Археологи обнаружили на городище Уануко Пампа остатки огромных кухонь, расположенных по периметру двух площадей. Судя по осколкам нескольких тысяч сосудов на соответствующих участках варили чичу – питательный ферментированный напиток из кукурузы. Время от времени в Уануко устраивались, очевидно, пиршества, в которых одновременно могли принимать участие несколько сот и даже тысяч человек. Здесь надо иметь в виду, что в горных районах Анд кукуруза в отличие от картофеля не является общедоступным продуктом, в окрестностях же Уануко – на высоте 4 км и более – она определенно расти не могла. Поэтому обеспечение работников чичей следует рассматривать как достаточно серьезную услугу со стороны государства по отношению к своим

подданным. Раскопки в области Уанка, например, прямо показывают, что после появления инков местные крестьяне стали потреблять больше кукурузы и мяса, нежели раньше. При этом, судя по изучению костных останков людей, лучше питаться стали мужчины, а женщины по-прежнему недоедали. Объяснить это можно тем, что только мужчины обычно участвовали в коллективных пиршествах, как во время призыва на работы в город, так – и ближе к дому – в дни обработки государственных полей и по другим случаям.

Собиравшимся в Уануко людям предлагали не только чичу, но и нечто еще более волнующее – право участия в пышных церемониях, которые изредка совершались, возможно, под руководством самого божественного Сапа Инки. Два больших здания рядом с участком для приготовления чичи признаны вероятной местной резиденцией Инки, в которой тот останавливался во время своих путешествий по стране. На прямоугольной центральной площади города, способной вместить десятки тысяч людей, находилось напоминающее трибуну возвышение. Расположение его и конструкция выдают в нем «усну» – особое место, с которого Инка должен был обращаться с молитвой к Солнцу, место, где он совершал ритуальные возлияния и откуда руководил церемониями и парадами. Усну, вероятно, имелись во всех провинциальных столицах. Особенно впечатляюще выглядит подобная хорошо сохранившаяся трибуна-алтарь в Вилькас (юго-восточнее Аякучо) – городе, считавшемся, как уже говорилось, географическим центром Тауантинсуйю.

Часть археологов, ведших раскопки в Уануко и ожидавших найти здесь явные следы деятельности военно-бюрократической машины, нещадно угнетающей бесправных тружеников, по завершении работ впали в другую крайность и стали чрезмерно подчеркивать патриархальность и мирный архаизм во взаимоотношениях верхов и низов инкского государства. Много внимания, например, обращается на отсутствие в Уануко военных казарм. Однако сами же авторы соответствующих публикаций признают, что пребывание в городе постоянного гарнизона могло не оставить однозначных следов. Кроме того, войскам было достаточно находиться в полевом лагере в окрестностях города, чтобы напоминать населению о своем вполне реальном присутствии. Показательно, что в Новом Куско (Инка Уаси), игравшем роль опорного пункта действующей армии, тоже обнаружено много хранилищ, но опять-таки не удалось найти следы казарм. Вполне вероятно, что инкская традиция не предусматривала обязательное размещение значительных контингентов военнослужащих непосредственно в городах.

Что же до массовых пиршеств в Уануко, то на них, как предполагается, приглашали работников, отбывавших миту, – скорее всего, тех, кто, закончив свой срок, отправлялся домой. Конечно, такая практика не вполне типична для обществ с выраженными сословно барьерами и выглядит архаизмом. Однако в контексте характерных для инков социально-хозяйственных отношений она кажется во всяком случае разумной. Поощрить работников пару раз в году, созывая на праздник, было гораздо дешевле, чем допустить их к участию в распределении престижных ценностей, и безопаснее, чем оставить вовсе без вознаграждения. В повседневной же обстановке повиновение трудового персонала обеспечивалось, скорее всего, тем же бесчисленное множество раз опробованным способом, что и в любых обществах, основанных на внеэкономическом принуждении к труду – наказанием. Там, где моральные стимулы переставали действовать, главы сотен и тысяч домохозяйств имели возможность наказать или поощрить подчиненных при распределении повинностей – одних отрядив для исполнения тяжелой и неприятной, а других – для легкой работы или службы. Хотя общества, пусть широко и не использующие в полном смысле слова рабский труд, но тем не менее оставляющие своим членам лишь возможность выбора между плохим и худшим, во всемирно-историческом плане продемонстрировали свою ущербность, их нельзя назвать полностью нежизнеспособными. При отсутствии мощного внешнего воздействия требуется порой весьма значительный промежуток времени, прежде чем социально-хозяйственная и культурная деградация становится вполне очевидной. Однако обязательным условием функционирования подобных систем является коллективная ответственность, круговая порука. Поскольку у инков общая плановая норма для каждого подразделения работников спускалась сверху, уклонившийся от несения повинности тем самым перекладывал ее на плечи соседей, а это превращало всех членов общины в надсмотрщиков друг за другом. До тех пор, пока норма эксплуатации не переходила известный предел, а общинная организация еще сохранялась, такая система функционировала безотказно. Опасны были либо резкое падение уровня благосостояния народа, либо распад общинных связей. Первого, по-видимому, старались не допускать, раздавая в случае экстраординарных бедствий продовольствие с государственных складов – они, как мы знаем, еще не были хронически пусты – и подкармливая вдов, сирот и других неимущих (по крайней мере в хрониках описываются подобные благодеяния от лица инкской администрации). Чтобы уберечься от второй угрозы – ослабления и распада общинных связей – государство карало

бродяг (т. е. лиц без определенного санкционированного места жительства и рода занятий) и старалось всеми силами прикрепить людей к земле и к месту работы. Не будет ошибкой добавить, что сходную политику – где более, где менее последовательно и чаще, конечно, делая упор скорее на закреплении, нежели на поддержании относительного экономического благосостояния масс, – осуществляли правители всех мировых империй. Между исследователями, оценивающими зрелость инкского общества в плане развитости в нем классовых отношений и форм управления, свойственных государству, нет полного единодушия. Противоречия среди специалистов отчасти обусловлены состоянием и характером наших источников, как письменных, так и археологических. В них спрессована информация о разных периодах жизни империи, положение в которой с каждым десятилетием менялось. Инкской общественно-государственной системе нельзя отказать в динамичности: в свою эпоху застоя империя едва лишь успела вступить. Не следует забывать, что в сложившемся виде она просуществовала менее полувека и рухнула под объединенным воздействием внешней агрессии и причин внутреннего порядка. Период до воцарения Уайна Капака правомерно назвать героическим: империя вела напряженные войны, расширяла свою территорию, как границы, так и отношения внутри государства еще не установились. Поэтому и жертвы, которые в этих условиях было готово и могло приносить население, и вознаграждение, следовавшее после каждой очередной победы, оценивались иной, чем в мирные времена, исключительной меркой. Планомерное хозяйственное строительство развернулось в инкской империи лишь с 1490-х годов. Разгоревшееся после смерти Уайна Капака противоборство между сторонниками двух претендентов на престол – Уаскара и Атауальпы – внесло новый оттенок в социальные отношения. Если бы вслед за этим не явились испанцы, а индейцы Анд и дальше сохранили бы свою прежнюю имперскую государственность, она неизбежно стала бы иной, нежели в предшествующие междуусобице годы. Жестокость и решительность, с какими сводились счеты в этой династической расправе, превращение созданной для внешних завоеваний армии во внутренние войска, скорее всего, привели бы затем – особенно при сокращении государственного резерва продуктов жизнеобеспечения и нарастания экономических трудностей – и к более активному использованию силы при отчуждении продукта от его непосредственных производителей. Здесь могли бы оказаться подорванными идеологические основы империи, что привело бы ее к глубокому кризису.

В следующей главе мы рассмотрим некоторые из этих основ и

познакомимся с рядом особенностей духовной культуры древних перуанцев.

Глава IV

Инка на земле – солнце на небе

Источники по религии древнего Перу

Существуют три главных источника для изучения религиозно-мифологических представлений древних перуанцев. Первый – это хроники и прочие документы эпохи конкисты. В них основное внимание уделяется официальной религии инков, но есть и интересные описания провинциальных культов. В 70-е годы XVI века в испанских владениях в Новом Свете началось «искоренение идолопоклонства», закономерно последовавшее за окончательным переходом политической власти от индейских вождей к европейцам. Как и «культурные революции» XX века, эта кампания преследовала цель полностью изменить мировоззрение народа, сделать необратимым переход от старых империй и цивилизаций к новым. Посланники католической церкви направлялись теперь в самые глухие уголки Анд, ведя борьбу с любыми проявлениями чуждой идеологии. Однако некоторые из этих священников и монахов не только уничтожали идолов и преследовали колдунов и жрецов, но и описывали увиденное и услышанное. Мифы, верования и ритуалы одной из групп индейцев яяйо, жившей в горах неподалеку от Лимы, подробнее описал, например, священник Франсиско де Авила, точнее, его информант-индеец, рукопись которого он использовал.

Второй источник по индейской религии – данные этнографического изучения. Сопоставляя материалы XVI—XVII веков с современными наблюдениями, удастся получить представление о народных верованиях и существенно дополнить содержащиеся в хрониках и отчетах сведения о мифологии перуанских индейцев.

Третий источник – доколумбова иконография, богатство которой поистине потрясающе. В музеях мира собраны сотни тысяч древнеперуанских предметов с сюжетными изображениями. По крайней мере десятая часть из них может быть непосредственно использована при попытках реконструкции древних культов и верований.

Если бы все три категории наших источников проливали свет на религию одного и того же единого народа, мы бы знали ее весьма неплохо. К сожалению, это не так. Хроники и этнографические материалы касаются преимущественно горной области нынешних Боливии и Перу. Внимание конкистадоров привлекали в основном сами инки и их столица, а индейцев побережья большинство хронистов едва заметило. Что же до потомков провинциальной знати Тауантинсуйю, ставших авторами трудов о культуре

и истории доиспанского времени, то среди них были кечуа и аймара, но не оказалось ни одного, чьи предки говорили бы на мучик или пукина. Кроме того, сведения письменных источников освещают период времени не ранее начала XV века, не считая нескольких этногонических и династических преданий, углубляющих наше историческое видение еще на полтысячелетия. Интерполяция соответствующих данных на более древнюю эпоху если и возможна, то сопряжена со множеством трудностей.

Распределение во времени и пространстве памятников доколумбового искусства совершенно иное. Большинство их обнаружено в захоронениях на побережье. В горах предметов с сюжетными изображениями найдено меньше, а датируются они в основном эпохой уари – тиауанако или еще более ранним временем. В прединкский период здесь повсюду господствовал геометрический стиль.

Проблема культового искусства инков

Культовое искусство инков известно особенно плохо и почти ничего не дает для понимания имперской идеологии. Фигурки, которые археологи находят в захоронениях, слабо индивидуализированы и, скорее всего, связаны с миром низшей мифологии, с почитанием духов и предков. Инкские сосуды и ткани покрыты геометрическим орнаментом или украшены художественно совершенными, но сюжетно невыразительными изображениями людей и животных. Лишь под влиянием испанцев в Куско сложился своеобразный фигуративный стиль лаковой живописи на кубках-коро. Не говоря уже об их отнюдь не чисто индейском характере, сюжеты, представленные на сосудах XVI—XVIII веков, немногочисленны. По данным изучавшего эти изображения Т. Каммингса, здесь имеется лишь 10 тем и 5 персонажей, не связанных к тому же прямо и непосредственно с инкским пантеоном.

Знакомство с монументальным искусством Тауантинсуйю могло бы помочь разрешить немало проблем, возникающих при истолковании содержащихся в хрониках сведений о высших формах инкской религии. Однако памятники искусства этого рода испанцы уничтожили практически все. Им удалось это сделать прежде всего потому, что правление инков в Андах длилось недолго и к 30-м годам XVI века монументальный декор святилищ еще не успел обветшать и попасть в захоронения и тайники, где бы его смогли обнаружить через несколько веков археологи. Стенные росписи с перуанского побережья дошли, например, до нас только потому, что еще в глубокой древности были замурованы. У инков же к приходу испанцев все оставалось еще на виду и стало легкой добычей фанатичных христиан. Едва ли не единственной известной нам крупной каменной статуей, изваянной в инкском стиле, является фигура пумы, когда-то, возможно, находившаяся в главном храме Куско – Кориканче.

В Мексике испанцы уничтожали индейских идолов с неменьшим ожесточением, нежели в Андах. Однако нам известно немало превосходных статуй ацтекских божеств. Этим мы обязаны счастливой случайности: громя храмы Теночтитлана, конкистадоры топили статуи в болоте, со дна которого они в нашем веке и были извлечены при строительных работах. Что же касается инкских статуй, то их «борцы с идолопоклонством» преимущественно разбивали молотами. К тому же из-

за обилия золота и серебра, находившихся в их распоряжении, индейцы Перу вообще делали свои наиболее важные культовые изображения не из камня, а из драгоценных металлов. Естественно, что все это было немедленно пущено конкистадорами в переплавку.

Фигура пумы – единственная известная статуя, изваянная в инкском стиле

Изображения инкских божеств уничтожались столь старательно и последовательно, что нам теперь практически неизвестно, как они в точности выглядели. Это касается даже верховного божества Солнца. Согласно Гарсиласо де ла Вега и некоторым другим хронистам, идол Солнца из Кориқанчи имел вид золотого диска с отходящими от него во все стороны лучами. Такой образ вполне соответствует манере изображать дневное светило у народов средневековой Европы, но есть определенные сомнения насчет того, был ли он знаком аборигенам Америки. К моменту вступления Писарро в Куско город уже лишился своей главной святыни –

отступавшие инки унесли ее с собой в последнее убежище к северо-западу от столицы, где в 1539 году возникло «Новоинкское царство» с центром в Вилькабамбе. Когда испанцы упрочили свою власть в Перу, они в 1572 году захватили и этот осколок индейской империи. Вместе с другой добычей изображение Солнца попало наконец в руки конкистадоров, но никто из них не удосужился описать его достаточно подробно. Основываясь на дошедших до нас отрывочных сообщениях, известный современный французский историк и этнограф П. Дювиоль доказывает, что идол из Кориқанчи вовсе не был похож на лучистый диск. Он должен был иметь человекоподобный облик, а лучи лишь обрамляли голову и плечи фигуры божества. По сторонам от нее располагались две змеи либо, возможно, одна двуглавая змея изгибалась сверху дугой. Справа и слева стояли золотые пумы или ягуары.

Реконструированный Дювиолем образ соответствует давним перуанским канонам. Особенно близок он к изображениям конца I – начала II тыс. н.э. с северо-центрального побережья Перу, которые сохранились на найденных в погребениях сосудах и тканях. Не забудем, что по крайней мере юг этого района считается областью раннего распространения языка кечуа и что традиции прибрежного религиозного центра в Пачакамаке оказали, скорее всего, сильное влияние на идеологию Куско.

Когда Дювиоль начинал свои изыскания, он надеялся, что идол из Кориқанчи сохранился до наших дней. Его якобы отправили в Толедо Филиппу Второму, а оттуда, быть может, повезли в Ватикан. Гораздо вероятнее, конечно, что статуя была разломана солдатами на части и во всяком случае давно нашла свой конец в плавильном тигле.

В 1980-х годах сотрудники Музея Пибоди при Гарвардском университете обратили внимание на хранящуюся там бронзовую фигурку раннеколониального времени в виде человека с лучистым диском на голове. Сделана она так под испанским влиянием или, вопреки всему, прав все же Гарсиласо де ла Вега, а не Дювиоль? К сожалению, нам остается надеяться лишь на случай, особо благоприятные обстоятельства, которые в будущем помогут, быть может, с достаточной уверенностью ответить на этот и многие другие вопросы, связанные с изучением мифологических текстов, пантеона божеств и культовой иконографии инков. И хотя сейчас нас интересуют не столько детали, сколько основные особенности религии Тауантинсуйю, следует не забывать о неполноте наших источников и возможности серьезных поправок, которые внесут в реконструируемую картину будущие исследователи.

Тенденции к монотеизму в инкской религии

Религию и мифологию древнего Перу нельзя понять, не зная породившего их общества. Данный тезис не сводится к банальному утверждению вроде того, что идеи и образы отражают материальное бытие. Связь здесь взаимная и двусторонняя. Идеологические, в том числе и религиозные, установки возникают, естественно, на определенной материальной и культурной почве, но, сформировавшись и получив широкое распространение, сами обеспечивают на долгое время активность общества в однажды заданном направлении. Обладая огромной инерцией, они напоминают маховик, который нелегко привести в движение, но столь же трудно остановить.

Политеистические пантеоны майя или ацтеков с их множеством сравнительно четко определимых божеств обнаруживают параллель в политической организации древней Мезоамерики – страны независимых или автономных городов-государств. В Андах картина иная. Подобно тому, как империя «четырех четвертей» света не являлась всего лишь совокупностью отдельных общин, вождей и царств, а представляла собой политический организм более высокого ранга, андская религия начала XVI века несводима к простой совокупности местных култов. Принявшая религиозные формы имперская идеология инков во многом беспрецедентна для древней Америки. При этом она сама стала важнейшим фактором, поддерживавшим единство огромного государства. Высказывается даже мнение, что эта идеология была первична по отношению к политическим институтам. В подобном утверждении есть доля истины: создавая свою империю, инки, как и основатели других «мировых государств», не могли обойтись без некоего общего замысла, без представления об идеальной цели, о норме, к которым следовало стремиться и достижение которых признавалось реально возможным. Для сравнения вспомним, сколь важную роль в судьбах народов средневековой Европы сыграла память о былом торжестве Рима – Первого Рима, служившего образцом для всех последующих. В Риме же I в. до н.э. Юлий Цезарь явно ориентировался на опыт Александра Великого, в то время как тот, предпринимая персидский поход, имел перед собой живой пример империи Ахеменидов, в свою очередь унаследовавшей традиции Ассирии и Вавилона. Если при погружении в глубь времен череда действительно существовавших и сменявших друг друга империй наконец завершается,

подобный ряд домысливается и достраивается в преданиях и мифах. Так, в китайской традиции предшественницей династии Западного Чжоу называлась династия Шан, которой на практике соответствовало более примитивное, еще явно не имперское общество. Сама Шан считалась пришедшей на смену династии Ся, на месте которой историки в лучшем случае обнаруживают относительно небольшое первичное государство.

Хочется привести еще один, несколько анекдотичный, пример той основополагающей для поддержания имперского сознания роли, которую играет возможность опереться на исторический прецедент. В «годы застоя» один из преподавателей академической кафедры философии, знаменитый на весь Ленинград своими консервативными взглядами, равно как и прямоотой их высказывания, задал своим аспирантам вопрос, почему после установления социализма прибалтийские государства были присоединены к СССР, а балканские и центральноевропейские – нет. Правильный ответ заключался в том, что Прибалтика уже и раньше входила в состав Российской империи.

Вернемся, однако, к инкам. Если говорить о доиспанском Перу, то крайне сомнительно, чтобы идея объединения Центральных Анд под единым началом впервые зародилась у мелких вождей XI—XIV веков, постоянно сражавшихся друг против друга. Скорее, здесь сказалось наследие и влияние предшествующих царств и культур, прежде всего, Уари и Тиауанако. Организационный и духовный опыт этих государств был, очевидно, использован в годы становления Тауантинсуйю. Концентрацией этого опыта явились, в частности, представления о высшем божестве.

Государство инков, как справедливо указывает один из ведущих археологов-перуанистов, исследователь культуры уари Дж. Исбель, основывалось на концепции централизованного и иерархически устроенного мира. В эту иерархию включена вся вселенная, какая-либо автономная, соперничающая система ценностей отсутствует. Дуализм как противопоставление относительно равноправных доброго и злого начал вообще чужд индейским религиям, древнеперуанской в том числе. При этом у инков (в отличие от их мексиканских современников) центр не просто господствовал в иерархии, а как бы вмещал всю ее в себе. Движение в радиальном направлении оказывалось здесь не переходом от более важного члена иерархии к другим, отдельным, но менее важным, а то ли поглощением первым остальных, то ли их выделением из него. Что значат эти несколько туманно звучащие положения в конкретном контексте религиозной мысли и культовой практики народов Центральных Анд?

Не только конкистадоры, но и европейские исследователи недооценили первоначально серьезность монотеистической тенденции в инкской религии. В хрониках при описании пантеона Куско называются три основных имени: Виракоча, Инти, Ильяпа. Инти – это солнце, Ильяпа – гром, Виракоча – бог-творец. К данной группе имен примыкают также Пачакамак, Тонапа и, может быть, Кон – все трое не кусканского происхождения. Центром культа Пачакамака было, как много раз говорилось, центральное побережье Перу, а имя Тонапа заимствовано, по-видимому, от аймара. Функционально этот персонаж ближе всего громовержцу Ильяпе, Пачакамак же соответствует Виракоче. «Кон» входит иногда в полную формулу имени бога-творца (Кон-Тикси-Виракоча), но в мифе с побережья упоминается в качестве древнего бога, уступившего Пачакамаку власть над миром.

В начале 80-х годов американский ученый А. Демарест блестяще продемонстрировал, что индейцы Перу почитали, в сущности, лишь единственное мужское божество, связанное с небом, солнцем, грозой, дождем. Между его отдельными ипостасями и проявлениями имеется известное распределение функций (восходящее и заходящее, летнее и зимнее солнце; видимое светило и предвечный творец; гром, град, рассвет и т. п.), но они чересчур нечетки и слишком тесно взаимосвязаны для того, чтобы говорить об их дискретности и об отдельных божественных персонажах. Этот вывод подтверждается не только анализом дошедших до нас письменных источников, но и более поздними данными о народных верованиях андских индейцев, а также иконографическими материалами культур уари и тиауанако.

В иконографии этих культур, чья территория, как мы знаем, охватывала центральные районы будущей империи, фигура антропоморфного божества – без крыльев в лучистой короне – господствует над всеми прочими. Она бывает обращена к зрителю только анфас, тогда как сопровождающие персонажи, нередко с чертами хищных птиц и животных, расположены от нее по бокам и показаны в профиль. Известны антропоморфные фигуры, на груди которых запечатлен еще один человекоподобный лик. Подобные композиции поддаются истолкованию как, например, отражающие представление о видимом солнце и боге-творце.

Говоря о тенденциях к монотеизму у инков, мы имеем в виду прежде всего тождество или соподчиненность мужских персонажей. Женскому началу в религии Анд отводилось особое место. В официальный пантеон попала главным образом Килья, луна. Главная супруга (и сестра) Сапа

Инки сопоставлялась с ней так же, как он сам – с Солнцем. Долго предполагалось, что в народной религии большее значение имела плодоносящая земля, Пачамама («пача» – мир, земля, «мама» – госпожа, хозяйка), поскольку именно ее образ был в XX в. зафиксирован в религии кечуа и аймара наряду с образами христианского Бога, обобщенного и обожествленного «Инки-царя» (Инкарри), а также духов гор. Внимательное прочтение письменных документов колониального времени показало, однако, что Пачамама – не наследие доиспанского прошлого, а результат влияния католицизма с его культом Девы Марии. Воспринималась ли в Андах земля в качестве плодоносящего женского персонажа – большой вопрос. Если у инков и были подобные ассоциации, то они относились к хтонической Маме Окльо – жене и сестре первопредка Манко Капака. Ее храмы были немногочисленны. Один находился в царской крепости Саксауаман, вход в него был оформлен в виде разинутой пасти змеи. Другой храм на севере в Томебамбе был якобы посвящен Пачамаме, но стоявшая внутри статуя изображала Маму Окльо.

В пантеоне уари и тиауанако женский мифологический персонаж представлен, но его функции не очень понятны. Богиню изображает самая большая из сохранившихся статуй Тиауанако. На огромных полихромных сосудах уари божество в лучистой короне показано дважды с обеих сторон, причем детали изображения несколько различаются. Хотя с полной достоверностью пол фигур неопределим, их относительные размеры, пропорции и одежда склоняют к мнению, что одна принадлежит мужскому, а другая – женскому божеству. От I тыс. до н.э. до нас дошли каменные изваяния с изображениями явно выраженных мужского и женского персонажей подчеркнута равных размеров.

В имперской инкской религии женский принцип отражен на всех уровнях, кроме самого высшего. Как явно следует из рисунка в одной из хроник, составленной знатным индейцем аймара Пачакути Ямки Салькамайуа, творец мыслился единым, а расчленение на мужскую и женскую линии начиналось с уровня видимых божественных манифестаций – Солнца и Луны. О том же свидетельствуют и другие источники.

Для характеристики сложившихся в Андах религиозно-философских концепций весьма показательны изображения на сосудах культуры наска с южного побережья Перу, датируемые первыми веками нашей эры. В сложных сценах с участием множества персонажей менее значительные фигуры показаны исходящими изо рта более значительных. В начале же этой последовательности божественных эманаций находится одно-

единственное существо, как бы выделяющее из себя всю иерархию прочих.

На первый взгляд, тенденция к монотеизму соответствовала политической реальности централизованного государства во главе с Сапа Инкой. Однако такое заключение было бы слишком прямолинейным. Если в религии инков сохранились основные идеи религиозных систем уари и тиауанако, то те, в свою очередь, могли многое воспринять от системы, отраженной на изображениях культуры чавин начала I тыс. до н.э., а истоки последней следует, вероятно, искать в представлениях, характерных для строителей монументальных храмов II и III тыс. до н.э. Так что скорее характерные для Центральных Анд представления о мироздании могли повлиять на систему управления в Тауантинсуйю, нежели наоборот.

Почти в те же годы, когда А. Демарест исследовал инкский пантеон, доказав значительную тождественность основных его персонажей, другие перуанисты изучали организацию управления в верхних этажах иерархии Тауантинсуйю. Полученные выводы не подтвердили прежнее представление о главе андского государства как о единоличном владыке, абсолютном самодержце. Речь идет не только о политической реальности, об особых отношениях между Сапа Инкой и остальными орехонами, но и о наличии определенных институционных ограничений власти царя. Иерархическая структура, верх которой занимал Сапа Инка, являлась не строго пирамидальной. Рядом с главой империи проступает не сразу заметная, со времен Пачакути – уже больше церемониальная, но все же наделенная определенными функциями (возможно, функциями верховного жреца) фигура соправителя. В традиционной догосударственной иерархии такой соправитель считался главой младшей фратрии. Поскольку каждая фратрия делилась на два суйю, Сапа Инку, возможно, окружали даже три соправителя, возглавлявших второй, третий и четвертый суйю, в то время как лидером первого был он сам. Как уже говорилось, подобные дуальные иерархические структуры вообще типичны для индейцев Анд. Они отмечены и в вождествах колья, и у уанка, и в долинах северного побережья, входивших ранее в состав царства Чимор. В языке испанских документов XVI—XVII веков для обозначения соправителей даже нашелся устойчивый, имеющий конкретное значение термин – *segunda persona*, т. е. «второе лицо».

«Открытие» должности соправителя у инков сыграло важную роль в дискуссии относительно сведений хроник о раннем периоде истории Куско. До конца 1970-х годов исследователи с доверием относились к сообщениям, утверждавшим, будто сначала общину Куско возглавляли правители из младшей фратрии хурин и лишь затем власть перешла к

фратрии ханан. К ханан принадлежали и все императоры, начиная с Пачакути. В 1960-х годах работавший в Перу, а затем в США голландский ученый Т. Зойдема пришел к выводу, что «цари» из фратрии хурин были всего лишь соправителями при царях из фратрии ханан. Обе генеалогические линии не последовательны, а одновременны, и младшая никогда не была и не могла быть правящей. Якобы имевший место переход власти от одной «династии» к другой есть не что иное, как миф, который принадлежит к широкому классу распространенных среди индейцев повествований о «социальной инверсии». В них рассказывается о том, как группа, имеющая сейчас низкий статус, когда-то была наверху, но утратила свое положение. В эгалитарных обществах (например, у огнеземельцев) структурно сходные мифы описывают переход главенства из рук женщин в руки мужчин.

Центральная стена храма Виракочи в Ракчи. Перу

Хотя вывод Зойдемы никогда не был признан всеми перуанистами, его гипотезу приняли к сведению как достаточно правдоподобную. Однако

археологи проголосовали не в ее пользу. После того, как время образования инкского государства было отодвинуто вглубь как минимум на два столетия, стало ясно, что список правителей Куско заведомо неполон. Кроме того, упоминания о браках полулегендарных инков, правивших до Пачакути, с женщинами из соседних этнических групп, удалось сопоставить с определенными топонимами и проследить, как со временем правители брали жен из районов, все дальше отстоящих от Куско. Иначе говоря, список инкских правителей все же образует прямую последовательность, и представители младшей фратрии не были современниками представителям старшей. Другое дело, что верховная власть действительно не могла принадлежать младшей фратрии подобно тому, как она не могла принадлежать женщинам. Здесь история явно смешана с мифом, но о причине такого смещения мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Храм Виракочи в Ракчи

После создания империи инки распространили культ своего верховного божества по всей территории Центральных Анд. Храмы, строившиеся в новых административных центрах, как правило, посвящались солнцу. Образцом для них, по-видимому, служила столичная Кориқанча («Золотой дом») – крупнейшее святилище империи, имевшее четыре тысячи служителей. Целостный облик этого здания восстановить, однако, невозможно.

Храмов Виракочи известно гораздо меньше, но зато среди них имеется неплохо сохранившийся комплекс в Ракчи, в долине реки Вильканота в 120 км на юго-восток от Куско. Согласно традиции, это святилище было возведено по приказу Пачакути на территории покоренных им индейцев колья. Культовая постройка достигает 92 м в длину и 26 м в ширину. Внутреннее пространство делится пополам по продольной оси стеной с десятью проходами. Сложенная в нижней части из камня, а в верхней – из битой глины, эта стена поднимается до сих пор в высоту на 12 м. По центру каждого из двух «нефов» идет ряд колонн, сделанных в той же технике, что и стены. На центральной стене сохранились остатки узора в виде ступенчатых пирамид из красной штукатурки, выделяющихся на фоне поверхности камня. Здание было, видимо, двухэтажным, но его перекрытия давно исчезли.

На примере храма в Ракчи хорошо видны особенности имперской культовой архитектуры. Инкские храмы хотя и велики, но по внешним обводам все же значительно уступают древним монументальным платформам побережья. Еще важнее отличия во внутренней структуре. Перед нами не монолитные искусственные холмы, а крытые строения, наверняка поражающие вошедших своим богатым убранством, но не столь уж внушительные при взгляде издали. Различия эти отражают усложнение социальных отношений в империи по сравнению с более ранними государственными образованиями. Древние платформы были более «демократичны», служа символом общины или страны, руководители которой еще очень сильно зависели от прямой поддержки народа. Храмовые центры инкской эпохи функционировали уже главным образом в системе распределения престижных ценностей, они были связаны с культурой аристократии. Святилища на вершинах древних платформ были невелики и вмещали лишь небольшую группу жрецов, но в

обрядов, проводившихся у подножия монументальных сооружений, скорее всего участвовали массы народа. Просторные храмы типа святилища в Ракчи вряд ли предназначались исключительно для служителей культа. Время от времени внутрь, очевидно, пускали и общинников. Однако такое посещение должно было уже восприниматься как редкая привилегия, царская награда за верность и труд. Перед поблескивавшими в полумраке золотыми фигурами божеств не только крестьянин, но и провинциальный курака чувствовал себя, по-видимому, так же, как нечиновный делегат какого-нибудь XIX партсъезда, волею судеб допущенный в Кремль.

Панперуанский политеистический пантеон

Пропагандируя культ Солнца/Виракочи, инки не обуславливали его распространение отказом народов империи от почитания древних местных божеств, подобно тому, как они обычно не назначали людей со стороны на главные должности в провинциальный административный аппарат. Инкские храмы редко сооружались на месте старых доинкских святилищ или рядом с ними. Пачакамак являет собой важное исключение, но и здесь храм Солнца был поставлен особняком. Судя по распространению на городище различных типов керамики, этот храм меньше всего посещался местными жителями и предназначался в основном для приезжих из Куско.

Неверно, однако, думать, что инкская религия просто игнорировала старые верования, существовала отдельно от них. В Тауантинсуйю шло становление своеобразного политеистического пантеона, который по сути немножко напоминал древнеримский времен поздней империи или фактический политеизм средневековой христианской Европы с его культом бесчисленных местных святых. Провинциальные божества, первоначально отдельных родовых и этнических групп, вошли в состав инкского пантеона в качестве рядовых его членов, а Солнце/Виракоча или, точнее, Солнце/Виракоча/Пачакамак возглавили весь этот сонм божеств.

Божества-первоначально назывались в древнем Перу уака. Каждый уака был воплощен в каком-нибудь материальном объекте, в который превратился соответствующий мифологический персонаж или в котором он скрылся по завершении эпохи творения. Такими объектами чаще всего бывали камни, холмы, древние руины. Первоначально ассоциировались также с источниками, озерами, а на морском побережье – с островками и скалами. Особенно важной разновидностью уака являлись духи высочайших, покрытых вечными снегами горных вершин – уамани. Отдельные этнические группы имели собственных уамани, так что именно это слово было приспособлено инками для выражения понятия «провинции» – крупнейшего после четырех суйю административного подразделения внутри государства.

Влияние уака в доиспанском Перу соответствовало военной и экономической мощи связанных с ними коллективов, чье соперничество переводилось на язык мифа и ритуала. В то же время удачное колдовство или пророчество, сделанное от имени определенного уака, становилось существенным козырем в политической игре. Соподчинение уака часто

находило отражение через систему фиктивных родственных связей, что мы уже видели на примере «жены» и «сыновей» Пачакамака. На побережье и в прилегающих горных областях Пачакамак считался верховным главой уака и занимал такое же положение, какое отводилось Солнцу/Виракоче в Куско. Известен миф о том, как Тупак Юпанки созвал на совет уака со всего государства, прося помочь победить мятежников и грозя сжечь храмы тех божеств, которые откажут ему в содействии. Поддержать Инку вызвался один из уака народа яуйо, за что Инка передал в дар соответствующему храмовому хозяйству пятьдесят янакона. Сам Пачакамак вступить за Инку не мог: его активное вмешательство в земные дела грозило бы уничтожением всему мирозданию.

Фетиши, символизировавшие главных покровителей этнических групп со всей империи, были собраны в Кориканче или имели в Куско отдельные святилища. Провинциальные божества находились здесь на положении таких же почетных заложников, как и обязанные жить в столице империи сыновья курака. Привезенным сюда из провинции узка приносили жертвы до тех пор, пока соответствующий народ сохранял верность империи.

Ритуал великого жертвоприношения

Идеологическое единство древнего Перу, бывшее следствием и одновременно условием сохранения политической целостности страны, свое самое яркое выражение нашло в ритуале капак хуча – Великого жертвоприношения. Раз в четыре года, а также во время тяжелых бедствий (например, по случаю междоусобной войны сторонников Атауальпы с приверженцами Уаскара) по всей стране отыскивали детей лет десяти, лишенных каких-либо физических недостатков. Их могли посылать в Куско из всех четырех суйю империи либо из какой-то конкретной местности, чьи жители срочно нуждались в поддержке божественных сил. Выбор кандидата зависел и от положения родителей и родственников ребенка, ибо участие в капак хуча обеспечивало последним уважение окружающих на несколько поколений вперед. Детей могли принести в жертву в Кориқанче или в загородном святилище Уанакаури, но если Инка стремился вознаградить отправителей жертвы, он возвращал ее домой, где и устраивалась церемония. В известном нам случае курака селения Окрос близ Аякучо отправил в Куско свою посвященную солнцу десятилетнюю дочь. В награду за то, что ее отец организовал постройку важного оросительного канала, девочка была не только принята в Куско со всевозможными почестями, но и отослана назад. Близ ее родного селения на вершине горы устроили шахтовую гробницу, в которой избранницу солнца замуровали вместе с сосудами и украшениями. В могилу вела медная трубочка усну, через которую погребенную символически поили водой. Принесенная в жертву девочка превратилась в местное божество, которое почитали особыми церемониями в начале и в конце сельскохозяйственного сезона. Ее младшие братья и их потомки стали жрецами нового оракула, вещая фальцетом от имени погребенной. Отец девочки получил повышение, став главой всех соседних курака.

Слово «усну», обозначающее трубочку, ведущую с поверхности земли в склеп, читателю уже встречалось. Так называлось возвышение посреди площади, стоя на котором Инка совершал ритуалы. В обоих случаях перед нами вариант образа космической оси, соединяющей ярусы мироздания и проходящей через центр земного круга. Во многих мифологиях с подобной осью связан и приносимый в жертву антропоморфный персонаж.

В 50-60-х годах в пустынных горных районах на границе Аргентины и Чили были впервые обнаружены необычные захоронения, связанные, по

всей видимости, с ритуалом капак хуча. На вершине горы Эль-Пломо (5430 м над уровнем моря) нашли замерзший труп сидящего мальчика 8-9 лет, а на пике Эль-Торо (более 6300 м) – юноши 15-18 лет. Предметы и украшения, оказавшиеся рядом с человеческими останками, богатые шерстяные одежды позволяют уверенно датировать находки временем инков. Здесь же на горных вершинах, поблизости от могил, оказались каменные постройки – очевидно, святилища. Одно из них ориентировано по линии север – юг, а ось другого направлена на точку восхода солнца, соответствующую дню декабрьского солнцестояния для данной широты.

Мальчик, по оценке медиков, был помещен в могилу еще живым в состоянии наркотического транса или алкогольного опьянения. К вершине он поднимался сам, отморозив по дороге кончики пальцев. Что касается юноши, то его в последний момент убили ударом в затылок. Обе жертвы отличались правильностью черт лица и отсутствием физических недостатков. Судя по одежде, это были не представители коренного населения южных Анд, а, скорее, митмак, переселенные из западной Боливии или южного Перу. В прилегающих к Эль-Торо и Эль-Пломо долинах поселений не обнаружено. От одной из этих гор ближайшая современная деревня расположена в 200 км, и весь окрестный район мало пригоден для хозяйственной деятельности. Совершенно ясно поэтому, что совершавшиеся на горах церемонии имели не местное, а чуть ли не общеимперское значение. Превратившиеся в божества и вознесенные на высочайшие вершины жертвы должны были, по-видимому, осенять своей благодатью все южные провинции государства.

Как показал Т. Зойдема, в погребении по обряду капак хуча сконцентрированы основные андские символы, отражающие представления о плодородии, жизни и дающих жизнь первопредках: гора, бассейн и источник (ведущая в склеп трубка), возлияние воды. Но еще важнее выявленные им политические аспекты жертвоприношения, подчеркивавшие роль Куско как общерегионального центра. Путь предназначенного в жертву ребенка из столицы домой проходил (в максимально возможном приближении) по прямой линии, нередко по бездорожью, через реки и горы. Подобная идеальная прямая совпадала с одним из секе, т. е. с одной из тех воображаемых радиальных линий, которые расходились во все стороны от Куско и соединяли главный храм города с разбросанными по стране святилищами.

Недавние археологические исследования в разных районах Перу, изучение планов поселений, геоглифов (гигантских рисунков и линий на земле), граффити на стенах построек и т. п. свидетельствуют о широком и

древнем распространении здесь выражаемых через секе представлений о мире. В подобной картине отмечены центр и точки на горизонте, на которые направлены расходящиеся лучи. Возможно, речь идет о пласте верований, общем для многих южноамериканских индейцев, ибо достаточно сходные идеи обнаруживаются в северо-западной Амазонии, население коорой в последние тысячи лет не имело с обитателями Центральных Анд каких-либо особенно тесных контактов.

В доинкский период системы секе носили локальный характер: «ось вселенной» проходила каждый раз через территорию того или иного этноса, через каждый алтарь в каждом храме. В имперскую эпоху локальные системы сохранились и даже возникли в новых, самими инками основанных городах. Ориентированные на алтарь-усну участки застройки с радиальной планировкой заметны на планах Уануко Пампа, Инка Уаси и других поселений. Однако теперь секе в каждой местности начинают восприниматься не только как самодостаточные, независимые системы, но и как отражение системы общеимперской – с центром в Куско. В ходе Великого жертвоприношения осуществлялась символическая связь столицы с провинциями путем перемещения некой нематериальной субстанции, плодоносящей силы, энергии, воплощенной в жертве-ребенке. Если же отвлечься от внешних атрибутов этого пышного и жестокого религиозного акта, то перед нами предстанет тот классический принцип передачи власти, на который опирается здание любой империи: сперва – из провинций в столицу, затем – от верховного правителя местному администратору.

Вертикальные связи в имперских структурах

Важнейшая черта ритуала капак хуча – радиальный характер движения. Т. д'Алтрой, один из ведущих специалистов по политэкономии древнего Перу, обратил внимание на преобладание вертикальных связей в организационных структурах инкского государства. Это касается в равной степени идеологии и экономики. Сельские районы поддерживали контакты с центрами провинций, провинциальные столицы – с общеимперской, но ни в коем случае не друг с другом. Развитие горизонтальных связей умалило бы значение общегосударственной вершины иерархической пирамиды, ибо ее мощь зиждилась на навязанных обществу центральной властью посреднических услугах.

Даже наличие особого самостоятельного центра «духовной» власти в Пачакамаке создавало угрозу для имперской структуры. Существует гипотеза, что за роковым для инков эпизодом борьбы за трон между Уаскаром и Атауальпой скрывалось подспудное противостояние жрецов побережья (на которых ориентировались Тупак Юпанки и Уаскар) и тех кругов, чьи интересы были связаны преимущественно с горными районами южного Перу и северо-западной Боливии (линию Пачакути здесь продолжали Уайна Капак и Атауальпа). Но если при наличии одного-двух дополнительных по отношению к Куско центров Тауантинсуйю еще способна была сохранять стабильность и равновесие, то возникновение более сложных политических и хозяйственных, горизонтальных в частности, связей неизбежно привело бы к попыткам усилившихся в таком случае провинций присвоить себе столичные прерогативы, что означало бы развал и крах империи.

Мумифицированная после жертвоприношения девушка La Doncella, найденная при раскопках горы Льюльяльяко

Противодействие прямым контактам между колониями или провинциями, ревниво оберегаемое господство метрополии или столицы в идеологической, хозяйственной и политической сферах есть столь же типичная для любой империи черта, как и претензии на владычество в мире. Именно эта особенность наиболее явно отличает империю от равного ей по площади и количеству населения государства иного типа. Стремление к созданию строго иерархических, централизованных, пирамидальных структур имперского образца прослеживается не только в древних, но и в гораздо более близких нам по времени государствах, если те устанавливают военный контроль над обширной периферией. Так, абсурдная с точки зрения потребностей развития экономики Нового Света политика европейских правительств, мешавших отдельным американским владениям торговать друг с другом и производить у себя определенные виды продукции, обретает смысл, если видеть ее задачу не просто в

обогащении метрополий, но и в укреплении колониальных сверхдержав XVI—XVIII веков.

Было бы наивно адресовать моральные упреки имперским властям в осуществлении колониального грабежа. Подобные методы эксплуатации и управления соответствуют определенной политической реальности. Включенные в состав империи общества оказываются связаны между собой ровно настолько, чтобы быть вынужденными подчиняться центру, но недостаточно для того, чтобы слиться в единый хозяйственный и этнический организм. Происходящие в империях процессы противоречивы: они содействуют формированию новых исторических общностей людей и одновременно заставляют угнетаемые провинции стремиться к обретению независимости. Истории не известны примеры превращения империй в типологически более развитые и органически целостные государства. Оказавшись в полосе кризиса, все империи либо совершенно распадались, либо по крайней мере утрачивали национальные окраины.

Имперская идеология

Большинство евразийских империй эпохи средневековья и Нового времени возникло на основе таких идеологий, которые не прямо выросли из первобытных верований, а были созданы путем глубокой переработки народных мифов, ритуалов и представлений. Работа эта носила творческий и во многом авторский характер, осуществлялась небольшими коллективами под руководством отдельных выдающихся личностей. Многие же системы такого рода вообще появились благодаря ревизии идеологий, уже созданных ранее.

Сформировавшиеся в напряженной социальной атмосфере вторичные идеологии были вызваны к жизни необходимостью решения сложнейших проблем бытия, легко приобретая тем самым общечеловеческое звучание, наднациональное содержание «мировых религий» как своими масштабами, так и доминированием некоторой центральной, основополагающей идеи или цели, что превосходно соответствовало имперской форме государственности, при которой множество народов и прежде независимых политических единиц оказываются под единым управлением.

Каждая империя в чем-то так же неповторима, как связанная с ней идеология. Империи иногда наследуют ранее использовавшиеся идеологические системы, но непременно трансформируют их сообразно новым потребностям. Распространение единой системы в двух разных современных друг другу империях вызывает, однако, либо попытки одного политического объединения поставить другое под свой контроль, либо ведет к идеологическому расколу. История взаимоотношений в эпоху средневековья христианских и мусульманских государств на Западе и Востоке или в недавнее время Китая и СССР дает тому красноречивые примеры.

Идеологическое единство инкского государства, равно как и древневосточных держав, имело иной характер, шло не столько сверху (пропаганда нового мировоззрения), сколько снизу (возникшее раньше сходство народных верований и фундаментальных религиозных установлений на основной территории сверхдержавы). Насколько известно, жрецы Куско и Пачакамака еще не делали попыток реформировать эту систему, а лишь поддерживали в ней своего рода «осмотическое давление»: организовывали ритуалы и массовые церемонии, предсказывали устами оракулов будущее. Испанцы явились

прежде, чем в древнем Перу успели родиться местные Заратуштра, Конфуций или Эхнатон. Отсутствие в Андах развитой религии евразийского уровня, архаизм многих культов, не исключавших принесения человеческих жертв (хотя и гораздо более редких, чем в Мексике или в перуанских культурах I тыс. н.э.), обусловили слабость древнеперуанской идеологии перед лицом католичества. Все это могло бы привести к ее почти полному вытеснению христианством, если бы представления индейцев о мире не отличались от европейских столь кардинально и глубоко. И здесь архаизм, самобытность и народные, догосударственные корни андской религии стали ее сильной чертой, обеспечили выживание.

Астрономия индейцев центральных Анд

Представления индейцев о небесных светилах – вопрос, не связанный напрямую с нашей темой. Знакомство с этой стороной традиционной андской культуры хотелось бы, однако, назвать поучительным. Здесь особенно ярко проявились оригинальные и неповторимые черты древнеперуанской цивилизации, о которых нельзя забывать, даже рассматривая эту же самую цивилизацию как пример закономерного формирования не раз возникавших в истории политических структур.

Одной из важнейших задач традиционной идеологии в Андах было регулирование календарно-хозяйственного цикла, сохранение стихийно выработанных оптимальных способов эксплуатации природной среды.

Естественной основой календаря было в древнем Перу, как и повсюду, наблюдение за небосводом. Долгое время индейская астрономия оставалась слабоизученной, а уровень ее развития оценивался исследователями весьма низко. Переворот в наших взглядах произошел в 1970-х годах, причем решающую роль сыграли работы американского этнографа Г. Эртона.

Г. Эртон – ученик упоминавшегося Т. Зойдемы. Начиная с 1973 год в Эртон и Зойдема, к которым позже присоединился астроном Э. Авени, предприняли исследование индейской астрономии и календаря с использованием не только материалов хроник, но и данных по современной этнографии кечуа. Для стационарных работ Эртон выбрал небольшую деревушку Мисминай, находящуюся неподалеку от Куско в схожих с ним климатических и ландшафтных условиях.

Согласно устоявшимся взглядам, астрономия инков представляла собой разрозненные знания о движении главных небесных объектов и по своей сложности существенно уступала соответствующим системам, возникшим в Старом Свете и в Мезоамерике. В знакомых нам астрономических и календарных системах понятия эклиптики, зодиака, первостепенная роль чисел 7 и 12 в разного рода циклах распространены столь широко, что их отсутствие в Андах казалось не чем иным, как следствием крайнего примитивизма. Между тем попытки исследователей выявить за отдельными фактами упорядоченную систему заходили в тупик лишь потому, что существовало заранее готовое и, как стало ясно, неверное мнение, какой эта система должна или может быть.

Г. Эртон показал, что за истекшие после европейского завоевания 450

лет в календарно-астрономических представлениях кечуа произошли определенные изменения, распространились испанские названия некоторых объектов. Может быть, чаще, чем раньше, созвездия стали мыслиться имеющими форму креста, хотя нельзя исключить, что все подобные кресты – доиспанского происхождения (все, кроме одного, отличны по форме от католического; некоторые изображены на рисунке Пачакути Ямки Салькамайуа, уже упоминавшегося автора одной из написанных по-испански хроник начала XVII века). Также после конкисты совершенно исчезли временные циклы длительностью более 15 лет (они существовали у инков, хотя рядовые крестьяне могли быть с ними плохо знакомы). В целом, однако, космология индейцев кечуа осталась чуждой европейской, продолжая следовать основным принципам инкских и еще более древних календарно-астрономических представлений.

Первостепенным небесным объектом в этой космологии считается Млечный Путь («Майю» – Река), на котором или вблизи которого расположены все более мелкие значимые объекты. Положения Майю в периоды, когда в результате вращения земли ось Млечного Пути максимально отклоняется в ту и в другую сторону от линии Север – Юг, отмечают границы, членящие мир на четыре сектора. На земле примерно под тем же углом пересекаются две центральные улицы селения (и продолжающие их дороги) и оросительные каналы. Они делят земной круг на половины и четверти, каждая из которых обладает определенными имманентными свойствами и связана с одним из мифологических персонажей. Разграничительные линии направлены не по основным сторонам Света, а примерно с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток, т. е. так же, как проходили границы между инкскими суйю. Небесная река отражается или продолжается на земле в виде Вильканоты (Урубамбы) – главной водной артерии области Куско, текущей с юго-востока на северо-запад. Считается, что солнце совершает свой ночной путь под дном Вильканоты и насыщается ее водами. Зимой солнце пьет мало и остывает, поэтому в это время сухо и холодно.

В астрономии кечуа выделяются не столько созвездия в нашем понимании, сколько пятна межзвездной пыли, заметные темным силуэтом на Млечном Пути. Эти «черные созвездия» носят названия животных. Вставая из-за горизонта, животные как бы преследуют друг друга. Самые заметные темные пятна сосредоточены в той части неба, которая в умеренных широтах Северного полушария не видна (только два пятна, Угольные Мешки, имеют свое название в европейских языках). Напротив, в Перу в период декабрьского (т. е. летнего для Южного полушария)

солнцестояния, когда солнце встает и садится там, где Майю пересекает линию горизонта (очень важное для данной системы обстоятельство), все значимые для кечуа темные пятна («черные созвездия») поднимаются высоко над землей в южной половине неба.

Противолежащие небесные объекты, удаленные друг от друга примерно на 180° , обычно считаются связанными и иногда называются одинаково. Уже говорилось, что как Плеяды, так и группа звезд в хвосте созвездия Скорпиона носят название Колька (складское помещение в виде круглой башни). Оба скопления имеют отношение к началу сева (июнь-июль). Понятие эклиптики кечуанской астрономии не известно. В зависимости от высоты солнца над горизонтом в разное время года мир делится на три сегмента, границы между которыми образованы линиями, соединяющими точки восхода и захода в определенные дни. Смысл этого деления в том, что разные сегменты связаны с периодом сева и с периодом сбора урожая. В древнем Куско к западу от города на гребне горы стояли каменные столбы, по которым, ведя наблюдения от главного храма города, жрецы определяли, в каком сегменте находится солнце.

Важное значение имеют наблюдения кечуа за синодическим и сидерическим циклами луны, хотя здесь не все удалось выяснить. Видимо, индейцы полагают, что луна влияет на урожай, причем в период ее возрастания следует сажать растения, дающие плоды над землей (кукурузу, фасоль), а в период убыли – подземные клубни. Это последнее представление широко известно в Евразии и могло быть заимствовано от испанцев. Понятие фаз луны (если иметь в виду четко фиксированные дискретные отрезки) отсутствует. Ночное светило имеет две сущности, субстанции – «ванью» (темное, безжизненное) и «пура» (светлое, оживленное); это как бы два диска, попеременно закрывающие один другого. Важной стороной лунной космологии является мистическая связь ночного светила и женщин.

Время между заходом и восходом солнца кечуа делят на сумерки, ночь и рассвет, причем каждое из этих понятий характеризует еще и целую область неба с находящимися там звездами и планетами в зависимости от расположения ее по отношению к солнцу. При изменении положения солнца среди звезд меняются соответственно и светила, составляющие ту или иную категорию. Так, утренней или вечерней звездой может считаться не только Венера, но и любая яркая звезда, оказавшаяся в «рассветной» или «сумеречной» части небосклона.

Космологии с нечетким разделением отдельных объектов и целых их классов характерны для первобытных культур. Но это само по себе не

свидетельствует об их непригодности для практических целей. У кечуа на основе подобной системы сроки проведения полевых работ определяются как раз с такой точностью, с какой того требуют климатические условия района Куско. Что же касается определения времени с большей точностью (до дня), то и оно не составляет проблемы в силу «избыточности» андской астрономии: расположение обычных и «черных» созвездий, отдельных звезд, солнца и луны предоставляет индейцам возможность прийти к одному и тому же выводу разными способами, что уменьшает ошибку. «Астрономическая избыточность» напоминает отмеченную Е. М. Мелетинским избыточность первобытной мифологии, в которой одно и то же сообщение передается с высокой надежностью, поскольку закодировано несколькими способами.

Череда «трудов и дней», от следования которой зависит существование андских индейцев, чрезвычайно сложна. Она включает по крайней мере 18 видов важнейших сельскохозяйственных работ продолжительностью от полутора-двух недель до двух с половиной месяцев и охватывающих весь год. Обеспечивает всю эту деятельность народный календарь, основанный на постоянных наблюдениях за небом. Ни один из выявленных Г. Эртоном различимых для кечуа небесных объектов (а их, помимо солнца и луны, 50) не остается незадействованным. Иначе говоря, данная календарно-астрономическая система, по всей видимости, близко сходная с инкской, носит ярко выраженный прикладной характер и в этом отношении достигла высокого совершенства. Надо полагать, что андская астрономия так же хорошо удовлетворяла нужды создавшей ее цивилизации, как и астрономия майя или египтян.

Познакомившись с андской астрономией, удастся лучше оценить своеобразие того культурно-этнографического фона, на котором возникла инкская цивилизация. Но именно это своеобразие оттеняет универсальные черты империи Тауантинсуйю, позволяет заметить сходство многих ее институтов с теми, которые всем хорошо знакомы по учебникам истории и даже по собственному опыту.

В следующей главе речь пойдет о дальнейшей судьбе андских индейцев после испанского завоевания и об осмыслении «инкской идеи» в контексте идеологических течений XX века.

Колониальные владения Испании и Португалии в Южной Америке

Глава V

Наследие инков

Экономическая неконкурентоспособность индейских культур как причина их исчезновения

Испанская монархия бездарно распорядилась попавшими в ее руки сокровищами. Добытое в Америке золото и серебро обогатило, как известно, не пиренейские страны, а английских, позднее – также голландских и французских пиратов и купцов. Что же касается индейцев, то их культурам был нанесен непоправимый урон. Лишь отдельные небольшие этносы вроде чилийских арауканов, эквадорских хиваро или панамских куна успешно отстаивали независимость на протяжении всей колониальной эпохи, хотя и они многое утратили из древнего наследия, а кое-что – заимствовали от европейцев. В большинстве же районов Латинской Америки сложились новые, так называемые креольские, общества, облик которых южноевропейская (а местами и африканская) традиция определила в большей мере, чем индейская.

Почти одновременно с покорением Нового Света португальские и испанские торговцы, миссионеры и солдаты пробовали утвердиться в той самой Азии, куда они собственно и стремились, когда предпринимали плавания на запад. Попытка эта, несмотря на отдельные временные успехи, в целом кончилась неудачей. Ни языки, ни в большинстве случаев религия и культура христианской Европы не пустили прочных корней на западных берегах Тихого океана или в Индостане. Почему же это удалось в Новом Свете и почему только для индейцев Америки встреча с конкистадорами имела столь трагические последствия?

Пытаясь ответить на подобный вопрос, историки прошлого не понимали порой его сути. Их интересовали обстоятельства военного поражения индейских племен и государств, установления в Новом Свете колониального господства европейских держав. Однако утрата политической независимости вовсе не всегда влечет за собой потерю этнической самобытности. Сто лет назад никто не подозревал, насколько эфемерными окажутся колониальные империи. Или еще пример: некоторые народы Балкан, Передней Азии или восточной Прибалтики столетиями находились или находятся под чужим управлением, но не утратили ни самобытной культуры, ни желания обрести независимости. Аборигены Америки, уступившие натиску всадников, мушкетеров и немногих пушек, устранившись от пришельцев, показавшихся поначалу похожими на демонов или богов, в дальнейшем тоже могли бы свергнуть навязанные

извне порядки, опираясь хотя бы на свою превосходящую численность. Подсчитано, например, что в Чили до появления в конце прошлого века новых иммигрантов из Европы число лиц, прибывших в эту страну из-за океана, относилось к числу потомков аборигенов примерно как 1 к 10. Сходное положение было и в ряде других стран Южной и Центральной Америки. В облике многих латиноамериканцев, связанных преимущественно с европейской культурой, нетрудно заметить сильную индейскую примесь. В колониальный период этот индейский компонент был еще более значительным.

Весомость доли индейских генов в формировании латиноамериканских популяций несколько подрывает и гипотезу о занесенных пришельцами болезнях как основной причине исчезновения традиционных американских культур, хотя в отдельных районах эпидемии действительно привели здесь к почти полному вымиранию аборигенов.

До конкисты заразных эпидемических заболеваний в Новом Свете практически не было. Это не значит, что люди отличались уникальным долголетием и здоровьем. Судя по материалам погребений, среди жителей Теотиуакана, например, крупнейшего доацтекского города Мексики, смертность превосходила рождаемость. Этот город, как и другие урбанистические гиганты средневековья и древности, существовал только благодаря притоку переселенцев из сельской местности. Главной причиной высокой смертности в индейских городах была, как и повсюду, антисанитария, которая способствовала, в частности, заражению людей различными паразитами. О широком распространении подобных заболеваний свидетельствуют и материалы III тыс. до н.э. с побережья Перу.

Высказывалось предположение, что все эпидемические болезни Старого Света в конечном счете получены человеком от домашних животных. Они являются своеобразной платой за освоение скотоводства, почти не получившего развития по западную сторону Атлантики. Так это или нет, но к эпохе великих географических открытий у народов Старого Света выработался иммунитет к эпидемиям, отсутствовавший у индейцев. Большинство индейских обществ болезни ослабили еще до того, как аборигены напрямую встретились с европейцами. Например, в Луизиане французы застали едва десятую часть обитателей, живших на юго-востоке США в период первых испанских экспедиций к северному побережью Мексиканского залива. Государство инков не составило исключения. В 1525 году, опередив на шесть лет Писарро, в Центральных Андах разразилась эпидемия какой-то неизвестной ранее болезни, от которой

скончался и сам император Уайна Капак.

У теории вымирания индейцев от болезней есть, однако, одно слабое место. Через 50—100 лет после конкисты аборигены некоторых областей совершенно растворились в новой иноязычной и инокультурной среде, тогда как другие, также пораженные эпидемиями, продолжали отстаивать свою самобытность.

Индийская культура безоговорочно уступила позиции прежде всего там, где ее хозяйственная основа оказалась наименее конкурентоспособна по отношению к формам экономики, пересаженным из Европы на американскую почву. В доколумбовых обществах Мексики, США, Бразилии демографический рост был ограничен нехваткой белков животного происхождения, а белковый компонент растительной пищи также уступал по качеству тому, который содержится в злаках Старого Света. Последнее касается не только клубнеплодов, но и самого распространенного вида зерновых, кукурузы, тогда как высокопитательные амарант и киноа не были достаточно урожайны, чтобы составить основу диеты. Европейцы, привезшие с собой домашний скот и пшеницу, получили поэтому важные преимущества. Они начали вытеснять индейцев с их земель примерно так же, как на заре становления производящего хозяйства земледельцы и скотоводы, пришедшие из Передней Азии, осуществляли свою экспансию за счет территорий, занятых европейскими охотниками и собирателями. Домашние животные, которых европейцы ввезли в Америку, использовались не только на мясо, но и в качестве тяглого и транспортного средства, источника органических удобрений и т. п. Натиску лошадей, коров и овец американским аборигенам противостоять было труднее, чем пушкам и ружьям их хозяев.

Хозяйственная неполноценность индийских обществ перед лицом завоевателей обернулась их социальной и культурной неконкурентоспособностью, особенно в условиях превосходства христианской религии над местными культами. Сохранение традиционного образа жизни обрекало индейцев на малочисленность и отсталость. Заимствование же европейских нововведений сопровождалось утратой древних обычаев, возникновением чувства стыда за свою этническую принадлежность, стремлением к ассимиляции.

Лишь немногие племена сумели быстро перенять европейские сельскохозяйственные навыки, не разрушая основ собственного мировоззрения, а лишь приспособив его к изменившейся обстановке. Араваки гуахирос на границе Колумбии и Венесуэлы уже через несколько десятилетий после первых контактов с испанцами развили у себя

полноценное скотоводство и создали новую самобытную культуру, отличную как от европейской, так и от доколумбовой. Результат налицо: сейчас гуахино, ничтожная в XVI веке маргинальная группа, оттесненная на засушливый полуостров более многочисленными народами, – крупнейший индейский этнос на всей территории между майя и кечуа. Не столь быстро, но в общем тоже успешно, переориентировали свою экономику арауканы центрального Чили, насчитывающие ныне около полумиллиона человек.

Уникальное положение андских индейцев в послеколумбовой Америке

Из всех народов Нового Света лишь обитателям Центральных Анд не было необходимости ни перестраивать собственное хозяйство с оглядкой на европейцев, ни отступать под натиском новых форм экономики. В Древнем Перу сложилась такая хозяйственная система, которая обеспечивала ее создателям сбалансированное питание и в обозримой перспективе стабильный демографический рост. Главной ее особенностью было сочетание земледелия со скотоводством. Причем если в засушливых оазисах побережья и в теплых горных долинах европейские породы скота оказались практичнее ламы, то на холодном плоскогорье завезенные виды с местными соперничать не могли. Соответственно испанские язык и культура вытеснили индейские в низменностях, но не сумели этого сделать в горах. Сохранив традиционную экономику, индейцы отстояли, таким образом, и собственную культуру. Примерно из 30 млн американских аборигенов более половины живут сейчас в горных местностях от Эквадора до Боливии. В определенном смысле кечуа и аймара больше напоминают некоторые народы Азии, чем остальных индейцев. Проблемы, с которыми они сталкиваются, порой ближе проблемам Филиппин или Камбоджи, чем Бразилии или Никарагуа.

Но хотя потомки инков сумели противостоять ассимиляции, они все же не смогли отстоять независимость. Их общество утратило самостоятельность, став частью колониального, а затем – республиканского общества, в котором индейцы заняли нижние этажи социальной иерархии. Тем самым коренные обитатели Анд оказались под действием стресса, который закономерно порождает определенную форму идеологии, так называемые «кризисные культы».

Кризисные культы

Термин «кризисный культ» ввел в начале 70-х годов У. Ла-Барр – известный американский этнограф, долго работавший, в частности, среди индейцев Боливии. Он предложил обозначить так самые разные мессианистские и милленаристские (т. е. стремящиеся к созданию «тысячелетнего» царства благоденствия) движения от культа карго в Меланезии до раннего христианства и от «Пляски Духов» у индейцев прерий до нацизма и коммунизма.

Кризисные культы представляют собой массовые аффективные, иррациональные движения, ставящие себе целью преодоление трудностей, выход из тупика в условиях, когда решение задачи разумными способами невозможно или же требует от общества таких усилий и самоограничений, на которые оно пойти не готово. Адепты кризисных культов не в состоянии избавить людей от раздражающих негативных явлений, но создают иллюзию избавления. Как правило, кризисные культы претендуют на способность преодоления не только частных трудностей (непосредственных причин, породивших то или иное из подобных движений), но и на решение основных проблем бытия, обретение смысла жизни и победу над смертью. Они сулят вечное счастье и благосостояние своим сторонникам и гибель всем, кто противостоит движению или равнодушен к нему. Только постановка подобных «сверхзадач» и дает возможность мобилизовать множество сторонников, на время забыть о реальных страданиях и потерях, масштабы которых во ввергнутом в пароксизм обществе лишь возрастают. Адепты кризисных культов всегда борются, таким образом, за иллюзорную цель, но против конкретного врага.

Отдельные элементы кризисных культов можно отыскать почти в массовом национальном или социальном движении. Многие из этих движений в дальнейшем становились более прагматически ориентированными, вписывались в существующие социальные структуры или создавали новые. Так возникали, в частности, и все великие идеологии, использованные создателями империй в Европе и Азии. Однако чем менее достижима цель, которую общество ставит перед собой, тем более крайние формы приобретает его идеология и выступления ее носителей. Взаимоотношения среди адептов кризисных культов и внутри других выпавших из устоявшихся социальных структур групп, механизм

возвращения в нормальное повседневное состояние подробно исследованы английским этнологом В. Тэрнером. Столкновение культур и цивилизаций порождает благоприятную для возникновения кризисных культов стрессовую ситуацию. С началом эпохи великих географических открытий распространение западноевропейской христианской цивилизации по всему миру поставило под угрозу традиционные устои многих народов и в конечном счете привело к распаду вековых политических и хозяйственных связей. Старые религии и культы оказывались в таких случаях бессильны перед натиском чуждой идеологии, опиравшейся на мощь и авторитет технологически более развитой цивилизации. Поэтому в кризисных культурах нередко причудливо смешивались древние местные верования и христианские мотивы. Последние получали новое звучание, переключавшееся до известной степени с первоначальным, поскольку и само христианство возникло когда-то в сходных условиях.

Четверть века назад, например, среди индейцев гуайми на западе Панамы распространился культ Мамы Чи – пророчицы, которой являлись, по ее словам, Иисус и Дева Мария. Адепты этого культа надеялись на исчезновение европейцев, старались оградить себя от влияния неиндейской культуры, проповедовали эгалитаризм. В Парагвае кризисная идеология повлияла на современные верования индейцев мака. В 30-х годах этим индейцам много помогал генерал Иван Беляев – русский эмигрант на парагвайской службе, выигравший войну с Боливией и немало сделавший для защиты аборигенов. После смерти Беляева мака признали его сыном Бога и братом Иисуса Христа. Шаманы стали звонить ему на «пятое небо» по невидимому телефону и получать советы. У бразильских индейцев тупинамба еще до Колумба были распространены представления о «стране без зла». С появлением французов и португальцев эти верования приобрели новый смысл. Бросая свои деревни, тупинамба отправлялись за тысячи километров в надежде обрести рай. В 1549 году группа этих индейцев добралась до провинции Чачапояс в Перу, преодолев несколько тысяч километров вверх по Амазонке и Укаяли. В американских прериях более ста лет назад распространилось пророчество, предрекавшее невиданное землетрясение. Белые после него погибнут, а их имущество достанется индейцам. Немного позже к пророчеству добавилась еще одна важная деталь: те индейцы, которые отказываются в него верить, погибнут вместе с белыми.

Нетрудно привести и другие подобные примеры, причем не только из истории аборигенов Америки или Новой Гвинеи. Так, классическую форму кризисного культа приняло восстание ихэ-туаней (1898—1901),

лозунги которого были до известной степени воскрешены в годы китайской Культурной Революции.

Кризисные культы – явление универсальное, свойственное человеческим коллективам любой величины и стоящим на самых разных ступенях развития. Вполне естественно поэтому, что они поразили и перуанское общество, которое с момента кончины Уайна Капака в 1525 году подвергалось одному потрясению за другим.

Беляев Иван Тимофеевич – русский генерал, почетный гражданин Республики Парагвай. Участник Чакской (парагвайско-болливийской) войны. Исследователь области расселения, языка и культуры индейцев чако, борец за права и просветитель парагвайских индейцев

Индейцы перу в колониальный период

После занятия испанцами Куско в 1533 году удаленные от него провинции империи, как уже говорилось, еще лет двадцать пытались жить по старым обычаям. Власть оставалась в руках курака, выступавших в двуединой роли законных администраторов еще формально существующего государства Тауантинсуйю и наследников прежних местных династий. В некоторых областях больше подчеркивалось сохранение инкских порядков, в других – разрыв с культурой Куско.

Обитатели долины Ика, например, увидели в испанцах избавителей от инкского владычества. Сведения об этом, содержащиеся в письменных источниках, подтверждают в данном случае и археологи, отметившие возрождение в Ике доинкского стиля в гончарстве. Продолжала на провинциальном уровне функционировать хозяйственная система Тауантинсуйю. Уанка по крайней мере все еще свозили продукцию на построенные при инках склады.

В раннеколониальное время сказались этноязыковые последствия столетнего правления Куско. Начавшая формироваться в Тауантинсуйю новая общность поглощала мелкие этносы. И без того сложная этноязыковая карта оказалась к приходу испанцев испещрена бесчисленными вкраплениями переселенцев-митмак. В этих условиях кусканско-аякучанская разновидность языка кечуа стала естественным средством общения как между самими индейскими общинами, так и между индейцами и европейцами, в первую очередь – священнослужителями. Лукина, мучик, кульи исчезали. Сохранили, да и то не везде, свои позиции лишь язык аймара и диалекты кечуа В/1.

Поколение индейцев, выросшее в период гражданских войн и знавшее теперь лишь от родителей о жизни в Тауантинсуйю, стало идеализировать уже не существующую империю инков. Характерные для нее социальные и этнические противоречия забывались. Зато все помнили о царивших в ту пору порядке, справедливости и благополучии. После того как надежды провинциальной знати сохранить при испанцах фактическую независимость не оправдались, значительно возрос престиж инкской культуры и за пределами области Куско. Есть данные в пользу того, что на 1565 год приходилось, по представлениям инков, завершение крупного, может быть, тысячелетнего временного цикла. В канун его индейцы стали ждать конца света, предшествующего наступлению новых счастливых

времен. Именно тогда в Андах и вспыхнуло первое движение милленаристского типа – таки онкой. Оно охватило территорию от центрального Перу до горной Боливии, т. е. районы, испытывавшие на себе наиболее мощное воздействие культурных и социальных институтов Тауантинсуйю.

К таки онкой примкнули как общинники, так и городские индейцы – янакона. Участники движения верили, что уничтоженные испанцами уака возродились или возродятся в ближайшем будущем, чтобы составить две армии: одна будет состоять из тех, кто связан с Пачакамаком, другая – из уака, почитавшихся на юге горной области. Обе армии соединятся во время решающей битвы с христианским богом и отомстят за свое поражение в годы конкисты. Бог будет уничтожен, а вместе с ним и испанцы.

Чтобы обеспечить эту победу, уака посеяли червей, которые пожрут сердца европейцев, их лошадей и быков, а также принявших христианство индейцев. Те, кто хочет спастись, должны отказаться от крещения, от испанских обычаев и европейских орудий. Если раньше уака бывали воплощены в идолах и фетишах, то теперь они вселяются в верных последователей нового культа. Признаком такого вселения служит экстатическое состояние, в которое впадает новообращенный – отсюда и название движения, означающее что-то вроде «Плясучий недуг».

Движение таки онкой было связано с «Новоинкским царством» в Вилькабамбе и разгромлено вместе с ним в 1572 году. Открытое и массовое сопротивление принятию христианства на этом прекратилось, однако католичество отнюдь не вытеснило основ древнего мировоззрения в индейской среде. Слияния коренного населения и колонистов в один народ не произошло.

Вплоть до конца XVIII века в Андах еще оставались возможности ведения политической борьбы за возрождение индейской государственности и элитарной культуры. Потомки столичной и провинциальной знати Тауантинсуйю сохранили часть своих привилегий и в случае необходимости были способны воссоздать альтернативные испанским органы управления. Заимствуя некоторые европейские элементы, культура инков продолжала развиваться. О ее высоком уровне более всего свидетельствуют великолепные росписи на деревянных кубках-коро, а также «Апу-Ольянтай», появившаяся в колониальный период и разыгрываемая в европейской манере драма на сюжет из инкской истории. Однако предпринятая в 1780 году попытка достижения независимости закончилась трагически. Восстание на его главном этапе возглавил Хосе Габриель Кондорканки, принявший царское имя Тупак Амару II и

действительно бывший прямым потомком казненного в 1572 году Тупака Амару I, а следовательно, и всех предшествующих инкских императоров. Габриэль Кондорканки не обладал ни опытом, ни способностями военного вождя, да и не имел возможности руководить разрозненными выступлениями. Борьба за восстановление Тауантинсуйю вскоре вылилась в бессмысленное уничтожение всех, в ком была неиндейская кровь. Это оттолкнуло от движения метисов и способствовало поражению восстания. Отныне инкская культура, к которой раньше испанские колониальные власти в Лиме относились терпимо, стала систематически подавляться. Были конфискованы портреты Инков (в известном смысле заменившие собой древние мумии) и ритуальные трубы из морских раковин, запрещено ношение соответствующей одежды, большинство индейских аристократов выслано из Куско в Испанию или убито. Индейская элита в провинциях также потеряла свой статус, ассимиляция аборигенов усилилась.

Индийское милленаристское движение в XX веке

С разгромом восстания Габриэля Кондорканки инкская историческая традиция оборвалась. Осталась лишь глубоко укоренившаяся в крестьянских массах традиция мифологическая.

В XX веке по мере втягивания горных районов Боливии и Перу в общенациональные рынки и развития современной инфраструктуры давление на культуры индейцев продолжало расти. Духовные чаяния коренного населения Анд хорошо отражены в записанных несколько десятилетий назад легендах об Инкарри (Инкарей, т. е. Инка-царь). Инкарри – божество, олицетворяющее индейскую самобытность, типичный для кризисных культов персонаж. В битве с Королем, Иисусом или Президентом он терпит поражение; противник уносит его тело для захоронения в Испанию или Лиму. Отрубленную же голову хоронят в Куско, где от нее с тех пор отрастает новое тело. Когда Инкарри восстановит себя целиком, он поднимется и прогонит врагов с перуанской земли, после чего древнее царство справедливости возродится.

Хотя фольклорные тексты об Инкарри были обнаружены сравнительно недавно, легенда наверняка сложилась до начала XX столетия. Какие-то мотивы могли получить распространение уже после казни Тупака Амару I. Но наиболее вероятно, что миф оформился в период после подавления восстания Кондорканки, когда политическое наследие Тауантинсуйю было уничтожено и память об инках ушла в народную среду, став частью эсхатологической мифологии.

В 20-х годах XX века рядом с милленаристским движением, основанным на национальной идее, в Перу под европейским влиянием появляется и другое, коммунистическое. Для андских крестьян оба эти вида кризисных культов имели сходное содержание, ибо мысль о социальной утопии была неотделима от надежды на освобождение от власти чужеземцев. Декларировавший право наций на самоопределение Коминтерн поддержал в то время лозунг образования независимых республик кечуа и аймара. Выдвинувшее его восстание 1931 года было, как и все предыдущие, подавлено, но марксистские идеи продолжали и дальше оказывать определенное влияние на сознание индейцев.

С конца 1960-х годов в Перу становятся все заметнее признаки надвигающейся катастрофы. Наступление индустриальной цивилизации на индейскую экономику и культуру продолжалось и усиливалось. Так,

строительство автомобильных дорог и появление дешевых грузовиков вытеснило ламу как транспортное средство, разрушив просуществовавшую тысячелетия систему караванных связей между общинами. Глобальная тенденция к падению цен на сырье и утрата дешевым неквалифицированным трудом своего значения нанесли удар по и без того слабой экономике андских стран. Ухудшилось положение крестьян и городских низов. Унаследованный в конечном итоге еще от испанской монархии прежних веков бюрократический аппарат продолжал разрастаться, блокируя деятельность предпринимателей.

В 1968 году в Перу произошел военный переворот, в результате которого к власти пришла группа левонастроенных офицеров, пытавшихся реформировать общество на социалистических началах, как они их понимали. Подобно тому, как это случилось в 1960-70-е годы во многих странах «третьего мира», подобная политика на практике привела лишь к усилению государственного контроля во всех сферах и к еще большему экономическому упадку. Амбициозные реформы проводились сверху и не учитывали реальных потребностей и возможностей населения отдельных районов. Это касается прежде всего аграрной реформы, которая коренным образом положения индейцев не улучшила. Скорее, наоборот: проведенная под давлением сверху и по инициативе революционных агитаторов коллективизация повлекла за собой последствия хоть и не столь тяжелые и необратимые, но до известной степени напомиравшие те, которые она имела в СССР или Монголии в 1930-х годах. В начале 1970-х годов в Перу резко сократилось поголовье скота, особенно альпак, доходами от экспорта шерсти которых правительство рассчитывало отчасти покрыть расходы в других областях экономики, например финансировать ирригационные проекты. Трудности усугубили неожиданные зимние снегопады, в результате которых домашние животные остались без корма. Все это сопровождалось общим расшатыванием старых устоев в деревне в революционной атмосфере 1970-х годов.

В 1975 году в политической жизни Перу произошли новые перемены, был взят курс на либерализацию. Однако предпринятые шаги не соответствовали масштабности задач: последовала инфляция, а государственно-бюрократические методы управления экономикой продолжали по-прежнему широко использоваться. Началась массовая миграция крестьян-индейцев в города, прежде всего в столицу Перу – Лиму. Американская программа продовольственной помощи, распределяемой в крупных центрах, позволила выжить безработным, но одновременно способствовала дальнейшей миграции. Сотни тысяч людей,

утративших корни в деревне и лишенных надежды отыскать для себя достойное место в обществе, основанном на европейских ценностях, оказались идеальным материалом для распространения нового кризисного культа, сформировавшегося в конце 1970-х годов.

С 1980 года в Перу перешла к активным действиям террористическая организация «Сендеро луминосо» – «Сияющая тропа». Ее название – цитата из работы основоположника перуанской компартии Х. К. Мариатеги, но наибольшее влияние на идеологию «сендеристов» оказал Мао Цзедун. Наличие в стране тяжелых социально-экономических проблем и преобладание в университетах выходцев из «низов» (высшее образование в Перу бесплатно), многие из которых не были в состоянии в дальнейшем найти работу по специальности и остро чувствовали глубину социальных контрастов, привело к радикализации умонастроений среди преподавателей и студентов. «Сендеро» создал в 1970-х годах преподаватель университета в городе Аякучо А. Гусман, ставший известным как «председатель Гонсало». Несмотря на террористические методы деятельности и чудовищные теоретические установки (Иосифа Сталина и Мао Цзедунa сендеристы критиковали за излишнюю мягкость в обращении с политическими противниками), «Сияющая Тропа» пользовалась изрядным сочувствием в университетской среде Лимы.

Поскольку целью подобных левозэкстремистских организаций являлось уничтожение всего существующего мирового порядка, последователи «Сендеро» не только взрывали бомбы в городах, но и систематически истребляли представителей традиционного крестьянского самоуправления в деревне. В этом смысле «Сендеро» была враждебна индейцам, но поскольку она боролась с «буржуазной» городской культурой, она нашла в Перу значительную поддержку. Подавляющее большинство рядовых сендеристов были индейцами и метисами по происхождению.

Прямого отношения к наследию Тауантинсуйю «Сендеро» все же не имела. За возрождение государства Инков, скорее, взялось бороться «Революционное движение Тупак Амару», имевшее основные базы в горных районах южного Перу (оплотом «Сендеро» был более северный департамент Аякучо). «Тупак Амару» защищало ценности индейской крестьянской культуры и продолжало традиции кечуанских восстаний первой половины XX века, чьи лидеры несколько раз провозглашали себя «Инками». Обе революционные организации рассчитывали захватить власть в обстановке всеобщего хаоса и из тактических соображений иногда действовали сообща. Близкие к позиции «Тупака Амару» идеи

распространялись и в Боливии. Полвека назад Р. Рейнага провозгласил там создание Боливийской Индейской партии с целью построения нового общества на основе современной техники и социальной системы инков. Это казалось чудачеством, однако сходные лозунги были достаточно популярны в крестьянской среде. Более консервативные и прагматические политики стран Латинской Америки, не разделяя социально-утопической программы революционеров, обращались порой к образу империи инков как к символу единства и величия континента, грядущего триумфа особой латиноамериканской цивилизации.

В 1992 году президентом Перу стал перуанец японского происхождения Альберто Фухимори. Ему удалось разгромить леворадикальные движения, уничтожая без суда и следствия многие тысячи их сторонников, и провести либеральные экономические реформы. Республика Перу отступила от края пропасти, на которой стояла. Дальнейшая судьба президента была типичной – его справедливо обвинили в коррупции и нарушении прав человека и в 2000 году он был вынужден бежать из страны. Позже Фухимори вернулся и был приговорен к тюремному заключению. Осужден был и его ближайший соратник и руководитель спецслужб Владимир Ильич Монтесинос. Свое имя он получил от родителей коммунистов, но политически принадлежал к крайне правым.

Поражение, которое потерпели «Сендеро луминосо» и «Тупак Амару», имело важные последствия для изучения прошлого Центральных Анд. В Перу вернулись зарубежные археологи, многие из которых в начале 1990-х годов покинули страну и стали работать в Эквадоре или Коста-Рике. Арест А. Гусмана в 1993 году и освобождение заложников, захваченных террористами в японском посольстве в декабре 1996 года, ознаменовали начало нынешнего расцвета перуанской археологии.

Несколько по-иному развивались события в Боливии. Леворадикальные настроения привели там не к разгулу террора, а к победе Эво Моралеса – индейца-аймара из бедной семьи, ставшего президентом после выборов 2005 года. Чем закончится этот эксперимент, пока трудно сказать. Археологам в Боливии всегда было труднее работать, чем в Перу, зарубежным исследователям вести в стране самостоятельные раскопки нередко вообще запрещали. Однако в последние десятилетия такие препятствия были в значительной мере устранены.

Инки и «социализм»

Идеальным образом Тауантинсуйю вдохновлялись не только в Латинской Америке, но и в Европе. На рубеже XVI и XVII веков приехавший из Перу в Испанию, на родину отца, метис ставший известным под именем Инка Гарсиласо де ла Вега, написал свои знаменитые «Королевские комментарии».

Инка Гарсиласо де ла Вега. Художник Франциско Гонзалес Гамарра

Это была попытка не только сохранить память об обществе, с которым Гарсиласо связывала кровь матери, но и создать литературную утопию, близкую по духу произведениям Мора и Кампанеллы. То, что эта утопия

долго воспринималась не как сочинение, отражающее духовный мир автора и его окружения, отмеченное печатью своей эпохи, а как достаточно объективное историческое повествование, есть факт уже не инкской, а европейской истории. Реально представить себе индейскую империю, живя совсем в ином мире за океаном, европейцам XVII века было еще труднее, чем нам. Поэтому сведения о Тауантинсуйю почти неизбежно должны были подгоняться под какой-то готовый стереотип. Таковым оказался образ разумно устроенного государства с мудрым, властным и справедливым правителем. Одновременно книга Гарсиласо и сама, в силу таланта и знаний автора, поддержала живучесть этого стереотипа. Политически актуальной «История» Гарсиласо оказалась в Перу, где после восстания Кондорканки испанские власти даже конфисковали ее экземпляры.

С возникновением марксизма образ империи инков не вошел в основной корпус коммунистической мифологии, унаследованный от утопического социализма, однако полностью связь их не порывалась. В 1847 году, почти одновременно с созданием «Коммунистического манифеста», в Нью-Йорке выходит первая научная история завоевания Перу, написанная У. Прескоттом. Уже в ней высказывается мысль о присутствии социалистических начал в инкской общественно-государственной системе. Эта идея была поддержана и развита плеядой немецких и французских историков конца XIX – начала XX столетия, окончательно исчезнув из серьезных работ лишь в 1940-е годы. Наиболее полной и последовательной попыткой внести ясность в вопрос об отношении древнеперуанского общества к тому строю, который шел, как многим тогда казалось, на смену капитализму, стала книга французского экономиста Луи Бодэна «Социалистическая империя инков», опубликованная в 1928 году.

Бодэн понимал под социализмом не утопию и не туманный гуманистический идеал, а общество, отвечающее вполне конкретным признакам. Таковых было, по его мнению, четыре: рационализация, или «оптимизация» на «научных» основаниях, жизни (т. е. социальная инженерия); стирание и подавление личности, подчиненность ее интересов интересам коллектива; тенденция к уравнительному распределению, не исключая деление на привилегированную элиту и массы; более или менее жесткий запрет частной собственности.

Бодэн находил все эти признаки у инков, но оговаривался, что во многом сходную картину дает изучение и других древних империй, во всяком случае египетских и китайских.

В 1920-х годах испанские архивные документы оставались в массе своей неизвестными, инкские памятники – нераскопанными, а сведения о доинкском прошлом Перу – ничтожными. Зависая целиком в своих выводах от материалов хроник, Бодэн уже поэтому не мог не совершить ряд ошибок. Главной из них было приписывание инкскому обществу первого из тех признаков социализма, которые Бодэн сам сформулировал: осуществляемой правителями страны «оптимизации» жизни на разумных основаниях. Французский экономист полагал, что инки унаследовали от своих предшественников главным образом крестьянскую общину, принципы аграрного коллективизма, а все государственные установления – это уже плод их сознательной творческой деятельности. Фактически Бодэн следовал утверждениям Гарсиласо и некоторых других хронистов об «изобретении» императорами Тауантинсуйю различных социальных и хозяйственных институтов.

На предыдущих страницах мы старались показать, что инки и в самом деле занимались весьма значительными опытами по части «социальной инженерии». Уничтожение старых и возведение новых городов, организация больших государственных и корпоративных хозяйств, переселение целых народов на тысячекилометровые расстояния преобразили социальную и этническую картину в Центральных Андах. При всем этом,

однако, маловероятно, чтобы правители Куско действовали согласно заранее принятому плану «построения» нового общества. Они скорее руководствовались традицией, опытом предшественников (прежде всего, царства Чимор), лишь расширяя масштабы своей деятельности по мере роста могущества централизованного государства.

В 20-х годах нашего века «реальный» социализм будущего воспринимался еще в духе ранних антиутопий О. Хаксли и Е. Замятина как пусть бездушное, но рационально организованное и материально благополучное общество. Не только инкское государство, но и саму древнеперуанскую цивилизацию Бодэн считал продуктом сознательных усилий людей, действовавших в крайне якобы неблагоприятной природной обстановке, т. е. скорее успешно «боровшихся» с природой, чем использовавших те возможности, которые она открывала. Л. Бодэн оказался во многом близок К. Виттфогелю, который, выступая обличителем сталинского режима, вместе с тем полагал, что деспотическая власть – будь то в древности или позже – является своего рода неизбежной платой за осуществляемые государством общепользные крупномасштабные хозяйственные проекты.

Наука не подтверждает подобных представлений. Имперские политические структуры могут появиться лишь после достижения обществом определенного экономического и демографического потенциала, но роль их двояка. На первых порах они обычно увеличивают этот потенциал, затем неизбежно растрачивают его. По мере того, как границы империи расширяются, а бюрократизация усиливается, наступает момент, когда расходы начинают превышать доходы. Поэтому империи не могут долго существовать в стабильных границах. Они либо осуществляют экспансию, либо вынуждены оставлять уже завоеванное, а то и вообще разваливаются. Имперскую социополитическую модель бессмысленно оценивать как «плохую» или «хорошую» – ее появление было закономерным. Другое дело, что в условиях глобализации дальнейшее функционирование подобной модели вряд ли возможно.

Тоталитарное государство как новая ступень в развитии имперского деспотизма

Ни Бодэн, ни Виттфогель, ни другие авторы, проводившие параллели между древними и новейшими «социалистическими империями», обычно не принимали в расчет одну весьма важную деталь. Переселяя народы, возводя на пустом месте города или сооружая курганы из человеческих черепов, деспоты прошлого при всем желании не могли существенно повлиять на взаимоотношения внутри элементарных производственных и социальных ячеек: общины и тем более семьи. Несмотря, например, на все перипетии, выпавшие на долю андской сельской общины как при инках, так и в период господства Испании, до середины нашего века крестьяне-индейцы в нынешнем Перу в массе своей сохраняли жизненный уклад, основы которого были заложены еще до возвышения Куско.

Прервать глубоко укоренившуюся народную традицию способны лишь народные же массовые движения, которые идут снизу и связаны с описанными выше кризисными культурами. В периоды развития подобных движений до предела усиливаются те тенденции, которые Л. Бодэн связывал с представлением о «социализме» и которые на самом деле в той или иной степени свойственны едва ли не большинству доиндустриальных обществ: ограничение частной собственности, размывание личности в коллективе. Однако кризисные культуры сравнительно долговечны, лишь если они принимают форму «ереси» и остаются уделом меньшинства, секты. Как только их адепты получают верховную власть или хотя бы узаконенный социальный статус, их усилия оказываются направлены уже не на разрушение структуры общества как таковой, а на формирование в нем новых иерархических структур. Если кризисная идеология оказывалась способной уничтожить одну империю или даже цивилизацию, она сама же и служила той основой, на которой возникали новая империя и новая цивилизация. При этом выверенные тысячелетним опытом правила рационального поведения человека в окружающем мире продолжали передаваться от поколения к поколению в народной среде. В древних и средневековых империях власти не были в состоянии оказать существенное целенаправленное воздействие на бытовую и производственную культуру да чаще всего и не пытались это сделать. В крайнем случае активному преследованию подвергались отдельные обычаи, соблюдение которых приобретало значение символического

вызова существующему порядку. Еще в XIX веке превосходному проекту Козьмы Пруtkова «О введении единомыслия в России» суждено было оставаться неосуществленной мечтой администратора-идеалиста, а аракчеевские военные поселения, хотя и стали реальностью, но лишь на уровне эксперимента, не идущего по своим масштабам в сравнение не то что с ГУЛАГом, но даже и с трудовыми армиями Льва Троцкого.

В отличие от своих предшественниц, тоталитарные империи XX века получили доступ к чрезвычайно развитой технологии. Дело здесь не только в автоматическом скорострельном оружии, танках и отравляющих веществах. Развитие технологии было революционным во множестве аспектов. Все это позволило государству гораздо жестче контролировать повседневную жизнь людей, быстро и радикально менять их бытовой уклад, в невиданных прежде масштабах манипулировать общественным сознанием. С одной стороны, с появлением высокоразвитых, технически мощных средств массовой информации открылась возможность монопольного владения ими и создания сконструированной по желанию властей картины мира – одинаковой в умах десятков миллионов людей. Об этом заботились специальные ведомства вместе с подчиненными им прессой, радио, телевидением, кинематографией, художественной литературой и всеми организованными формами духовной деятельности. С другой – высочайшего совершенства достигли методы тотальной слежки и массовых превентивных репрессий, развилась система концлагерей. Это позволяло быстро и оперативно выявлять, изолировать или физически ликвидировать не только активно недовольных, но и всех тех, кто потенциально мог бы стать таковыми.

Система «внушения-наказания» – создания в умах «параллельной реальности», с одной стороны, и жестоких репрессий по отношению не только к инакодействующим, но и инакомыслящим, с другой, – охватывала поголовно население огромных государств, вовлекая в обслуживание своих механизмов, связывая прямым или косвенным соучастием многие сотни тысяч людей. Эта система разрушала естественные, регулируемые моралью человеческие отношения, разъединяла людей и максимально ограничивала все те проявления общественной жизнедеятельности, которые нельзя было вовсе устранить, не затрагивая самих основ организации государства. Она также дополнялась принципом дозированного распределения жизненных благ в соответствии с узаконенной и негласно санкционированной социально-государственной иерархией.

Любое имперское государство стремится подчинить и формализовать все общественные и даже межличностные отношения, закономерно видя в

зрелом гражданском обществе угрозу монополии своей власти – как в сфере управления и распределения, так и в духовной жизни. Но только XX век с его прогрессом технологии позволил имперским структурам приблизиться к своему теоретическому абсолюту – установить контроль над всеми проявлениями общественной жизни, стать тотальным государством. Нельзя, разумеется, забывать, что подобные попытки правящих верхов переделать всю систему социальных отношений и чуть ли не природу человека могли быть предприняты лишь при сочувствии и поддержке активных слоев самого общества, впавшего в транс кризисного культа. Однако такое случалось и раньше. Разница в том, что если в прошлом общество, выйдя из транса, возвращалось к относительно нормальному состоянию, то в новую технологическую эру его устои за короткий срок оказались столь капитально расшатаны или даже подорваны, что полное выздоровление становится проблематичным.

Подобное развитие событий таит в себе угрозу такого социального коллапса, примеров которого история, пожалуй, еще не давала и формы которого предсказать трудно. Не успев окончательно освободиться от одной кризисной идеологии, ослабленное общество в поиске выхода из создавшегося тупика может начать скатываться к следующему, новому витку кризиса, опять, естественно, чреватому опасностью очередного миллениаристского движения. Этот следующий цикл вряд ли стал бы точным повторением предыдущего: сказались бы как приобретенный идеологический опыт, так и дальнейшие, все более быстрые, перемены в технологической сфере. Тем не менее возможность распространения в этом случае новой кризисной идеологии нельзя игнорировать. При длительном и сильном социально-психологическом стрессе ни одно общество не в силах уберечься от волны иллюзорных миллениаристских устремлений.

Глава VI

Конец империй

Вернемся на время из XX века снова к инкам. На этих страницах мы старались описать империю Тауантинсуйю, не подгоняя ее под какой-нибудь уже заданный прежними исследователями шаблон, но и не упирая на ее экзотику и уникальность. По-настоящему неповторимое своеобразие андской цивилизации заметнее всего в тех чертах, которые прямо определялись природным окружением и этнографическим фоном. Как только дело касается основных закономерностей во взаимоотношениях людей в коллективах и коллективов между собой, они оказываются в древнем Перу такими же, какими в сходных обстоятельствах они были в Африке, Европе или Китае. Каждая из главных особенностей инкского общества находит свои аналогии и за пределами Центральных Анд.

При этом андские материалы имеют для историков особую познавательную ценность. Перед нами общество, на протяжении многих тысячелетий развивавшееся в относительной изоляции, вне сколько-нибудь регулярных и тесных контактов с другими столь же высокими культурами и будто специально созданное в целях своеобразного эксперимента. Типологически инки принадлежат к древнему миру (выросшая из догосударственного состояния цивилизация бронзового века), но отделены от нас периодом всего лишь в пятьсот лет. Как бы мы ни сетовали на недостаточную полноту источников по истории Тауантинсуйю, их все же неизмеримо больше, чем по любой из первичных цивилизаций Старого Света. Даже археологические свидетельства деятельности инков гораздо обильнее тех, которые дошли до нас от иньского или раннечжоуского Китая или от Египта начала III тыс. до н.э.; про письменные материалы не приходится и говорить.

Пленение Атауальпы – последнего независимого правителя империи инков

Инкское государство, как и любое значительное историческое явление, можно правильно оценить, лишь рассматривая его в разной ретроспективе. В первой и в начале третьей главы мы стремились познакомить читателя с теми событиями, которые непосредственно привели к образованию Тауантинсуйю. Это традиционный и необходимый подход, ибо прежде чем заниматься обобщениями, историк нуждается в изложении твердо установленных фактов, на которые он будет опираться.

Однако для понимания прошлого близкая ретроспектива недостаточна. Если бы война с конфедерацией племен чайка окончилась

для жителей Куско неблагоприятно (победа была достигнута ценой предельного напряжения сил), то ни о каких инках мы, по всей видимости, никогда бы и не услышали. Означает ли это, что великое государство в Андах тоже бы не возникло? Подобное кажется маловероятным. Скорее всего, дальнейшие завоевательные походы предприняли бы сами чанка, возможно – племена уанка, яуйо, колья или лупака. Кто бы ни оказался тогда на месте инков, подобная империя была бы почти наверняка создана, и помешать этому грозила разве что слишком ранняя встреча с испанцами. Впрочем, вторжение конкистадоров, быть может, как раз и привело бы к объединению народов Анд (если б таковое подзадержалось) и, кто знает, возможно, к успешному отражению европейской агрессии и сохранению индейцами независимости – по крайней мере на какое-то время.

Уверенность в закономерном возникновении Тауантинсуйю вселяет рассмотрение истории Древнего Перу в дальней ретроспективе. На протяжении четырех-пяти тысяч лет, предшествовавших испанскому завоеванию, просматриваются два периода, когда в Центральных Андах пустеют многолюдные поселения, храмы превращаются в руины, а на вершинах гор строятся крепости. Один из них приходится на вторую половину I тыс. до н.э., второй – на конец I – начало II тыс. н.э.. Однако каждый раз за очередным кризисом следует новый подъем, так что человеческая цивилизация в целом неумолимо развивается по восходящей. Подобное развитие трудно счесть результатом воздействия какого-то одного фактора. Технология и религия, политические институты и формы хозяйственной деятельности находились во взаимовлиянии, усиливая и поддерживая определенные тенденции, намечавшиеся в каждой из этих сфер. Социальная активность людей была поставлена в известные рамки и обусловлена возможностями, предоставляемыми окружающей средой при данном уровне развития технологии. Благодаря переходу к более эффективным, чем охота и собирательство, способам хозяйствования – земледелию и скотоводству, к освоению рыболовами богатейшей морской акватории, примыкающей к западному побережью южноамериканского материка, перед обитателями Центральных Анд открылись не использовавшиеся ранее обильные пищевые ресурсы. В силу названных причин население этого региона выросло от нескольких десятков тысяч человек в середине IV тысячелетия до н.э. до примерно 10 миллионов (а быть может, и несколько более) накануне прихода испанцев. С учетом целого ряда благоприятных условий (развитая система транспорта и связи, ландшафтное разнообразие Центральных Анд) подобный рост сделал здесь возможным и необходимым формирование все более крупных

централизованно управляемых коллективов, вплоть до империи.

Говорить о «возможности» ее сложения следует потому, что организация централизованного управления большими массами людей, живущих на обширной территории, стоит – как уже неоднократно подчеркивалось – дорого. В доколумбовой Америке именно населению Центральных Анд удалось овладеть наиболее богатыми источниками природных ресурсов. Именно поэтому именно здесь, и только здесь, оказался достигнут имперский уровень организации. Однако и при наличии достаточной энергетической базы соответствующие политические институты не могли сформироваться внезапно, на пустом месте – для их появления нужны были время и опыт. Этот опыт постепенно накапливался по мере того, как непрочные политические объединения уровня вождеств уступали место древнейшим государствам I тыс. н.э. Затем он был основательно переработан в царстве Чимор в первой половине II тыс. н.э. и лишь затем использован инками.

«Необходимость» появления империи была обусловлена самой логикой политического развития, приводящего к формированию все более крупных и сплоченных коллективов людей до тех пор, пока ограниченность энергетической базы не ставит предел этому процессу. Как показывает мировой опыт, имперская форма организации общества оказалась хорошо отвечающей определенным историческим условиям – не даром империи на протяжении нескольких тысячелетий вновь и вновь возникали в разных районах мира. Подобные государства в периоды своего расцвета обладали одним неоспоримым преимуществом – мощной военной силой, поддерживая с ее помощью относительный мир и порядок. С другой стороны, само обострение изнурительной междоусобной борьбы в том или ином регионе обычно свидетельствовало о том, что мелким правителям было за что воевать – верховная власть и богатства ожидали сильнейшего. В этой связи уместно, быть может, вспомнить и о самой этимологии слова «император». В Древнем Риме обладатель этого звания был первоначально «повелителем войск» и окончательно превратился в законного монарха лишь тогда, когда римское государство уже приближалось к концу своего существования. Любая империя опирается прежде всего на военную силу, обеспечивая тем самым не только покорность подданных, но и определенное уважение в глазах того поколения людей, которое стало свидетелем возвышения мировой державы. Держава оказывается прочной в той мере, в какой доимперская эпоха ассоциируется в представлении большинства не со свободой, а с хаотическим безвластием. Имперская пропаганда сама формирует

подобный образ прошлого, но в большинстве случаев здесь имеется и зерно истины. В частности, инки, установив свою власть в Андах, на первых порах высвободили те резервные ресурсы, которые не могли быть освоены в период междоусобной борьбы небольших царств и племен. Поэтому, рассматривая в дальнейшем различные негативные черты, которые характерны для империй, не станем забывать о достоинствах этих систем – иначе само появление и длительное существование имперских государств будет выглядеть историческим парадоксом.

Что же представляло собой государство Тауантинсуйю, возникшее примерно в XIII в., начавшее экспансию во второй половине XIV в., достигшее апогея развития в начале XVI века и рухнувшее в 1532 году, не сумев оказать достойное сопротивление горстке испанских авантюристов?

Отметим прежде всего еще раз, что инки, несмотря на все параллели со стадиями более поздними культурами, о которых уже шла и еще будет идти речь, принадлежат к древнему миру. Основной социальной ячейкой в Центральных Андах в инкское время оставалась крестьянская община. Провинциальная знать была тесными узами связана с группами этих общин, с сельским населением отдельных районов. Даже превратившись в государственных администраторов, бывшие вожди еще не утратили вполне своей роли местных этнических лидеров. Постепенно в Тауантинсуйю формировался общеимперский класс аристократов-курака, отличающийся от остального населения особой культурой и образом жизни, но знать в целом не противостояла крестьянам в качестве единственного, или хотя бы главного, собственника земли. В некоторых, более архаичных, чем перуанское, обществах – например, на Гавайях – классовое размежевание приобретало и значительно более резкие формы, чем в Центральных Андах.

Определенный архаизм перуанской цивилизации придает сохранение подлинных или мнимых родственных связей в качестве основного регулятора при построении социальной иерархии, установлении прав собственности и т. п. Столичная знать еще поддерживала в своем кругу многие институты, типичные для небольшого вожества. Даже соподчиненность оракулов и святилищ строилась на основе провозглашаемых родственных связей между персонажами мифологии. В этих условиях весь мир мыслился в идеале как община, делящаяся на все более и более мелкие части – половины-фратрии. Огромная роль родовых, «кровных», отношений, «псевдородственных» классификаций сближает центральноандское общество с океанийскими или африканскими. У земледельческих народов Ближнего Востока, во всяком случае

Месопотамии, даже в древнейший освещенный письменными источниками период роль родовых отношений в социальном устройстве была меньшей.

В 1954 году американский лингвист К. Пайк ввел в словарь социальных антропологов понятия «этно» и «эмно». Эти термины были созданы по аналогии со словами «фонемный» и «фонетический». В нашем языке есть определенное число фонем, но фонетически любая из них соответствует не строго определенным звукам, а диапазонам звучаний. Русское «г» и гортанное украинское или голландское «г» звучат совершенно по-разному, но для русского языка это одна и та же фонема – от произнесения слова с украинским акцентом его смысл для нас не меняется. Пайк показал, что культуру, как и язык, следует рассматривать двояко – либо с «этно» позиции внешнего наблюдателя, либо с «эмно» позиции носителя культуры. Культурные особенности, заметные со стороны, могут не осознаваться носителями культуры, а те, в свою очередь, могут придавать огромное значение таким особенностями, которые стороннему наблюдателю кажутся незначительными.

Идеи Пайка получили всеобщее признание и любой антрополог с ними знаком. И лишь область политической антропологии оказалась затронута ими мало. На протяжении последних десятилетий исследователи посвятили немало сил тому, чтобы определить, каковы признаки достижения обществом государственного устройства, чем настоящие государства отличаются от сложных вождеств, каковы возможные формы взаимоотношений коллективов разного размера и уровня. Упомянутая книга Р.Н. Адамса тоже про это. Но во всех подобных случаях речь идет о взгляде со стороны, об «этно» подходе. Однако государство или империя – это не только набор объективно существующих функций и признаков, но еще и эмоционально насыщенный образ. И образ этот должен был когда-то возникнуть, он не мог существовать изначально, подобно понятиям «люди», «свой», «враг» и т.п.

В китайской традиции право на царствование давал «мандат неба». В Древнем Шумере «царственность» спускалась с неба на тот или иной город. В обоих случаях речь идет об особом качестве, о царственности как объективной данности, которая либо есть, либо нет. Конкретный народ может не иметь своего государства, но само представление о государственности как о норме давно и глубоко укорено в мировосприятии большинства жителей Старого Света. А как обстояло с этим в Древнем Перу?

Вопрос этот никогда специально не изучался, но очень похоже, что ни

у инков, ни у их соседей понятие о государственности как о норме и особой реальности, не связанной напрямую с конкретной политической ситуацией, так и не сформировалось. Именно поэтому Тауантинсуйю и мыслилась как некая мировая община, основанная на тех же родственных связях, что и община крестьянская. Этим же, по-видимому, были обусловлены проблемы престолонаследия – каждый новый инка должен был заново выстраивать под себя всю иерархию отношений в государстве.

Не только Тауантинсуйю, но и крупные политические объединения I тыс. н.э. в Центральном Андах, такие как Мочика, Уари, Тиуанако, Сикан и, может быть, некоторые другие, несомненно, были государствами в «этно» смысле. Но насколько сами их создатели осознавали отличия этих объединений от более мелких и рыхлых – на этот вопрос ответить трудно.

Отсутствие ясного представления о государственности как о норме – это, конечно, «архаический пережиток». Но объективно древние перуанцы не просто государственную, но имперскую организацию создали. В Мексике, в отличие от Центральных Анд, империй к приходу испанцев не было. Правда, испанцы не обращали особого внимания на разницу в положении верховных правителей Теночтитлана и Куско. Ацтекскую и инкскую державы рассматривают как явления однопорядковые и некоторые современные исследователи. Тем не менее для нас принципиальные отличия во внутренней структуре этих политических образований очевидны и несомненны.

В Тауантинсуйю заметны все основные признаки империи. На предыдущих страницах мы описывали их от случая к случаю, но теперь постараемся охарактеризовать в совокупности.

Прежде всего, перед нами «мировое государство», т. е. такое политическое объединение, которое уверенно распространяет свою власть на целый крупный географический регион, отличающийся преобладающими только в нем природно-климатическими и – если говорить о населении страны или стран – хозяйственно-культурными особенностями. Диапазон этих особенностей может быть сам по себе велик, но он, однако, всегда оказывается меньше того, который вырисовывается при сравнении разных регионов. Для жителей империи ее территория в сущности составляет весь их реально данный, пригодный к обитанию «настоящими людьми» мир. Земли за его пределами, насколько о них известно вообще, воспринимаются как враждебные, чуждые, незначительные, населенные «варварами», «не-людьми», или во всяком случае людьми неполноценными, безусловно уступающими в самом своем естестве людям империи. Такого рода идеология и психология были

характерны для обитателей всех мировых государств – от самых древних до морских колониальных держав Нового времени и тоталитарных деспотий XX века. Следует подчеркнуть еще раз, что границы «имперского региона» складываются объективно, довольно жестко определяются историческими и природными условиями, в которых возникает та или иная держава. Римские легионы, как известно, не смогли закрепиться в землях, в которых не произрастала виноградная лоза, хотя судьбы Римской империи с историей виноградарства и виноделия напрямую не связаны. О фатальном конечном провале всех попыток военного проникновения в климатически и культурно чуждые земли свидетельствует опыт не одних только инков и римлян, но и монголов, арабов и даже Наполеона и Гитлера.

В то же время, уже в силу крупномасштабного, регионального, а не локального характера империи, государство подобного типа в хозяйственном, а тем более в этническом отношении не может не являться разнородным, лишенным органического единства – это конгломерат народов и культур. Лишь в Новое время, как будет сказано немного ниже, открылась возможность формирования иного типа крупных государств, отличающихся внутренней целостностью. Тауантинсуйю тоже было конгломератом, в котором под единым началом оказались собраны столь непохожие друг на друга народы, как население царства Чимор с его тысячелетней государственностью, нищие рыбаки уру с озера Титикака, аймара – скотоводы пуны, земледельцы горных лесов чачапоя, мореплаватели чинча и т. д.

Страны и народы, находящиеся в пределах одной империи, удерживаются вместе не столько потому, что это обусловлено совпадением их экономических интересов, сколько благодаря применению или угрозе применения вооруженной силы. Возникновение и расширение хозяйственных и культурных связей между отдельными частями будущей империи может оказаться важным фактором, содействующим ее дальнейшему образованию, однако после утверждения имперских структур контакты между ранее независимыми племенами или государствами, а ныне провинциями меняют свой характер, принимая вполне определенную, свойственную именно империи форму. Форма эта – пирамидальная, иерархическая: столица всегда навязывает себя провинциям в качестве обязательного посредника. Это позволяет центру жестко контролировать политическую и хозяйственную жизнь, отчуждать в свою пользу значительные богатства и успешно бороться с сепаратизмом, осуществляя отчеканенный в Риме принцип «разделяй и властвуй». Местные власти ставятя в такое положение, при котором их благополучие

и карьера оказываются прежде всего в зависимости от отношения к ним центра, а не от настроений (и благосостояния) подчиненного населения.

У инков самым зримым воплощением столичного контроля над провинциями стали возведенные по определенному плану – в традициях Куско и нередко на пустом месте – провинциальные центры типа Уануко Пампа, Вилькас, Хатун Хауха, Хатун Колья, Хатун Каньяр (нынешние руины Ингапирка в южном Эквадоре) и другие. Даже в их названиях (что-то вроде «Главколья», «Главканьяр») очевидно стремление к подчеркиванию властных отношений и стандартизации по типу «Владикавказ», «Владивосток». В одном ряду с провинциальными инкскими центрами стоят временные императорские резиденции, такие как Томебамба, Кито, Инка Уаси.

Политико-административное господство Куско нашло себе идеологическое соответствие в ритуале капак хуча – Великого жертвоприношения, который развертывался в общеимперских масштабах и подчеркивал ритуальную зависимость окраин от столицы. Все нити управления и идеологического воздействия в Тауантинсуйю сходились к Куско или к другим немногочисленным и не столь значительным центрам общеимперского ранга, таким как Пачакамак и Томебамба.

Империя – а точнее, естественно, конкретные люди, стоящие на высших ступенях государственной иерархии и извлекающие из своего положения ощутимую для себя пользу, – видит в самой себе смысл и цель своего существования. Имперские государственные структуры превращаются в самостоятельный организм, отделившийся от общества и паразитирующий за его счет. Состояние общественных дел, уровень жизни подданных заботят имперских руководителей лишь постольку, поскольку от этого зависит укрепление их собственного могущества и престижа. Если интересы экономического развития объединенного в границах империи региона противоречат интересам укрепления централизованной государственной власти или безразличны им, они легко приносятся в жертву. Более или менее строгий и последовательный запрет прямых горизонтальных связей между провинциями, как и организация дорогостоящих, экономически неоправданных, но зато престижных проектов, приводят к бессмысленной растрате изобильных вначале человеческих и природных ресурсов. К этому надо добавить военный фактор – как расходы на содержание большой постоянной армии, так и страшный ущерб, наносимый провинциям в ходе подавления или предупреждения движений за независимость. Одним из характерных для империй методов подавления являлась практика массовых депортаций

нелояльного населения провинций и окраин. У инков подобная практика получила особенно широкое развитие, в такие переселения были вовлечены сотни тысяч, если не миллионы людей (и это при 8—12-миллионном совокупном населении империи). В результате некоторые крупные народы, в частности, каньяри Эквадора, не говоря о мелких, оказались почти совершенно рассеяны.

Затратная экономика, расточительное расходование ресурсов, целиком сконцентрированных в руках имперского руководства и потому кажущихся ему необъятными, лишают всех граждан, не относящихся к высшим слоям иерархии, перспективы существенно улучшить свое материальное положение, а в конце концов приводят и к прямому обнищанию народных масс. Такое положение не является, однако, лишь побочным результатом непродуманной хозяйственной политики. Стремясь к абсолютной власти, имперское руководство более или менее сознательно делает все от него зависящее, чтобы исключить возможность появления у людей, не входящих в управленческую структуру, таких имущественных излишков, которые превышают разрешенный уровень. Человек, владеющий «избыточными» ценностями или же вообще обладающий какими-то качествами и способностями, которых нет у других, всегда подозрителен, ибо он превращается в самостоятельную силу, в независимый от государства автономный «центр власти». Как бы ни была эта власть мала по сравнению с мощью державы, она представляет собой потенциального конкурента, врага, и потому требует подавления в зародыше. Невольно вспоминаются легенды о средневековых зодчих, которым по завершении строительства храма выкальывали глаза на тот случай, если мастера уйдут от пригласившего их князя и попытаются создать что-нибудь не менее прекрасное в другом городе. Что же касается владения имуществом, то древнеперуанским крестьянам-общинникам было запрещено носить украшения из золота и серебра по той же самой причине, по какой граждане коммунистических стран лишались права собственности на лишнюю яблоню или корову, не говоря о долларах. В обоих случаях дело было не в особенностях, имманентно присущих тому или иному социально-экономическому «строю», не в теоретических «социалистических» принципах, как полагали Луи Бодэн и некоторые другие исследователи в начале нашего века, а в закономерной и, с точки зрения человеческой психологии, вполне понятной политике имперского руководства, оберегающего собственные интересы.

Характерно, что в Третьем рейхе, который советская пропаганда никогда не признавала «социалистическим», несмотря на название

правившей в нем партии, частная собственность хотя и не была запрещена, однако еще в период до начала боевых действий в Европе существенно ограничивалась. Так, крупнейшие собственники, финансисты и промышленники, владельцы мощных заводов, вроде Круппа, из прежних капиталистов стали «бетрибсфюрерами», т. е. руководителями трудовых коллективов, своего рода специалистами-управляющими: они уже не могли продать свои предприятия, изъять сколько-нибудь значительные капиталовложения или самостоятельно определять производственные программы. Всё принципиальное им как обычным исполнителям предписывало государство. В ходе Второй мировой войны частная собственность в Германии оказалась в еще большем подчинении централизованной административно-командной системы. Методы эксплуатации военнопленных и заключенных на тех же заводах Круппа не имели уже ничего общего с заботой о росте прибыли или эффективности производства, а определялись, главным образом, различными идеями Вождя. Ведомство Геббельса все это время внушало населению, будто государство является выразителем и защитником интересов германской нации, настоящие же хозяева предприятий – рабочие. Картина хорошо знакомая всем бывшим гражданам СССР. Если какая-нибудь деятельность, выходящая за рамки сферы минимального жизнеобеспечения и осуществляемая силами отдельных лиц или небольших групп, все же признается в империи необходимой, она ставится под контроль правительственных чиновников и по возможности переносится в столицу. В вопросах искусства, градостроительства, высококвалифицированного престижного ремесла и т. п. столица не терпит конкуренции, силой или обещанием привилегий сосредоточивая у себя духовный и творческий потенциал государства. В судьбе ювелиров Чан-Чана, отправленных в Куско после завоевания царства Чимор, и писателей и артистов, переезжавших в Москву из Ленинграда и других городов, есть поэтому немало общего. Каждой мировой державе соответствует, таким образом, «мировой город». На примере инков эта тема не могла быть специально раскрыта, ибо о доиспанском Куско известно мало подробностей; в наших источниках здесь зияет досадный пробел, поскольку на месте инкской столицы стоит современный город, что ограничивает возможности археологических исследований. Из хроник мы знаем, однако, что нигде в другом месте империи не было сосредоточено такого количества богатейших дворцов и храмов. Развалины крепости Саксауаман, находившейся рядом со столицей, потрясают воображение по сей день, многократно превосходя своими масштабами сохранившиеся остатки

оборонительных сооружений в провинциях и на окраинах бывшей Тауантинсуйю.

Еще большую опасность, чем обогащение мелких автономных коллективов и отдельных людей или выдвижение их иными путями из общего усредненного ряда, представляет для имперских структур образование общественных связей, идущих в обход и помимо центра, то есть направленных не по каналам иерархии снизу вверх и сверху вниз, а горизонтально. Наличие подобных связей означает, что передача индивидуальных «порций власти» происходит вне ведома центра и что в результате в обществе могут со временем возникнуть самостоятельные формы управления и самоуправления, составляющие хотя бы частичную конкуренцию власти верховной. В разные исторические эпохи империи старались пресекать независимую активность подобного рода, либо подыскивая для нее место в общегосударственной структуре (так, например, сделали инки с торговцами чинча), либо запрещая и подавляя ее. Тоталитарные государства XX века отличаются здесь от своих предшественников не тем, что их правители стали проводить какую-то особенную политику и преследовать совершенно новые цели, никогда не выдвигавшиеся в империях прошлого. Цели и принципы управления оставались в XX веке такими же, какими они были раньше, но зато кардинально усовершенствовались средства их осуществления. В результате, как уже было сказано, государство получило возможность контролировать общество на, так сказать, клеточном, уровне, определять поведение мельчайших автономных групп людей, старалось разрушить независимые традиционные связи уже и в пределах семьи, что и стало немаловажной причиной деградации всего социального организма. Здесь достаточно вспомнить практику поощрения доносов на родителей при официальном лозунге «сын за отца не отвечает», запрет обучения по несанкционированным, отличным от общегосударственных, программам, лишение родительских прав активных верующих, воспитание в подрастающем поколении презрительного отношения к традиционным ценностям, пропаганда тоталитарных символов в дошкольных детских учреждениях, позволяющая ограничить влияние на ребенка его семьи. В результате всего этого была в значительной мере достигнута цель воспитания нового человека, у которого отсутствие инициативы, стремление раствориться в коллективе, неразвитость чувства собственного достоинства, наивное доверие к официальной пропаганде или, наоборот, полное неприятие любых мнений, выраженных через средства массовой информации, укоренились в качестве устойчивых поведенческих

стереотипов. То, что подобные стереотипы способны передаваться следующим поколениям уже и без помощи прежнего пропагандистско-репрессивного аппарата, это мы видим сейчас.

После окончания «героической» эпохи территориальной экспансии, после того как рубежи империи установились и вяло текущие войны на границах постепенно и незаметно превращаются из наступательных в оборонительные, в любой империи естественным образом наступает застой. Центральные власти добились предела собственного могущества, которое они уже не в состоянии увеличить, а потому направляют усилия на сохранение «статус кво», – именно в этом теперь состоит цель и сверхзадача системы. В сложившейся обстановке любые изменения могут сулить лишь нарушение достигнутого комфорта, нестабильность, опасности, и соответственно, политика руководства оказывается направленной на то, чтобы избежать каких-либо перемен. На протяжении прошедших веков, в старые, так сказать, времена и при старых технологиях, подобная стратегия приносила определенные выгоды, продлевая империям жизнь на сто, двести и более лет. Каждое поколение руководителей (если среди них вообще находились не ослепленные собственной идеологией люди) имело основания предполагать, что окончательный крах наступит не при нем, а большего и не требовалось.

Тем не менее даже и в древности, не говоря о временах более поздних, окружающий мир, в отличие от внутриимперского, не стоял на месте. В нем шло как развитие технологии, законсервированное в пределах замкнувшихся в себе сверхдержав, так и выработка новых, более жизнеспособных по сравнению с уже известными вариантов общественного устройства. Важные усовершенствования внедрялись в промышленности, в сельском хозяйстве и даже в сфере духовной культуры – так изобретение книгопечатания, а позже появление газет внесло огромные перемены в жизнь Европы. Разрабатывались новые типы оружия и новые военные доктрины, тактические приемы (при всей своей милитаризации империи и здесь редко создают что-то принципиально своеобразное, а чаще заимствуют уже известные образцы и воспроизводят их в устрашающих масштабах). В итоге империи обязательно либо терпели неожиданное для них и сокрушительное поражение от, казалось бы, более слабого противника (так случилось, например, с Ахеменидами и хорезмшахами, равно как и с инками), либо, предвидя надвигающуюся угрозу, выходили из самоизоляции и делали попытки перестроить свои внутренние структуры. Так поступили правители России в ходе Северной и после Крымской войны (эпоха великих реформ); правители Японии после

визитов «черных кораблей» американской и европейских эскадр (революция Мейдзи 1869 года). В случае благополучного преодоления кризиса начинался новый «героический» период, который сопровождался сменой руководства, приходом к власти свежих сил и переходом к новой экспансии. Но если принципиальных изменений в устройстве общества не происходило, то и новый застой не заставлял себя долго ждать.

Хотя в существовании империи заинтересованы прежде всего ее правящие круги, имперское сознание глубоко проникает в народные массы, их психологию, содействуя сперва сохранению «мирового государства», а затем, в случае его гибели, возникновению новой империи в пределах того же самого региона.

Этому есть веские причины. После своего образования империя переживает короткий период расцвета. Установление на большой территории относительно прочного мира, даже при продолжении войн на границах, воспринимается населением как величайшее благо и первоначально действительно высвобождает многие ресурсы, недоступные ранее из-за бесконечных военных столкновений между мелкими политическими образованиями доимперской эпохи. В случае с инками важным скрытым богатством, «распечатанным», как уже говорилось, после образования Тауантинсуйю, стали плодородные земли на дне горных долин. Здесь же можно упомянуть и широкое распространение в инкском Перу оловянистой бронзы, в то время как раньше многочисленные племенные границы преграждали пути к боливийским месторождениям олова.

Еще более, чем получение на первых порах некоторых реальных хозяйственных выгод или доли в дележе военной добычи, на формирование у людей имперского сознания воздействует сам факт причастности к строительству небывалого (на их памяти, разумеется) государства, «великого» общества, упоение победами над врагами и (как правило, ложными) перспективами достижения еще большего величия в будущем. Жестокости и несправедливости, устилающие пути к господству над другими народами, при этом либо не замечаются, либо находят какое-нибудь оправдание. Часто, например, обыгрывается известный положительный эффект, который империя способна поначалу оказать на отдельные стороны жизни отсталых провинций, впервые оказывающихся под управлением более цивилизованного государства. Инки в Эквадоре и римляне в Британии, испанцы в Америке и англичане в Индии, немцы в Восточной Европе и русские в Сибири и Средней Азии не уставали подчеркивать культуртрегерский аспект собственной деятельности,

убеждая самих себя в том, что завоевания осуществляются не только в геополитических интересах центра, но и ради бескорыстного желания цивилизовать окраины. Культурную ассимиляцию, а то и физический геноцид населения этих окраин имперское сознание считает естественной и не столь уж дорогой платой за «прогресс», а право определять уровень «цивилизованности» оставляет исключительно за собой.

Принятие имперской идеи соблазнительно тем, что структурирует мышление человека, вносит легкость, простоту и кажущуюся – одномерную, плоскостную, черно-белую – ясность в представления об истории, о ее этапах и направлении движения, а следовательно, и о месте отдельной личности, оказавшейся в водовороте событий. Оказываются больше ненужными мучительные поиски смысла жизни, добро кажется легко отделимым от зла, поскольку на место моральных оценок приходят чисто внешние ориентиры («наши», «правоверные», «патриоты» против «врагов»). «Переписывание истории», то есть попытки выявить ее сложную и многомерную картину, превращается в тяжкое преступление. В подобной обстановке «духовного подъема» и мифологизации общественного сознания в защитников имперской идеи превращаются не только представители господствующего народа, но и выходцы из иных этнических групп, в том числе и таких, которые еще недавно вели, или даже продолжают вести вооруженную борьбу за свою независимость. Такое «предательство» на почве смены идеологических установок следует отличать от чисто корыстного, конъюнктурного сотрудничества с центром провинциальных наместников и их приближенных, которое становится типичным для империй на более поздних этапах их существования.

Прежде чем завершить характеристику империй как определенной формы организации многомиллионных коллективов людей и попытаться дать суммарную оценку места этих своеобразных социально-политических образований в контексте всемирной истории, обратимся еще к некоторым важным особенностям инкской общественно-государственной системы. Речь сейчас пойдет о таких признаках, которые прямо не соотносятся с принадлежностью Тауантинсуйю к числу «мировых государств», но все же присущи и некоторым другим имперским обществам.

Одна из подобных характерных для Тауантинсуйю особенностей касается взаимоотношений рядовых тружеников с привилегированными слоями. Здесь, по словам Т. д. Алтроя, господствовала «асимметричная реципрокность». Этим не каждому читателю понятным этнологическим термином обозначается простой и хорошо нам знакомый вид эксплуататорских отношений. Сперва государство провозглашает себя

верховным собственником земли и прочих ресурсов. Далее оно возвращает ресурсы непосредственным производителям, причем заявляет, что отныне берет на себя ритуальное руководство деятельностью работников, обеспечивает ей божественное покровительство, а следовательно, гарантирует ее безусловный успех. Это благодеяние признается столь значительным, что в качестве ответного дара подданные большую часть своего времени должны теперь работать на государство.

При такой системе на первый план выходят не чисто силовые (о них, естественно, тоже всегда помнят, но не всегда выставляют напоказ), а разного рода идеологические методы обеспечения согласия работников на отчуждение результатов их труда: устройство праздничных зрелищ и массовых пиршеств, ритуализация трудового процесса, коллективная ответственность за выполнение заданий, организация соревнований, чествование передовиков и поношение отстающих. Изъятию же подлежит не столько продукт как таковой, сколько сам по себе труд, рабочее время. Можно было бы сказать, что в обществах с неразвитой частной собственностью барщина, по понятным причинам, получала гораздо большее распространение, чем оброк, если бы оба эти термина не сохраняли в русском языке чересчур тесную связь с конкретными реалиями европейского феодализма. В зарубежной литературе французское слово *корвэ* (барщина) используется для обозначения всех видов отработочной повинности. Такое широкое словоупотребление в нашем случае является несомненным достоинством, позволяя, в частности, увидеть далеко не столь уж поверхностное сходство между инкской митой и ее разнообразными поздними аналогами вплоть до ежегодной принудительной мобилизации городского населения СССР для работы на государственных полях и плантациях.

Во многих империях деревня эксплуатировалась в пользу не только административно-бюрократической и военной элиты, но и более широких городских слоев, поскольку правящая верхушка, как по чисто престижным соображениям, так и исходя из интересов поддержания внутренней безопасности и порядка, была вынуждена заботиться о поддержании хотя бы минимального благосостояния обитателей городов, прежде всего столичных. В противоположность тому население сельской местности, хотя и многочисленное, но рассеянное и удаленное от стратегически важных центров, рассматривалось исключительно в качестве поставщика продуктов и дешевой рабочей силы, который не требует ничего взамен и постоянно самовосполняется. Не только уровень жизни деревенских жителей, но и эффективность аграрной технологии чаще всего не являлись

предметом заботы властей, оставаясь на начальном, исходном уровне или даже снижаясь в силу низкой производительности принудительного труда. В то же время в некоторых имперских обществах (помимо древнего Перу, здесь нельзя не отметить Японию до революции Мейдзи и СССР) крестьянству, взятому в целом как сословие (инкские хатун-руна), отводилось достаточно почетное (хотя и не самое высокое) место в рамках официально признанного – и чаще всего существенно отличного от действительного – общественного деления.

В Тауантинсуйю в результате выкачивания ресурсов из деревни возникло полтора десятка городов с населением порядка 10 тысяч человек и множество более мелких административно-ремесленных центров. В Куско, по некоторым оценкам, обитало до 200 тысяч жителей, но большая часть этого населения, скорее всего, располагалась в усадьбах и поселках за пределами основного массива застройки. Уровень благосостояния массы горожан, не говоря уже об элите, был выше, чем у крестьян в сельской местности. Инкский город являлся ритуальным, административным и хозяйственным ядром обширной (радиусом до 100 км) округи, на территории которой размещались менее значительные городки, деревни и хутора. В пересеченной горной местности расположение поселений разного назначения и размера сильно зависело от конфигурации и климатических особенностей отдельных долин. Поскольку жизнь и деятельность горожан регулировалась администрацией, а сам их контингент обновлялся по ее воле, урбанистические структуры Тауантинсуйю распались сразу же после гибели государства. Урбанизация колониального времени началась заново и на иной основе – в городах появились рынки.

Взаимоотношения инкского города с округой не были равноправны: решения следовали из центра в районы, в то время как караваны лам, груженых сырьем, продуктами и изделиями, двигались почти исключительно в обратном направлении.

Обитатели инкских городов не располагали какой-либо автономией по отношению к царской власти, не имели органов самоуправления и вообще не выступали в качестве социальной единицы, сплоченной чем-либо иным, помимо общего места проживания. То же определенно касается и городов царства Чимор и, весьма вероятно, городов культур мочика и уари. В отсутствии городского самоуправления заключено кардинальное отличие урбанистической традиции Центральных Анд от древней переднеазиатской с ее гражданско-храмовыми общинами.

Если «асимметричная реципрокность» в той или иной степени

характерна для большинства обществ ранней древности, то распределение продуктов и ценностей исключительно через склад, а не рынок – весьма своеобразная черта именно древнеперуанской культуры. Ее появление не связано с образованием Тауантинсуйю: инки лишь придали соответствующей системе упорядоченный общегосударственный характер.

Господствовавший в Центральном Андах способ распределения был следствием природно-хозяйственной специфики региона. В сильно пересеченной, ландшафтно разнообразной местности обмен продуктами, производимыми в отдельных природных зонах, сулил колоссальные выгоды. При довольно небольших в широтном направлении расстояниях и наличии транспортного скотоводства такой обмен оказался не только желательным, но и легко осуществимым. Столь значительное движение продуктов приобретало стратегическое значение, ибо в него оказались вовлечены не столько престижные ценности, сколько основные средства жизнеобеспечения: картофель, кукуруза, сушеные рыба и мясо, шерсть и хлопок. Контролировать подобный поток могли только те, кому вообще принадлежало право принятия решений: сперва общинная верхушка, затем более крупные вожди и жрецы храмов, наконец, государство. С этого момента направление грузопотоков начало определяться уже не только потребностями населения отдельных районов, но в первую очередь необходимостью поддерживать имперскую иерархическую структуру и стало совпадать с направлением «вертикальных» властных связей (деревня – провинциальный центр – столица империи).

В распоряжении контролировавших обмен лиц и групп находились склады, куда поступала продукция и откуда она выдавалась, исходя из определенных норм и традиций. В догосударственный период самые очевидные свидетельства существования подобной системы археологи обнаруживают от северного Чили до центрального Перу, т. е. в области наиболее развитого скотоводства и оживленного движения караванов. От побережья Эквадора до Мезоамерики, где ламу не знали, обменом занимались корпорации торговцев, существовали рынки и примитивные деньги. С созданием империи инки стали подавлять свободную торговую деятельность в горном Эквадоре.

Мы уже обращали внимание на такую важную особенность инкского общества, как раздельное существование двух систем государственного «финансирования» – продуктами жизнеобеспечения и предметами роскоши и престижа. Обмен золота или перьев на картофель и простую одежду не допускался, что было логично связано с отсутствием рынков. Подобная практика закрепляла сословно-кастовые тенденции,

способствовала все более резкой классовой поляризации Тауантинсуйю по образцу некоторых обществ европейского и азиатского средневековья или наиболее развитых океанийских вождей.

Американские специалисты, введшие сам термин «финансирование» в инкскую политекономию, заметили, что системы финансирования продуктами жизнеобеспечения и предметами роскоши состоят между собой в обратной зависимости: чем развитее одна, тем меньшее значение сохраняет другая. Отсюда напрашиваются предположения о возможных дальнейших путях развития древнего Перу, если бы естественный ход событий не оказался прерван.

Один путь – это «феодализация», рост могущества провинциальной знати и распад империи или сохранение лишь ее декоративного символического фасада. Лояльность высших курака покупалась на золото и прочую «твердую валюту». Рано или поздно наступил бы момент, когда власти Куско оказались больше не в состоянии удовлетворять потребности знати, что вызвало бы ее открытое недовольство. Центру какое-то время удавалось бы, наверное, управлять ситуацией, сглаживая одних провинциальных лидеров с другими, т. е. постепенно переходя от имперских методов управления к таким, которые характерны для «территориального царства». Однако, имея под своим фактическим контролем местные продовольственные склады, провинциальная знать сумела бы мобилизовать собственные ополчения и отпасть от Куско. При появлении испанцев многие так и сделали: ведь Писарро, как и Кортес, победил только благодаря помощи союзных индейских отрядов, получив от одних лишь уанка семь тысяч воинов. «Феодализация» связана с развитием престижного «финансирования» и представляет собой обычный, десятки раз опробованный историей путь неизбежного развала империй.

Другой путь мог бы состоять в подавлении аристократии и замене ее ненаследственным чиновничеством. Процессы подобного рода отмечались в истории Китая, России, Османской империи, хотя до недавнего времени редко доводились до своего логического предела. Если бы в Тауантинсуйю случилось нечто подобное, на какое-то время снизились бы расходы государства по обеспечению привилегированных слоев предметами роскоши, но еще больше возросло бы вмешательство администрации в массовое производство жизнеобеспечивающих продуктов. При подобном повороте дел жизнь империи как централизованного целостного организма удалось бы, вероятно, продлить, но общество в целом ничего бы не выиграло, ибо ему пришлось бы содержать растущую армию надсмотрщиков и учетчиков. К тому же опыт показывает, что

ненаследственный руководящий аппарат легко вырабатывает собственную систему циркулирования престижных ценностей – формализованную или же теневую, действующую де-факто. Администраторы такого рода способны создавать и угрозу политической власти центра. Римский папа, как известно, был вынужден запретить в 1767 году деятельность ордена иезуитов, стремившегося превратить Парагвай в ядро своей будущей теократической империи.

Если результаты раскопок в провинции Уанка отражают положение, типичное для всех центральных областей Тауантинсуйю, то надо признать, что после инкского завоевания большинство местных курака утратили часть своего бывшего влияния на общинников. Богатства и власть оказались теперь сконцентрированы в немногих крупнейших центрах (прежде всего, в самом Куско), а на местах бытовое положение крестьян и низшей знати почти сравнялось. Расходы государства на содержание штата низших управляющих не были чрезмерно велики. Такой процесс известной социально-имущественной нивелировки (в чем-то напоминающий ликвидацию «общественного неравенства» в странах советского блока) легко принять за коренную перестройку властных отношений, увидеть здесь попытку создать общество, в котором одни его члены лишены возможности эксплуатировать труд других. На самом деле пропасть между могуществом и бесправием, изобилием и бедностью в подобных случаях никуда не исчезает, однако полюс богатства и власти оказывается отныне удален от полюса бедности и подчас хорошо укрыт от глаз большинства.

Провинциальную знать, особенно низшую, инки несомненно потеснили в правах, но настоящая расправа над аристократией на повестке дня в Тауантинсуйю не стояла. Подобное могло бы произойти лишь в связи с распространением какого-то кризисного культа, который, быть может, положил бы начало так и не успевшей возникнуть в доиспанской Америке своей особой «мировой религии». Допустимо ли оценивать положение в Перу накануне конкисты как острокризисное? Вот как характеризовала его в начале 1970-х годов автор одной из немногих русскоязычных работ об индейцах Анд И. К. Самаркина.

«Огромное государство, скрепленное силой оружия завоевательных походов, разваливалось на части. Восстания, столь частые в период правления Уайна Капака, опустошали области, приводили в расстройство экономическую систему. Результатом нарастающей борьбы народов против владычества инков стал политический кризис общества, получивший окончательное завершение в междоусобице Уаскара и Атауальпы. ...Вся мощь и авторитет власти, карательная десница государства были

направлены на прикрепление населения к общине, к месту жительства. Но эти меры уже не сдерживали поток беглецов, которые образовывали довольно значительную армию непроизводительного населения. Бродяжничество стало серьезным социальным злом, представляющим постоянную угрозу властям. И это в полной мере сказалось в момент встречи с испанцами».

Трудно сказать, насколько приведенное описание отражает подлинную картину. Она могла быть и не такой мрачной, если идеологические основы древнеперуанского общества оставались еще непоколеблены. Мы, к сожалению, недостаточно осведомлены о тогдашнем положении дел в этой сфере, поэтому и вопрос об идеологическом кризисе в предиспанском Перу остается пока без ответа. За конечный крах инкского государства можно, конечно, ручаться при всех обстоятельствах: такова судьба любых империй, ибо их естественное развитие, как уж говорилось, неизбежно приводит к застою или даже прямому разрушению общественных производительных сил, к упадку культуры и к нравственной деградации.

В первых главах книги мы неоднократно подчеркивали, какого высокого уровня социально-экономической организации достигло при инках древнее Перу. Однако называть Тауантинсуйю, как и любую другую империю, сложным организмом верно лишь в том случае, если мы сравниваем ее с более ранними обществами эпохи первичных цивилизаций. В сущности структура империй примитивна, проста. Говоря о ступенях политической интеграции и о разных типах взаимоотношений центральной власти с органами управления на местах, мы как-то уподобили «территориальное царство» вроде ацтекского сложному вождеству. Если продолжить подобную – достаточно приблизительную, разумеется, – аналогию, то империю останется уподобить городу-государству, в котором сельская округа не играет самостоятельной политической роли, целиком подчиняясь собственно городу. Взаимоотношения имперской столицы с периферией в той же степени неравноправны, только все процессы осуществляются здесь в несоизмеримо больших масштабах. Это увеличение масштаба не проходит даром. Стоимость управления гигантским государством растет, накопленные раньше запасы и резервы оказываются в скором времени израсходованы, а эффективность общественного труда более не повышается, если не очевидным образом падает. И тогда наступивший хозяйственный кризис находит выражение в общественных возмущениях и беспорядках, в утрате былого военного превосходства над соседями.

Империя – закономерная форма организации крупной общности

людей, обитающих в пределах целого географического региона и овладевшей соответствующими разнообразными энергетическими – в самом широком значении этого термина – ресурсами. Для имперской формы государственности определяющими чертами являются политическая и хозяйственная централизация, пирамидальная управленческая структура, господство столицы над периферией, абсолютное преобладание вертикальных общественных связей над горизонтальными – и это, как правило, в обстановке этнокультурной дробности (конгломерат народов). В сфере идеологии характерны представления о превосходстве населения империи над остальными людьми, уподобление державы (а символически и столичного города) всему цивилизованному миру, претензии на мировое господство. Наличие всех этих структурных особенностей в отдельных обществах обуславливает правомерность сопоставления между собой таких государственных образований, которые весьма удалены друг от друга во времени и пространстве, относятся к совершенно разным культурным традициям и историческим эпохам.

На протяжении этой книги мы неоднократно – где более, где менее определенно – проводили параллели между империей инков и советским государством, каким оно было в XX веке. Дело здесь не в дешевом литературном приеме – между древней южноамериканской и евразийской «мировыми державами» (как, разумеется, и между всеми прочими, возникавшими в разные времена на разных континентах) сходство не метафорическое, а сущностное. Это сходство касается, как только что было сказано, самой структуры и «морфологии» хозяйственно-политических организмов, а не только отдельных частных параллелей между ними, каждая из которых, если брать ее изолированно, еще ничего не доказывает, хотя тоже наводит на размышления (таковы, например, стремление правителей осваивать целину при расточительном отношении к прежде освоенным землям, строить гигантские, не имеющие большой практической ценности сооружения, возводить города на пустом месте, давать указания крестьянам насчет того, какие культуры им надо сеять, депортировать народы, преследовать торговцев и в целом пресекать свободные рыночные отношения и т. п.). Наличие важных аналогий между отдельными имперскими обществами не отменяет и не исключает колоссальных стадийных и культурных различий между Перу XVI века и Советским Союзом XX века. Сходство проявляется вопреки этим различиям, что само по себе свидетельствует о его сущности и неслучайности.

Начиная с эпохи фараонов, империи господствовали на политической карте мира. Обладая огромной военной мощью, они обеспечивали обществу сравнительно стабильное состояние, порой довольно длительную мирную передышку между периодами анархии и ожесточенных внутрирегиональных войн. Хотя львиная доля имперских ресурсов растрачивалась непроизводительно, а репрессивный аппарат перемалывал миллионы людей, сама по себе возможность концентрации ресурсов приводила к созданию выдающихся культурных ценностей, впечатляющих памятников человеческого творчества и труда. Надо, правда, отметить, что подобные памятники, если они вообще появлялись, относятся в большинстве своем лишь к трем, строго определенным категориям. Это либо гробницы правителей (таких, как Цинь Шихуанди или Хеопс), либо имперские столицы, либо, наконец, магистральные пути сообщения. При всей своей выявившейся со временем общечеловеческой ценности, а то и практической полезности (коль речь идет о дорогах, имевших первоначально преимущественно военное значение), невозможно забыть, что подобные объекты создавались ценой невероятных жертв со стороны общества исключительно ради упрочения могущества и престижа имперских властей.

Сама по себе большая длительность исторической эпохи, на протяжении которой империи задавали тон в геополитике, не означает, что данную форму государственности следует считать раз и навсегда данной, вечной и что она может быть использована и далее, безотносительно к уровню развития общественных производительных сил. В ходе Промышленной революции конца XVIII—XIX веков, на основе зародившихся ранее идей политической демократии окреп альтернативный вариант организации общества – национальное государство, все части которого находятся между собой в сложной взаимозависимости и взаимосвязи и которое представляет собой не удерживаемый сверху репрессивной военной силой конгломерат, а естественное органическое целое. К концу XX в. концепция национального государства также оказалась подорвана, поскольку глобализация, то есть формирование мировой сети обмена информацией и товарами, чем дальше, тем больше превращает все человечество в единый политический и хозяйственный организм. В этом новом мире региональным империям больше нет места.

В своих попытках распространиться за пределы традиционных историко-географических регионов империи XX века порой еще на стадии формирования вошли в прямое соприкосновение друг с другом, в результате чего за периодом поглощения сверхдержавами мелких

государств последовала не относительная мирная передышка, а мировые войны, т. е. такие столкновения, в которых победитель при определенных условиях мог рассчитывать на установление не регионального, а мирового господства. Факт этот сам по себе достаточно определенно доказывает, что имперская форма государственности себя изжила, вступив в противоречие с интересами практически всех общественных групп и слоев как внутри империй, так и вне их пределов. Ведь дальнейшее существование огромных экспансионистских государств могло бы привести либо (при использовании только лишь угрозы применения силы) к установлению одним из них временного контроля над всей планетой, либо к тотальной войне и исчезновению человечества как биологического вида. Впрочем, войной дело должно было бы завершиться в любом случае, ибо, как уже говорилось, централизованное политическое образование в глобальном масштабе обречено оставаться недолговечным и эфемерным. Естественно, что «ядерная зима» оказалась малопривлекательной перспективой даже и для самого имперского руководства. Эта угроза самоуничтожения – наряду с желанием не таить награбленное добро, а пользоваться им легально и на широкую руку – и побудила руководство СССР демонтировать имперские структуры и институты.

Живя в одной из последних в истории и при этом в самой обширной и неоднородной по своему составу империи, люди нашего поколения стали свидетелями и в той или иной мере участниками попытки преобразовать общество на иных началах. Хотя мы были склонны осмыслять этот процесс сквозь призму насущных политических и хозяйственных задач, его глубинное содержание выходило за рамки даже таких кардинальных проблем, как переход к рыночной экономике и к демократии парламентского образца. Речь шла об изменении основных форм самоорганизации общества на огромных пространствах евразийского материка. Оказалось, что сделать это не так и просто, но как бы ни повернулись события, возвращение в Советский Союз уже невозможно.

На протяжении долгих десятилетий определяющей и важнейшей категорией советской исторической науки оставались понятия «строя», «формации», «способа производства», последовательная и закономерная смена которых и составляет, с точки зрения марксизма, главное содержание исторического процесса. За основу различий между формациями принимались отношения внутри производственных коллективов – первобытной общины, рабовладельческой латифундии, феодального поместья, капиталистической фабрики. Что же касается более крупных общностей и структур, то они не то чтобы абсолютно не

принимались в расчет, но рассматривались как нечто производное от господствующей формы собственности, вторичное, несамостоятельное, как простая сумма составляющих элементов, что противоречило даже и самому диалектическому материализму, требовавшему учета всех связей между частями целого. Такой подход был характерен не только для официальной идеологии, но в той или иной мере и для исторического мышления всего советского общества. В результате это мышление, столкнувшись с крушением ряда привычных, простых и зачастую психологически удобных стереотипов и пытаясь создать для себя новую целостную картину, оказалось в тупике, решая ложные проблемы и используя неадекватную реальности систему понятий. В свое время такой надуманной (и, естественно, неразрешимой) проблемой оказался пресловутый вопрос об «азиатском способе производства» (что он собой представляет и есть ли вообще, так и осталось неясно). К числу аналогичных, лишенных ясного и конкретного содержания и потому ненаучных по сути дела понятий относится и расхожее понятие «социализма» – в противопоставлении «капитализму», т. е. тому современному обществу, которое, проделав полуторавековой путь со времен Маркса и Энгельса, неплохо обеспечивает основные права человека на жизнь, свободу и стремление к счастью и довольно успешно, если угодно, осуществляет принцип «От каждого по способностям, каждому по труду».

В заключение остается заметить, что при всем нарастающем ускорении темпа истории и в наши дни, несомненно, протекают процессы, которые современники фактически не в состоянии правильно оценить, а быть может, и наблюдать, отдавая себе в них ясный отчет. Пусть будущие исследователи определят, если, конечно, сочтут это нужным, имели ли события XX века отношение к переходу от какой-то одной общественно-экономической системы к другой. Те же изменения, которые очевидны для нас самих, касаются прежде всего эволюции форм управления большими коллективами людей. Мы вполне способны осознать необходимость отказа от имперской формы управления, ставшей одиозной в своем доведенном до совершенства тоталитарном варианте. И здесь немалую ценность представляет опыт всех более ранних «мировых государств». Если учитывать его, становится более понятным содержание происходящих процессов. Следовательно, и переход к более гуманным и эффективным формам общественного устройства может быть осуществлен менее болезненно.